

НЕВЮЛЯ

12 • 2007

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Марина Головизнина Преступность несовершеннолетних в Италии	4
Справка о состоянии преступности	18
Справка о состоянии УИС	24
Итоги УИС за 2006 год	26
Борис Пальгов Защити себя сам	35
Из Доклада Уполномоченного по правам человека в РФ за 2006 год	47

ЗА СТЕНОЙ. НИЧЬИ ДЕТИ

Александр Мелихов Мученики догмата	66
Нина Глазкова «Нормальные» люди делают «нормальные» деньги	79
Рубен Гальего Все равно	93

НА ТОМ СТОЮ. ЗАЩИТНИКИ

Андрей Бабушкин Вместе со ФСИН и отдельно от нее	96
Александр Константинов «Рука помощи» от Николая и Татьяны Щур	107
Николай Щур Цивилизованная защита своих прав (фрагменты)	110
Ирина Протасова Опыт взаимодействия	131

ИСТОРИЯ

Александр Муленко Вампиры	136
Александр Сидоров Опиум для уродов, или Правдивая история о том, как на зоне строгого режима проповедовали Слово Божие	147

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Марина Головизнина

Преступность несовершеннолетних в Италии

Современные тенденции

Современные тенденции преступности несовершеннолетних в Италии не являются чем-то уникальным, они характерны для преступности молодых людей в большей части стран северного полушария. Среди качественных характеристик преступности несовершеннолетних современной Италии криминологи отмечают рост насильственных преступлений и преступлений, связанных с наркотиками, а также преступлений, совершенных мигрантами и женщинами. Показатели насильственной преступности конца 1980-х были в три раза меньше показателей, фиксируемых полицией в настоящее время.

Грабеж, как и многие другие виды преступлений, является фактором, дифференцирующим территорию Италии на «север» и «юг» по шкале «опасность/безопасность» граждан: 50 грабежей на 100 000 несовершеннолетних на юге, 35 в северных регионах и 44 в центральных регионах Италии. Традиционно большое количество убийств совершается в южных регионах страны: на Сицилии, в Калабрии, Пиглии, где, например, на 100 000 несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет ежегодно приходится пять убийств. Это в десять раз выше аналогичного показателя некоторых северных и центральных регионов страны, таких как, например, Ломбардия, Марке, Умбрия, Молиза, где этот показатель составляет менее 0,5 случая.

Рост преступлений, связанных с насилием, происходит на фоне увеличения числа преступлений, связанных с наркотиками (распространение, хранение и т. д.). В начале 1990-х годов несовершеннолетними на 100 000 подростков в возрасте от 14–17 лет совершалось 50 преступлений, связанных с распространением наркотиков. В конце

1990-х их стало уже больше ста. При этом вовлеченность несовершеннолетних в подобные преступления в большей степени характерна для центральных и северных регионов страны.

Изменяется и социальный портрет молодого преступника. Сегодня чаще других это несовершеннолетние мигранты и девушки. Статистика показывает, что на протяжении 1991–1998 годов число насильственных преступлений, совершенных молодыми иностранцами, увеличилось с 18 до 26%. Наибольшая часть несовершеннолетних правонарушителей – мигранты из стран бывшей Югославии, молодежь цыганского и румынского происхождения. Другая многочисленная группа несовершеннолетних правонарушителей – подростки из Марокко и Албании.

36% от общего числа всех преступлений несовершеннолетних приходится на девушек. При этом доля девушек-итальянок составляет только 14%. Подавляющее большинство девушек-правонарушительниц также являются иммигрантами. Здесь важно заметить, что многие несовершеннолетние совершают правонарушения до достижения возраста минимальной уголовной ответственности за такие деяния (то есть 14 лет), а потому не преследуются законом. Этим во многом объясняется количественный разрыв в показателях регистрируемых преступлений и количества судебных расследований в отношении несовершеннолетних.

Причины криминальной ситуации

Согласно криминологическим исследованиям, во многих странах мира существует устойчивая корреляция уровня убийств с уровнем безработицы и экономическим благосостоянием населения. Действительно, отличительными чертами социальной жизни южных регионов Италии являются большой уровень безработицы и бедность, дополняемые высоким порогом культурной терпимости к насилию со стороны коренного населения.

Другим фактором, объясняющим рост насильственной преступности и преступности, совершаемой иммигрантами, часто называют организованную преступность. Несмотря на то, что организованная преступность (мафия) наиболее развита на юге Италии, а высокая концентрация иммигрантского населения наблюдается преимущественно на севере и в центре страны, связь между ними имеет эмпирические подтверждения. Действительно, вовлечение несовершеннолетних в организованную преступность характерно в большей мере для южных регионов: Кампании, Калабрии, Пиглии и Сицилии. Согласно результатам исследования, проведенного в южных, прилегающих к Риму частях страны, несовершеннолетние здесь в меньшей степени защищены

от влияния мафии, в большей степени склонны разделять ее ценности и идеалы, представлять себя и свой дальнейший образ жизни в сфере организованной преступности¹.

Исследование, проведенное Департаментом ювенальной юстиции Министерства юстиции Италии в 1998 году, также показало, что данный механизм воспроизводства преступности присутствует и в северных регионах страны. В отличие от юга несовершеннолетние на севере вовлечены в организованную преступность главным образом через участие в сфере распространения наркотиков. Согласно анонимным отчетам подростков о совершенных ими преступлениях, 94% опрошенных в северных регионах страны указали, что они когда-либо хранили, распространяли наркотики; в то же время только 25% их сверстников на юге имели подобные криминальные практики, но при этом больше участвовали в грабежах, вымогательстве, незаконном использовании оружия.

Как уже было отмечено выше, Италия является одной из европейских стран, лидирующих по числу нелегальных мигрантов из государств – не членов Евросоюза, преимущественно из стран бывшей Югославии, Марокко и Албании. Их жизнь протекает в тяжелых условиях: бедность, слабые или отсутствующие социальные связи, неполные семьи, проблемы в школе. Молодые люди из мигрантской среды в наименьшей степени защищены от эксплуатации криминала (принуждение к торговле наркотиками, например) и более «видимы» для полиции и ювенального суда. Другими словами, несовершеннолетние мигранты имеют больше шансов быть вовлеченными в криминальную деятельность, быть задержанными, осужденными и направленными в закрытые учреждения, чем их итальянские сверстники. Исследование Барбали показывает, что вероятность задержания и последующего судебного осуждения подростка-неитальянца за кражу в супермаркете в два раза выше, чем подростка-итальянца².

¹ LABOS. *Giovani a rischio nelle aree metropolitane*. Edizioni TER, Rome, 1991. Цит. по: *Gatti U., Verde A. 'Comparative Juvenile Justice: An Overview on Italy'*, In J. Winterdik ed. *Juvenile Justice Systems: International Perspectives (2nd Edition)* Canadian Scholars Press Toronto, 2002. P. 13.

² *Barbagli M. L'occasione e l'uomo ladro. Furti e rapine in Italia*. Il Milano, Bologna, 1995. Цит. по: *Gatti U., Verde A. 'Comparative Juvenile Justice: An Overview on Italy'*, In J. Winterdik ed. *Juvenile Justice Systems: International Perspectives (2nd Edition)* Canadian Scholars Press Toronto, 2002. P. 11.

«Итальянская модель» ювенальной юстиции

В истории современной итальянской ювенальной юстиции можно выделить пять периодов.

Первый период (1934–1956 гг.) характеризуется преобладанием «карательной парадигмы» наказания несовершеннолетних правонарушителей, согласно которой наказание подростка понимается как неотъемлемая часть справедливого правосудия и имеет своей целью превенцию дальнейших правонарушений самого подростка и других членов общества. В конце первого периода в Италии открываются ювенальные суды. Второй период (1956 – середина 1960-х годов) характеризуется как «гуманистический» и отличается преобладанием реабилитационных идей в отношении несовершеннолетних. Начало второго периода связывается с введением в действие в 1956 году целого ряда законодательных актов, существенно реформирующих национальную социальную политику и инфраструктуру социальных учреждений. Третий период (конец 1960-х – начало 1980-х годов) характеризуется законодательными изменениями в области семейной политики, которые легитимировали приоритет применения к несовершеннолетним правонарушителям мер административного воздействия³. Четвертый период был открыт принятием нового закона в 1977 году, реформами сферы социальной защиты населения и процессами децентрализации административных органов власти. Указанные изменения усилили реабилитационные меры в отношении несовершеннолетних и придали им другое значение. Начиная с 1977 года муниципалитеты начали развивать собственные социальные службы на местах, включив несовершеннолетних в одну из целевых групп вновь созданных учреждений. Изменения на уровне законодательного дискурса получили свое подкрепление на уровне практики: реабилитационная работа с несовершеннолетними правонарушителями стала осуществляться не только судебными социальными службами, но и социальными службами муниципалитетов, осуществляющих работу с семьей. Пятый период был открыт принятием нового Уголовного кодекса Италии в 1988 году, закрепившего современную структуру институтов ювенальной юстиции.

Современный институт ювенальной юстиции в Италии включает в себя ювенальные суды, прокуратуру, судебные социальные службы и пенитенциарные учреждения. Все эти институты подведомственны Министерству

³ *Paliero C.E. and Mannozi G. Mediation and Reconciliation Models in Italian Legal Experience. In Restorative Justice on Trial, H. Messmer and H.-U. Otto (eds.), 1992. P. 225–238.*

юстиции и тесно сотрудничают с другими организациями, работающими в этой сфере: с полицией, муниципальными социальными службами, волонтерскими службами. Всего на сегодняшний день существует 29 ювенальных судов, 29 прокуратур и столько же судебных социальных служб. Все структуры традиционно располагаются в одном здании⁴.

В Италии, как и в ряде других стран, ювенальный суд формируется и состоит из профессиональных судей и определенного числа ассистирующих им судебных заседателей. Судебные заседатели регулярно отбираются из числа экспертов, профессионально занятых в работе с детьми и подростками в таких сферах, как психология, криминология, социология, психиатрия и др. Обычно состав судебных заседателей меняется каждые три года.

Ювенальные суды рассматривают дела гражданского, уголовного и административного характера. Возраст минимальной уголовной ответственности в Италии составляет 14 лет. Дети, совершившие правонарушения до наступления 14 лет, согласно законодательству, не несут уголовную ответственность за свои поступки. Она распространяется только на подростка, достигшего 14 лет, и только при условии признания его судом «полностью понимающим и осознающим свой поступок». Административная ответственность распространяется на так называемое «социально-дезадаптивное», допреступное, поведение несовершеннолетнего в возрасте до 18 лет. В случае привлечения несовершеннолетнего к административной ответственности суд может постановить поместить подростка под контроль социальных реабилитационных служб или направить его/ее в коррекционное учреждение. При защите детей и подростков до 18 лет, находящихся без должного семейного надзора и попечения или получающих некомпетентную родительскую заботу, возбуждаются гражданские дела. В таких случаях суд решает изъять – на время или навсегда – ребенка из родительской семьи и направить его либо в приемную семью, либо в интернатное учреждение.

Информация о преступлении поступает в прокуратуру от граждан, полиции и муниципальных социальных служб. Судебное расследование инициируется прокурором. Согласно итальянскому законодательству, суд может применить к несовершеннолетнему четыре меры воздействия, три из которых являются альтернативными мере наказания в виде лишения свободы. Ювенальный суд, как правило, использует

⁴ Mestitz A., Ghetti S., Cuijffo E., Mastropasqua I. Victim-offender Mediation with Juveniles in Italy (sept. 19–20, 2003, IRSIG-CNR, Bologna, Italy), In *Victim-Offender Mediation: Organization and Practice in the Juvenile Justice Systems* (<http://www.giustizia.it/studierapporti/mediazione>).

все альтернативные меры с целью недопущения несовершеннолетнего в тюрьму. Первая мера – признание правонарушения «незначительным». Вторая – «судебное прощение» (в случае, когда правонарушители приговорены к наказанию до двух лет лишения свободы и когда можно утверждать, что они не совершат повторного преступления). Применение указанной меры требует сохранения дела несовершеннолетнего на специальном контроле до достижения им 21 года. Третья мера воздействия, введенная новым Уголовно-процессуальным кодексом 1988 года, – так называемая «досудебная пробация».

Итальянская служба probation имеет национальную специфику и отличается от подобных служб других стран. Пробация в Италии подразумевает лишь приостановку судебного разбирательства дела несовершеннолетнего на определенный промежуток времени. В течение этого пробационного периода (в среднем восемь месяцев) несовершеннолетний обязан посещать реабилитационные и образовательные программы и проекты, зачастую организуемые местной церковью. Важно заметить, что мера «досудебной probation» применяется ко всем без исключения видам преступлений, в том числе и к убийствам. Программы «досудебной probation» составляются и руководятся работниками судебных социальных служб и зачастую проводятся в сотрудничестве с муниципальными государственными социальными службами⁵. Штрафы редко используются как мера наказания несовершеннолетних в отличие от стран англо-американской системы правосудия или Франции и Германии. Возмещение ущерба или вреда, хотя и предусмотрено законом, также используется крайне редко. Согласно судебным отчетам, ежегодно 30–40% дел несовершеннолетних заканчивается «судебным прощением» и только в 6% случаев правонарушитель направляется на «пробацию» (данный показатель растет год от года). Применение мер «пробации» в более широкой практике ограничено многими факторами, не в последнюю очередь неразвитостью инфраструктуры социальных служб, особенно в бедных частях страны⁶.

Итак, только в случае невозможности применения к несовершеннолетнему правонарушителю вышеперечисленных мер воздействия суд приговаривает его к наказанию в виде лишения свободы. Сеть пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних включает в себя 25 цен-

⁵ *Gatti U., Verde A. 'Comparative Juvenile Justice: An Overview on Italy', In J. Winterdik ed. Juvenile Justice Systems: International Perspectives (2nd Edition) Canadian Scholars Press Toronto, 2002. P. 5–8.*

⁶ *Nelken D. Italian Juvenile Justice: a Lesson in Tolerance? In: J. Muncie and B. Goldson (eds.). Juvenile Justice: Critical issues. London, Sage, 2006 (forthcoming).*

тров временного содержания несовершеннолетних и 17 тюрем для несовершеннолетних. В центрах временного содержания несовершеннолетние находятся в течение первых дней после ареста в ожидании результатов расследования и слушания дела в суде⁷. Согласно статистическим данным, ежегодно в тюрьмы Италии помещается около 2000 молодых людей. Средний срок нахождения несовершеннолетнего в тюрьме составляет пять месяцев⁸. Поэтому ежедневно в тюрьмах страны находится до 500 несовершеннолетних заключенных, что делает Италию одной из стран с самым низким показателем несовершеннолетних заключенных среди государств Западной и Центральной Европы⁹.

В целом, начиная с 1990-х годов тюремная изоляция применяется преимущественно к несовершеннолетним мигрантам, не имеющим должной социальной опеки и поддержки, а потому промышляющим торговлей наркотиками или мелким воровством и карманными кражами, как, например, часто бывает в случаях с девочками-цыганками. Согласно итальянскому законодательству, мигранты, не имеющие социальной опеки, не могут ни работать, ни быть депортированными из страны до достижения ими 18 лет. Направление в изоляционное учреждение для мигрантов-правонарушителей остается едва ли не единственной мерой воздействия, поскольку назначение «досудебной пробации» при отсутствии поддержки со стороны семьи и местного сообщества признается невозможным и нецелесообразным. Если в 1983 году доля несовершеннолетних иностранцев в тюремном населении составляла 30,7%, то в 1998 году – уже 53,2%.

«Восстановительное правосудие» в итальянской ювенальной юстиции: эксперименты по примирению жертвы и правонарушителя

Социальная неудовлетворенность ростом преступности несовершеннолетних, низкой эффективностью существующих программ профилактики и работой системы правосудия породила всемирное движение за восстановительное правосудие. Восстановительная парадигма трактует правонарушение как событие, разорвавшее социальную ткань жизни местного сообщества. Главная задача правосудия заключается в вос-

⁷ Mestitz A., Ghetti S., Cuijffo E., Mastropasqua I. Victim-offender Mediation with Juveniles in Italy (sept. 19–20, 2003, IRSIG-CNR, Bologna, Italy), In *Victim-Offender Mediation: Organization and Practice in the Juvenile Justice Systems* (<http://www.giustizia.it/studierapporti/mediazione>).

⁸ Nelken D. Italian Juvenile Justice: a lesson in tolerance? In: J. Muncie and B. Goldson (eds.). *Juvenile Justice: Critical issues*. London, Sage, 2006 (forthcoming).

⁹ Muncie J. The Globalization of Crime Control – the Case of Youth and Juvenile Justice. In: *Theoretical Criminology*, 2005. 9, 1, 35–64

становлении баланса социальной жизни людей, утраченного ими в результате конфликта, – в примирении сторон-участников при опоре преимущественно на механизмы неформального контроля¹⁰. Основные процедуры восстановительного подхода включают в себя два главных компонента: медиацию / примирение жертвы и правонарушителя и заглаживание вины / возмещение нанесенного вреда, ущерба. Согласно М. Райту, «медиация является процессом, в котором жертва и правонарушитель встречаются для обсуждения проблемы с участием третьего беспристрастного лица (медиатора), либо непосредственно, “лицом к лицу”, либо заочно. Цель медиации – дать возможность жертве выразить свои чувства и претензии, а правонарушителю – осознать и признать свою ответственность»¹¹. Заглаживание вины обидчиком перед пострадавшим (в контексте медиации) помогает восстановлению права пострадавшего на возмещение ущерба (физического, эмоционального), причиненного ему в результате преступления. Если жертва не желает получить компенсацию лично, то компенсацию может получить местное сообщество, где проживают обе стороны конфликта. Компенсация может включать как извинение, финансовую выплату, работы и услуги по возвращению или ремонту вещей, так и добровольное участие нарушителя в реабилитационных и образовательных программах¹².

Начиная с конца 1980-х десятки восстановительных программ, в том числе и по примирению жертвы и правонарушителя, уже успешно действовали в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Великобритании и других европейских странах¹³. В Италии эти процедуры начали экспериментально применяться с середины 1990-х годов. Как отмечает А. Местич, внимание итальянского профессионального сообщества к идеям восстановительного правосудия возникло еще до формального появления первого Центра по примирению (далее – ЦП) в Турине в 1995 году.

Прежде чем приступить к анализу практик восстановительного правосудия в работе ЦП, результатов их применения в ювенальной

¹⁰ Зер Х. Восстановительное правосудие. Новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002; Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение/пер. с англ. Н.Д. Хариковой. Под общ. ред. М.Г. Флямера. Комм. д.ю. н. профессора Я.И. Гилинского. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

¹¹ Wright M. Alternative to the Criminal Justice Process. Iuris. 1995. № 4. P. 47–58.

¹² См.: Wright M. Ibid. P. 48.

¹³ Umbreit M.S. 'Victim-offender mediation: A National Survey', Federal Probation. #12. 1986. P. 53–56; Chupp M. 'Reconciliation Procedures and rationale', in Wright M. and Galaway, B. (eds.), Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community, London, Sage. 1989. Peachey D.E. 'The Kitchener Experiment', in Wright M. and Galaway, B. (eds.), Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community, London, Sage. 1989.

юстиции, необходимо отметить три важных факта. Первый: настоящий Уголовно-процессуальный кодекс ювенального судопроизводства в Италии не включает специальных частей по проведению «медиации». Однако некоторые его нормы постоянно применяются в целях проведения практик восстановительного правосудия, в том числе и медиации. Второй: решение о направлении дела в ЦП судьи и прокуроры принимают, когда жертва и правонарушитель знакомы между собой, а совершенное преступление ставит под угрозу их взаимоотношения и когда несовершеннолетний впервые предстает перед судом. Третий: при отсутствии специальных норм, прямо устанавливающих процедуру примирения сторон, судьи и прокуроры на практике направляют дела в ЦП, опираясь при этом на различные законодательные нормы.

Чаще всего прокуроры направляют дела несовершеннолетних в ЦП, ссылаясь на статью кодекса об «оценке личности несовершеннолетнего» в ходе «предварительного расследования» и/или «предварительного слушания дела». По заказу прокурора ЦП проводят «предварительное расследование»: изучают семью несовершеннолетнего, его ближайшее окружение и друзей. Судебная социальная служба также может по поручению судьи проводить социальное расследование по «оценке личности несовершеннолетнего», а может автономно заказать проведение подобного исследования Центру по примирению. Законодателем подобное делегирование функций также не предусмотрено.

Итак, ЦП информируют прокурора и/или судью, судебные социальные службы о результатах «предварительного расследования» или результатах процедуры «примирения сторон», если таковое им было поручено. В случае успешного примирения сторон прокурор принимает решение о прекращении дела.

Судьи, направляя дела в ЦП для проведения медиации и «предварительного расследования», чаще всего используют норму: «направление на досудебную пробацию». Судья может направить дело в судебную социальную службу и/или в ЦП. Заметим, что судебское направление в ЦП менее распространено, чем использование ЦП прокурорами. Одновременно судебные социальные службы также могут самостоятельно направить несовершеннолетнего в ЦП, рассматривая это как часть реабилитационной программы пробационного периода. В случае положительных откликов о прохождении несовершеннолетним реабилитационных мероприятий программы probation, судья может принять решение о помиловании или прекращении дела, посчитав противоправное деяние подростка «незначительным».

На сегодняшний день в Италии работает восемь ЦП: три на севере страны (Милан, Турин, Тренто), три на юге (Бари, Катанзаро, Фоглия) и два на острове Сардиния¹⁴. Четыре из них работают с 1995–1996 годов. Каждый ЦП появлялся по инициативе уважаемых в муниципалитете профессионалов из числа ювенальных судей и социальных работников судебной системы, поэтому все ЦП первоначально располагались в здании ювенального суда. Сегодня большая часть ЦП находится в отдельном здании, что способствует их независимости от судебной системы. Все ЦП имеют финансирование из нескольких источников (муниципальный, провинциальный и региональный бюджет), а также получают методическую и организационную поддержку от Департамента ювенальной юстиции Министерства юстиции Италии.

Анализ статистики о работе ЦП наглядно демонстрирует, что количество дел несовершеннолетних, направляемых судьями и прокурорами в ЦП для проведения «медиации», медленно увеличивается год от года (таблица 1).

Таблица 1. Распределение дел, направляемых в ЦП, в общем числе дел несовершеннолетних, разбираемых в судах, 1995–2000 гг. ¹⁵

Годы	Количество дел несовершеннолетних, разбираемых в судах	Количество дел, направляемых на медиацию	
		N	%
1995	702	33	4,7
1996	1460	48	3,29
1997	1437	78	5,4
1998	2762	89	3,18
1999	2187	153	6,99
2000	2250	180	8,0

¹⁴ Официальное число зарегистрированных ЦП – 11, реально из них работает только 8. ЦП в Риме проработал только три года (1996–1999 гг.). Mestitz A. A First Survey on Victim-Offender Mediation in Italy. Paper presented at the Third International Conference on Conferencing, Circles and other Restorative Practices 'Dreaming of a New Reality'. August, 8–10. 2002. Minneapolis, Minnesota (http://www.iirp.org/library/mn02/mn02_mestitz.html).

¹⁵ Mestitz A. A First Survey on Victim-Offender Mediation in Italy. Paper presented at the Third International Conference on Conferencing, Circles and other Restorative Practices 'Dreaming of a New Reality'. August 8–10. 2002. Minneapolis, Minnesota (http://www.iirp.org/library/mn02/mn02_mestitz.html).

Основной «целевой» группой, с которой работают ЦП, являются подростки в возрасте 16–17 лет, совершившие преступления против личности (таблица 2).

Таблица 2. Распределение «согласившихся/не согласившихся» на медиацию в зависимости от возраста и типа преступления, 1995–2000 гг.¹⁶

Тип правонарушения	Согласие несовершеннолетнего на участие в примирении					Несогласие несовершеннолетнего на участие в примирении				
	14–15	16–17	18+	–	Всего	14–15	16–17	18+	–	Всего
Против собственности	17	32	11		60	4	14	2	2	20
Против личности	26	73	34	1	134	14	17	13	6	44
Другие	1	1			2		1	1	1	2
Данные утеряны (-)	2	3		1	6		1	1		
Всего:	46	109	45	2	202	18	33	17	9	68

Положительные результаты работы ЦП (медиации, реституции) по группе преступлений против собственности немногим выше, чем результаты по работе в группе преступлений против личности (таблица 3).

Таблица 3. Распределение результативности медиации в зависимости от возраста и типа преступления, 1995–2000 гг.¹⁷

Тип правонарушения	Положительные результаты работы ЦП					Отрицательные результаты работы ЦП			
	14–15	16–17	18+	–	Всего	14–15	16–17	18+	Всего
Против собственности	7	15	5		27	1			1
Против личности	14	33	16	1	64	2	6	8	16
Другие	1	1	1		3				
Данные утеряны (-)	1	1		1	3		1		1
Всего:	23	50	22	2	97	3	7	8	18

¹⁶ Mestitz A., Ghetti S., Cuiffo E., Mastropasqua I. Victim-offender Mediation with Juveniles in Italy. Sept. 19–20, 2003, IRSIG-CNR, Bologna, Italy). In *Victim-Offender Mediation: Organization and Practice in the Juvenile Justice Systems* (<http://www.giustizia.it/studierapporti/mediazione>)

¹⁷ Ibid.

Все сотрудники, проводящие медиацию в ЦП, работают на волонтерских началах, в свободное от основной работы время. Согласно проведенному исследованию, 42% всех медиаторов являются социальными работниками; 32% медиаторов являются судьями; 22% являются специалистами, имеющими собственную практику, связанную с несовершеннолетними (адвокаты, психиатры и т. д.)¹⁸. Анализ социально-демографического состава группы медиаторов показывает, что более половины медиаторов (56%), работающих в ЦП, – женщины. В подавляющем большинстве медиаторы – это молодые люди (от 28–35 лет – 62%); незамужние/неженатые (58%), бездетные (52%); закончившие бакалавриат (68%), имеющие стаж работы медиатором до 3-х лет (48%); прошедшие формальную профессиональную подготовку и тренинг по проведению медиации, прежде чем приступить к работе (76%)¹⁹.

Противоречия и проблемные точки

Новый социальный институт обострил существовавшие ранее противоречия и обозначил новые «проблемные точки» системы профилактики преступности несовершеннолетних. Одним из проблемных моментов является отсутствие обратной связи между ювенальными судами и судебными социальными службами, с одной стороны, и ЦП – с другой. ЦП, выполняя «социальный заказ» местного сообщества и предоставляя суду результаты собственной работы, не получают никакой информации об окончательном решении суда. При отсутствии формальных законодательных норм работа нового института – ЦП – регулируется нормами неформальными. Взаимодействие медиаторов, судей, прокуроров, социальных работников судебных служб на местах во многом определяется их личными контактами.

Хотя ЦП работают в Италии уже почти десять лет, они продолжают занимать маргинальную позицию в ювенальной юстиции. На сегодняшний день не существует единой системы оценки результативности их деятельности. Не понятно, каким образом оценивать рецидив, удовлетворенность получателей услуг, учитывать региональную спе-

¹⁸ Mestitz A. A First Survey on Victim-Offender Mediation in Italy. Paper presented at the Third International Conference on Conferencing, Circles and other Restorative Practices 'Dreaming of a New Reality'. August 8–10. 2002. Minneapolis, Minnesota (http://www.iirp.org/library/mn02/mn02_mestitz.html).

¹⁹ Mestitz A., Ghetti S., Cuiffo E., Mastropasqua I. Victim-offender Mediation with Juveniles in Italy. Sept.19–20. 2003. IRSIG-CNR, Bologna, Italy). In *Victim-Offender Mediation: Organization and Practice in the Juvenile Justice Systems* (<http://www.giustizia.it/studierapporti/mediazione>).

цифику преступности несовершеннолетних, развитость инфраструктуры социальных учреждений и т. д.

О положительном социальном эффекте нового института можно, по мнению итальянских исследователей, говорить на основании того, что, во-первых, внедрение восстановительных практик ознаменовало культурный сдвиг в традиционной и очень консервативной системе правосудия. Во-вторых, на сегодняшний день дискуссии о том, что ЦП стали частью уголовного расследования и процесса, а результаты их деятельности так или иначе влияют на судебное решение, уже оформились в устойчивое консолидированное мнение экспертов и профессионалов²⁰. В-третьих, ЦП являются определенно перспективным институтом ювенальной юстиции. ЦП позволяют работать с несовершеннолетними правонарушителями-мигрантами, выступая почти единственной альтернативой мере изоляции, применяемой сегодня к данной категории правонарушителей.

Заключение

Современные попытки внедрить некоторые практики восстановительного правосудия в существующую ювенальную юстицию вызывают в профессиональной среде большое количество дискуссий по острым вопросам, связанным с фундаментальными основами правосудия и соблюдением прав несовершеннолетних. Нужно ли вводить дополнительно в существующее законодательство специальные нормы, легитимирующие новый социальный институт – ЦП? Или существующих норм достаточно для внедрения практик восстановительного правосудия? Как должны быть организованы ЦП? Должны ли они быть учреждением судебной системы или иметь независимый статус?

«Сторонники» дополнительного законодательного обоснования процедуры примирения жертвы и правонарушителя ссылаются на маргинальную роль жертвы в итальянской судебной культуре и полагают, что новые нормы будут направлены на актуализацию ее роли в судебном процессе²¹. Противники формализации института ЦП указывают, что введение официальных правил приведет к ослаблению ее гражданско-го элемента, а также к бюрократизации. Ряд экспертов опасается, что

²⁰ Mestitz A., Ghetti S., Cuiffo E., Mastropasqua I. Victim-offender Mediation with Juveniles in Italy. Sept.19–20. 2003. IRSIG-CNR, Bologna, Italy). In *Victim-Offender Mediation: Organization and Practice in the Juvenile Justice Systems* (<http://www.giustizia.it/studierapporti/mediazione>).

легитимация включения ЦП в судебное производство, возможно, нивелирует «традиционную функцию судьи как посредника сторон»²².

В настоящий момент обсуждается следующий сценарий дальнейшего развития ЦП в Италии. Во-первых, наделение ЦП независимым статусом – тогда там будут работать специально обученные медиаторы, а не служащие судебной системы на волонтерских началах. Во-вторых, предоставление медиаторам доступа к делам несовершеннолетних и совещательного голоса в определении целесообразности проведения медиации в каждом из случаев. Предполагаемые изменения должны способствовать усилению соблюдения прав несовершеннолетних (как правонарушителей, так и жертв) на беспристрастное и справедливое судебное решение²³.

²¹ Ponti, 1995.

²² Turri, 1999.

²³ Baldry A.C. Victim-Offender Mediation in the Italian Juvenile Justice System: the Role of the Social Worker, in *British Journal of Social Work*. 28. 729–744.

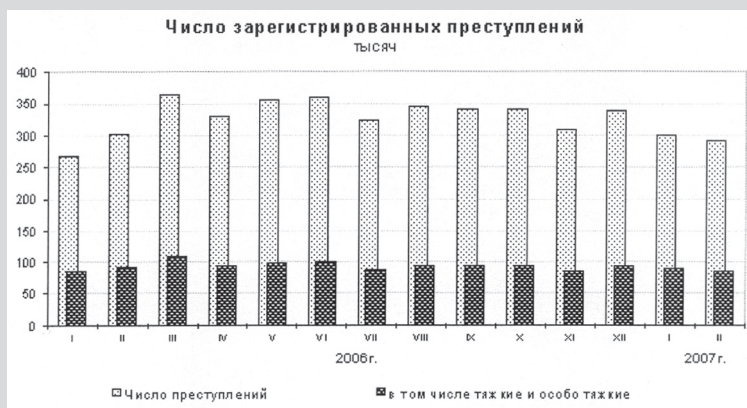
Состояние преступности в России в январе–феврале 2007 года

Состояние преступности в Российской Федерации

	Январь– февраль 2007 г., тысяч	В % к январю– февралю 2006 г.	Справочно: январь– февраль 2006 г. в % к январю– февралю 2005 г.
Зарегистрировано преступлений	590,0	103,6	120,8
в том числе:			
особо тяжкие	19,8	110,1	105,8
тяжкие	155,1	96,9	111,7
средней тяжести	230,9	108,7	124,4
небольшой тяжести	184,2	102,8	127,4
из общего числа зарегистрированных преступлений по отдельным составам преступлений: убийство и покушение на убийство	3,7	84,7	89,9
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	8,3	91,2	98,0
изнасилование и покушение на изнасилование	1,0	82,7	114,4
разбой	8,2	89,7	107,0
грабеж	54,2	93,6	129,1
кража	238,6	105,0	117,2
в том числе из квартир	33,1	91,6	92,9
вымогательство	2,1	85,3	117,1
мошенничество	39,0	106,4	141,7
хулиганство	3,6	83,8	130,3
взяточничество	2,6	109,7	102,0
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	6,8	117,0	99,9

В январе–феврале 2007 г. зарегистрировано 233,9 тыс. преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, что составляет 39,6% от общего числа преступлений. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года их число возросло на 0,3%.

Зарегистрировано 86 фактов бандитизма (в январе–феврале 2006 г. – 80), 5 фактов терроризма (19), 176 фактов похищения человека (140), а также 2,0 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (2,3 тыс.) и 2,4 тыс. фактов нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (1,9 тыс.).

В феврале 2007 г. зарегистрировано 291,2 тыс. преступлений, что на 3,9% ниже уровня февраля 2006 г. и на 2,5% ниже уровня января 2007 г. Тяжких и особо тяжких преступлений зарегистрировано 84,6 тыс. (снижение соответственно на 8,5% и на 6,1%).

По сравнению с февралем 2006 г. произошло уменьшение числа убийств и покушений на убийство (на 22,6%), числа фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (на 15,1%), изнасилований и покушений на изнасилование (на 24,8%), разбоев (на 18,8%), грабежей (на 16,4%), краж (на 3,6%), хулиганств (на 21,3%). Увеличилось число фактов присвоения или растраты (на 4,5%), преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (на 17,9%). Количество фактов хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось на 18,6%. По сравнению с февралем 2006 г. на 15,7% увеличилось число выявленных фактов взяточничества.

Из общего числа преступлений, зарегистрированных в январе–феврале 2007 г., 174,9 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким. Удельный вес подобных преступлений в общем объеме составил 29,6%. Среди раскрытых преступлений доля тяжких и особо тяжких составила 28,6%.

Зарегистрировано 49,6 тыс. преступлений, причинивших крупный ущерб или совершенных в крупных и особо крупных размерах. Их раскрываемость составила 59,7% против 57,8% в январе–феврале 2006 г.

В январе–феврале 2007 г. число зарегистрированных преступлений, **связанных с незаконным оборотом наркотиков**, выявленных правоохранительными органами, увеличилось на 22,2% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков

	Январь– февраль 2007 г., тысяч	В % к январю– февралю 2006 г.	Справочно: январь– февраль 2006 г. в % к январю– февралю 2005 г.
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ	37,3	122,2	130,7
из них тяжкие и особо тяжкие	26,1	111,7	131,9
из общего числа преступлений совершены:			
в крупных размерах	14,1	149,6	122,2
в особо крупных размерах	7,6	141,9	129,5
из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде, совершены:			
группой лиц по предварительному сговору	1,4	101,6	–
организованной группой либо преступным сообществом	1,3	138,6	–

Среди преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 91,9% составляли факты незаконного производства, сбыта, пересылки, приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки, а также нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В январе–феврале 2007 г. из числа зарегистрированных преступлений, дела о которых окончены расследованием, 1,8 тыс. преступлений совершены в состоянии наркотического опьянения, что на 18,9% больше, чем за аналогичный период 2006 г. Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, снизилось на 10,3% и составило 44,5 тыс.

В январе–феврале 2007 г. зарегистрировано 5,6 тыс. преступлений, связанных с **незаконным оборотом оружия**, что на 13,1% больше, чем за соответствующий период 2006 г. Зарегистрировано 307 случаев хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, что на 11,0% меньше, чем в январе–феврале 2006 г. Раскрываемость этих преступлений составила 52,1% против 51,4% в январе–феврале 2006 г. С применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 2,9 тыс. преступлений, из них 1,1 тыс. преступлений совершено с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, их раскрываемость составила 61,2% против 56,8% в январе–феврале 2006 г.

В январе–феврале 2007 г. **в общественных местах** зарегистрировано 100,9 тыс. преступлений (на 5,5% больше, чем за соответствующий период предыдущего года). На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 59,2 тыс. преступлений (увеличение на 5,9%), из них 24,3 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким (рост на 2,1%). Из числа преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, число убийств и покушений на убийство увеличилось на 12,6%, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 9,2%, краж – на 11,5%, в том числе краж транспортных средств – на 13,2%. Число выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось на 30,5%. Снизилось число изнасилований и покушений на изнасилование – на 11,5%, грабежей – на 1,1%, разбоев – на 1,0%, хулиганств – на 5,8%. На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 42,4% всех зарегистрированных грабежей, 32,4% – разбоев, 35,1% – хулиганств, 35,2% – краж транспортных средств.

В январе–феврале 2007 г. зарегистрировано 4,5 тыс. **экологических преступлений** (на 12,4% больше, чем за соответствующий период предыдущего года).

В январе–феврале 2007 г. количество выявленных лиц, совершивших преступления, увеличилось на 2,0% по сравнению с аналогичным периодом 2006 г.

Лица, совершившие преступления

	Январь– февраль 2007 г., тысяч	В % к январю– февралю 2006 г.	Справочно: январь– февраль 2006 г. в % к январю– февралю 2005 г.
Выявлено лиц, совершивших преступления	214,0	102,0	108,2
из них:			
женщины	31,9	104,3	122,4
несовершеннолетние	22,5	96,8	98,1
не имеющие постоянного источника дохода	126,9	100,0	106,9
из них безработные	12,3	92,0	112,1
ранее судимые	49,9	100,8	106,3

В январе–феврале 2007 г. число лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 1,9 тыс. человек, что на 10,6% больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 2,4 тыс. человек (уменьшение на 20,0%).

В ходе осуществления надзора за исполнением законов органами Прокуратуры Российской Федерации в 2006 г. было выявлено 3,2 млн нарушений законов. Из них 1,2 млн в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина, 847,9 тыс. нарушений законов в сфере экономики, 419,8 тыс. в области соблюдения прав и интересов несовершеннолетних, 205,5 тыс. в сфере охраны окружающей среды. По выявленным нарушениям законов по постановлению прокурора было возбуждено 23,9 тыс. уголовных дел.

В 2006 г. было возбуждено 3,6 млн уголовных дел, в том числе 130,3 тыс. о преступлениях несовершеннолетних. Из общего количества уголовных дел 1,9 млн уголовных дел возбуждено следователями МВД

России, 1,3 млн – органами дознания МВД России, 318,6 тыс. – прокурорами и следователями прокуратуры.

По данным **Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации**, в 2006 г. в арбитражные суды первой инстанции поступило 1,1 млн заявлений, исковых заявлений, из которых 1,0 млн принято к производству. В суде первой инстанции разрешено 1,1 млн дел, с учетом остатка неоконченных дел на начало отчетного периода, в том числе 848,3 тыс. дел с принятием решений (определений). Из общего количества поступивших в 2006 г. заявлений, исковых заявлений 59,8% дел – экономические споры и другие дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, и 34,0% дел – экономические споры и другие дела, возникающие из гражданских правоотношений.

Службой судебных приставов в 2006 г. возбуждено 25,1 млн исполнительных производств. Судебными приставами за этот период окончено 23,3 млн исполнительных производств, в подавляющей части, имущественного характера. Сумма денежных средств по окончанным исполнительным производствам, возбужденным в отчетном периоде, подлежащая взысканию с должников, составила 719,8 млрд рублей, взыскано – 121,9 млрд рублей.

По данным **Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации**, в 2006 г. в учреждения социального обслуживания семьи и детей обратилось 2,3 тыс. человек, подвергшихся преступным посягательствам, 83,6% из которых составили женщины. 22,3% от обратившихся были направлены в правоохранительные органы, 17,3% – в медицинские учреждения. Среди лиц, обратившихся в учреждения социального обслуживания семьи и детей, было 794 несовершеннолетних, подвергшихся преступным посягательствам, из которых 62,8% составляли девочки и 37,2% – мальчики.

Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы России

По состоянию на 1 мая 2007 г. в учреждениях УИС содержалось 888,1 тыс. человек, в том числе в 766 исправительных колониях – 709,9 тыс., в 216 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 160 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, – 165,9 тыс. человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 12,1 тыс. человек. В учреждениях содержится 62,4 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 713 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 132 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 58 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС входят также 2443 уголовно-исполнительные инспекции, в которых состоят на учете 574,4 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Производственный потенциал УИС составляет 601 предприятие исправительных учреждений.

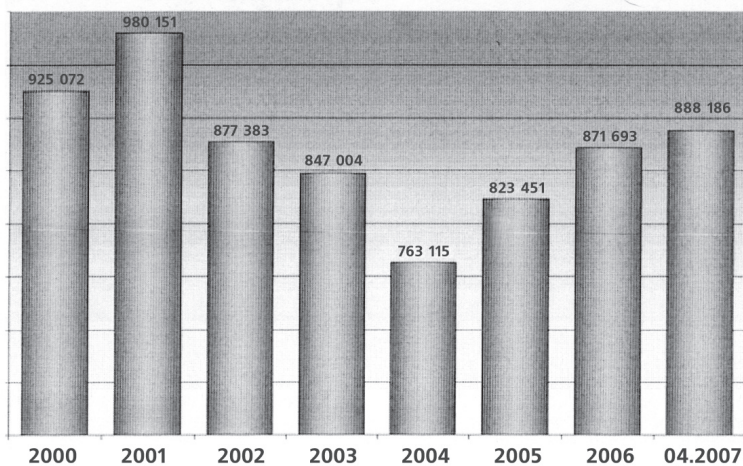
При исправительных и воспитательных колониях функционирует 294 вечерние общеобразовательные школы и 222 учебно-консультационных пункта, 338 профессионально-технических училищ, действует 396 церквей, 695 молитвенных комнат.

Штатная численность персонала УИС составляет 355,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 253,9 тыс. человек.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действует 5 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права и управления Минюста России, 2 юридических колледжа, 1 средняя специальная школа, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната – «Московский кадетский корпус юстиции» и «Симбирский кадетский корпус юстиции».

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание» и «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Основные итоги деятельности Федеральной службы исполнения наказаний за 2006 год

Федеральной службой исполнения наказаний в 2007 году осуществлялись мероприятия по дальнейшему реформированию деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Выполнение возложенных на систему задач осложнялось продолжающимся ростом численности осужденных к лишению свободы и заключенных под стражу, серьезными изменениями в криминогенном составе контингента УИС.

За 2006 год прирост составил 48,3 тыс. человек, общая численность достигла 872 тыс. человек, что соответствует уровню конца 2002 – начала 2003 года. На учете в уголовно-исполнительных инспекциях состоит 574 тыс. человек. В целом через учреждения УИС за 2006 год прошло 2,8 млн человек. В январе численность в УИС увеличилась еще на 5,8 тыс. человек.

Криминогенный состав осужденных продолжает ухудшаться. Растет количество лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Несколько лет назад их численность составляла 30–35%. Сегодня она достигла 70%. Каждый четвертый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. 46% осужденных отбывают наказание второй раз и более. Сегодня в местах лишения свободы содержится более 400 тыс. человек с повышенной агрессивностью и возбудимостью, склонных к членовредительству, суициду, из них 76 тыс. – с явно выраженной психической патологией.

Эти негативные тенденции прогнозировались, и ФСИН России были приняты адекватные меры. Это позволило обеспечить нормальное функционирование учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В течение года продолжалась работа по совершенствованию законодательства. За 2006 год принято 3 федеральных закона, 4 постанов-

ления Государственной Думы, 9 постановлений и распоряжений Правительства России, направленных на улучшение деятельности УИС и соблюдение прав человека. Обеспечивается сопровождение еще 12 законопроектов.

Повышению эффективности работы по обеспечению прав человека способствует создание общественных советов по проблемам деятельности УИС при Федеральной службе исполнения наказаний и во всех территориальных органах.

Расширяется конструктивное взаимодействие с общественными объединениями. В настоящее время учреждениям и органам, исполняющим уголовные наказания, оказывают реальное содействие в работе и в исправлении осужденных свыше 350 общественных формирований.

ФСИН России активно сотрудничает с международными организациями. В прошлом году впервые в состав Пенологического комитета Совета Европы на конкурсной основе вошел представитель России – сотрудник Российской уголовно-исполнительной системы. Российская сторона была в числе разработчиков новых Европейских пенитенциарных правил.

Приняты дополнительные меры по обеспечению беспрепятственного обращения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, в органы государственной власти, правозащитные организации. В результате увеличилось число зарегистрированных жалоб. Этот процесс закономерен и свидетельствует не о росте напряженности, а является результатом работы по устранению препятствий при отправке жалоб и заявлений.

ФСИН России продолжает уделять повышенное внимание вопросам размещения подследственных и осужденных.

В течение года введено в эксплуатацию дополнительно 14 472 места для содержания подозреваемых и обвиняемых. За счет оптимизации транзитных перевозок, открытия в исправительных учреждениях участков для лиц, следующих к месту отбывания наказаний, на 9% сокращена численность транзитно-пересыльных осужденных в СИЗО. Все это позволило увеличить к концу года средний размер камерной площади на одного заключенного в СИЗО и ПФРСИ на 11% и довести его с 3,6 кв. м до 3,97 кв. м.

Открыты 3 исправительных учреждения на 920 мест. Перепрофилированы на другие виды режимов 18 колоний с лимитом наполнения в 21 тыс. 233 места. Создано 76 изолированных участков различных видов режима более чем на 6,9 тыс мест. Свыше 17 тыс. осужденных переведены в исправительные колонии тех субъектов Федерации, где они проживали или были осуждены, что способствовало восстановлению их социально полезных связей.

Правительством России утверждена Федеральная программа развития УИС до 2016 года. Ее выполнение позволит привести условия содержания в 97 действующих изоляторах и вновь построенных СИЗО в 24 субъектах Федерации в соответствие с российским законодательством.

Продолжалась работа, направленная на совершенствование воспитательной и социальной работы с осужденными. В учреждениях действует институт социальных работников. Практически каждому второму осужденному оказана помощь в восстановлении социально-полезных связей, 42 тысячам оформлены документы, удостоверяющие личность, взамен утраченных. Постановлением Правительства России до 720 рублей увеличено единовременное денежное пособие освобождающимся осужденным.

Развивается психологическая служба. В 2006 году численность психологов увеличилась на 25% и составила более 3 тыс. человек. Психологическое обследование проходят более 80% осужденных, что позволяет выявлять лиц с признаками психических отклонений, повышенной агрессивностью, склонных к совершению самоубийств.

Для надзора за осужденными широко применяются новые интегрированные системы безопасности и охраны. Их внедрение помогает своевременно реагировать на изменение оперативной обстановки, предупреждать и пресекать противоправные действия и одновременно обеспечить эффективный контроль за несением службы сотрудниками.

Федеральная служба исполнения наказаний продолжает совершенствовать взаимодействие с правоохранительными органами в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и преступлениями коррупционной направленности.

Всего в истекшем году в результате взаимодействия ФСИН России с другими правоохранительными органами нами оказана помощь в раскрытии 376 тыс. преступлений.

В прошедшем году ФСИН России уделялось внимание деятельности воспитательных колоний, совершенствованию учебно-воспитательного процесса, укреплению материально-технической базы. Внесены изменения в ведомственные нормативные правовые акты в части сокращения численности несовершеннолетних в отрядах до 50 человек. В настоящее время работа по разукрупнению отрядов завершена.

На капитальный и текущий ремонт выделено из бюджета более 100 млн рублей. Привлечено 39 млн рублей по региональным программам. Во всех школах воспитательных колоний оборудованы компьютерные классы. В рамках национального проекта «Образование» более четверти общеобразовательных школ подключено к сети Интернет.

Улучшены условия для получения образования осужденными в исправительных колониях. Открыто дополнительно 38 школ и учебных пунктов.

Уголовно-исполнительными инспекциями, которых на сегодняшний день 2,5 тыс., за год исполнено 1 млн 160 тыс. приговоров, что на 30 тыс. больше, чем в 2005 году. В декабре 2006 года по инициативе ФСИН России принят федеральный закон, увеличивший перечень объектов, на которых будут отбываться наказания в виде обязательных работ. В два раза вырос объем финансирования уголовно-исполнительных инспекций.

Промышленные предприятия УИС обеспечили выпуск товаров и услуг в объеме 16,4 млрд рублей, или 101,4% к 2005 году. Прибыль составила 254,2 млн рублей. С 50 до 63 рублей выросла среднедневная заработная плата осужденных. Создано более 8 тыс. рабочих мест для осужденных.

Проблема трудоустройства осложняется ростом численности осужденных в исправительных колониях. Только за последние 2 года численность увеличилась на 97 тыс. человек. В январе 2007 года она выросла еще на 5,8 тыс. человек.

Кроме того, в исправительных учреждениях содержится 290 тыс. осужденных, являющихся инвалидами, больными и ограниченно-трудоспособными (42% от общей численности), 65% от общего количества осужденных не имеют рабочих специальностей.

Завершена передача в ведение ФСИН России всех профессиональных училищ и их филиалов при исправительных учреждениях.

Организовано еще 53 филиала профессиональных училищ. По сравнению с 2004 годом на 10,6 тыс. человек (на 15%) выросло число осужденных, ежегодно получающих рабочую профессию или специальность в наших училищах.

Продолжается работа по реорганизации предприятий учреждений в центры трудовой адаптации и производственные мастерские.

Обеспечено списание задолженности по обязательным платежам предприятий на сумму в 16,4 млрд рублей. Совместно с Росимуществом урегулированы правовые и имущественные вопросы по ликвидации 460 предприятий УИС из 602 имеющихся.

Продолжена работа по реализации прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы, на охрану здоровья и медицинскую помощь. Принятые практические меры позволили снизить смертность среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных на 8,8%. Общая заболеваемость среди осужденных снизилась на 3,3%.

Снижение заболеваемости и смертности от туберкулеза в сравнении с 2005 годом составило 15,2% и 26,6% соответственно. Этот результат достигнут на фоне ежегодного поступления в места лишения свободы 16–17 тысяч граждан, больных туберкулезом.

По сравнению с 2001 годом количество больных активным туберкулезом снизилось в два раза, заболеваемость уменьшилась в 2,5 раза, смертность снизилась в 3,8 раза.

Важнейшей задачей повышения эффективности функционирования органов и учреждений ФСИН России является подбор, расстановка, обучение и воспитание кадров, решение социальных вопросов.

Впервые за последние годы удалось полностью стабилизировать кадровую ситуацию (за год принято 43,3 тыс. человек, уволено 37,3 тыс.). Некомплект составил 3,8%.

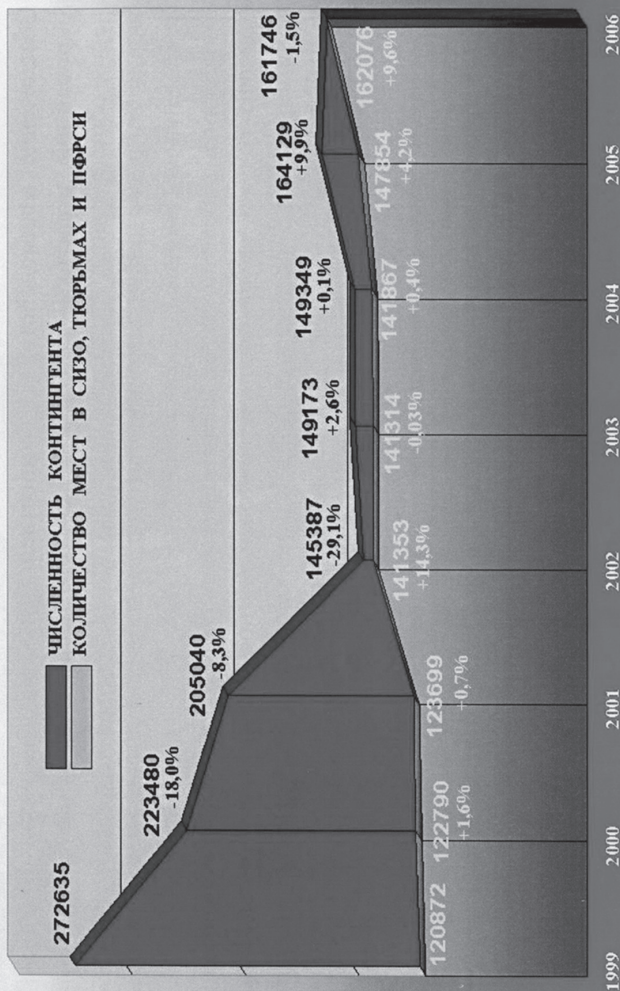
В Федеральной службе исполнения наказаний успешно функционирует многоуровневая система профессиональной подготовки кадров. Всего за счет средств федерального бюджета обучается 16 тыс. курсантов и слушателей. В конце прошлого года открыто еще два института в Воронеже и Кемерове.

Начальное профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации прошли свыше 35 тыс. человек, что соответствует 100% от потребности учреждений и органов УИС.

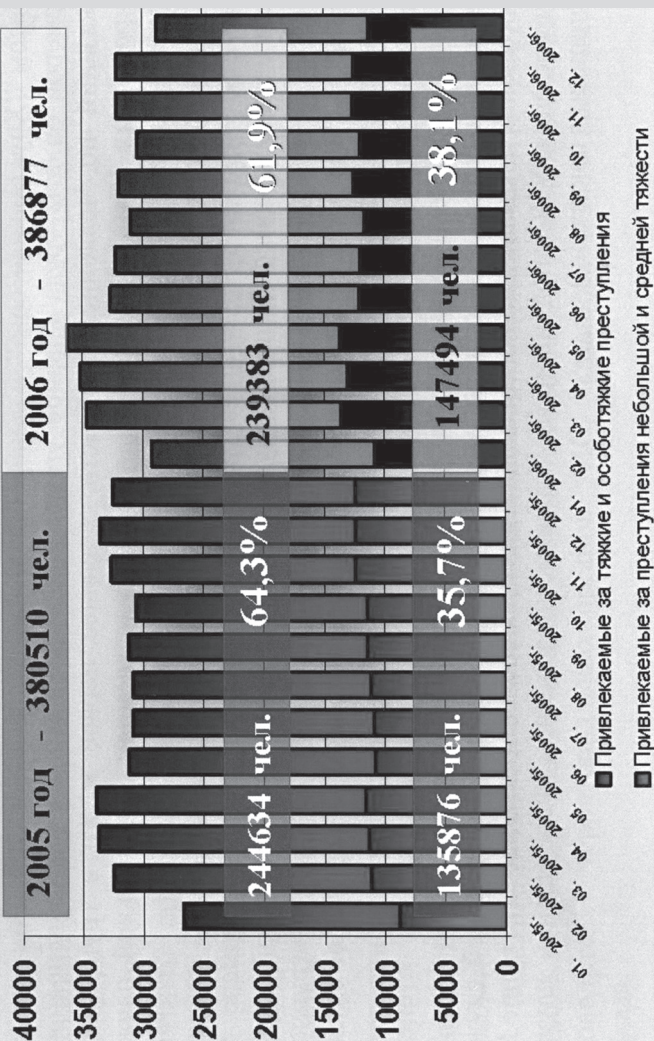
Для улучшения жилищных условий сотрудников и членов их семей введено 105 тыс. кв. м общей жилой площади. Сотрудникам УИС и пенсионерам выдано 717 жилищных сертификатов на сумму 700 млн. рублей. Принятые меры позволили сократить количество очередников на 1200 человек.

В 2006 году 127 сотрудников УИС награждены государственными наградами, более 33 тыс. сотрудников – ведомственными наградами.

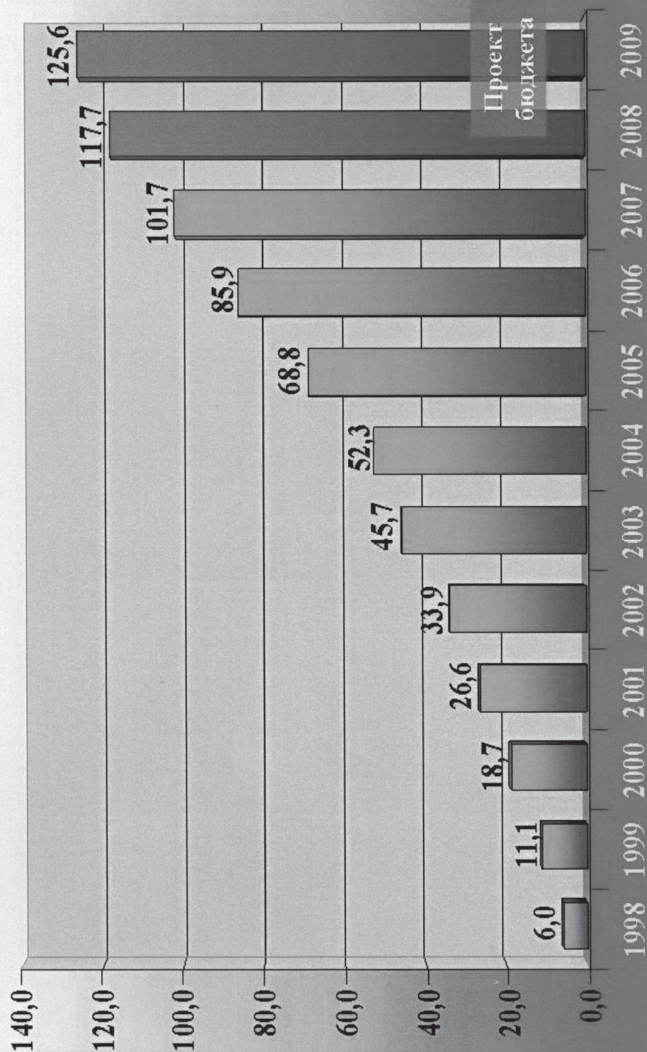
НАПОЛНЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ, ТЮРЕМ И
ПОМЕЩЕНИЙ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РЕЖИМЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ

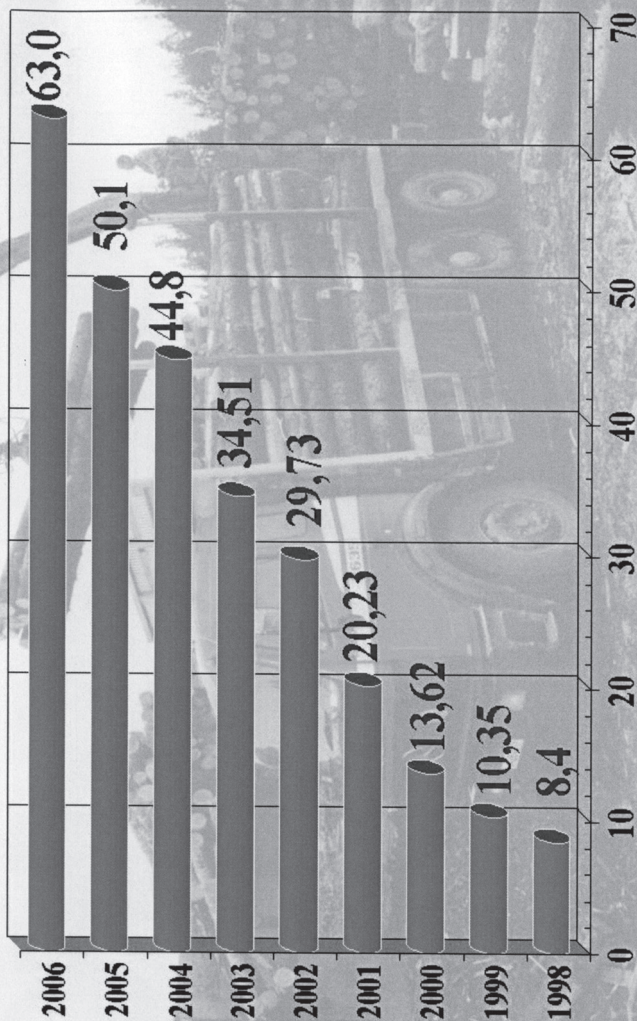
Динамика ежемесячного поступления в следственные изоляторы Российской Федерации лиц, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу

БЮДЖЕТНЫЕ АССИГНОВАНИЯ ПО СМЕТЕ УИС
(всего в млрд. руб.)

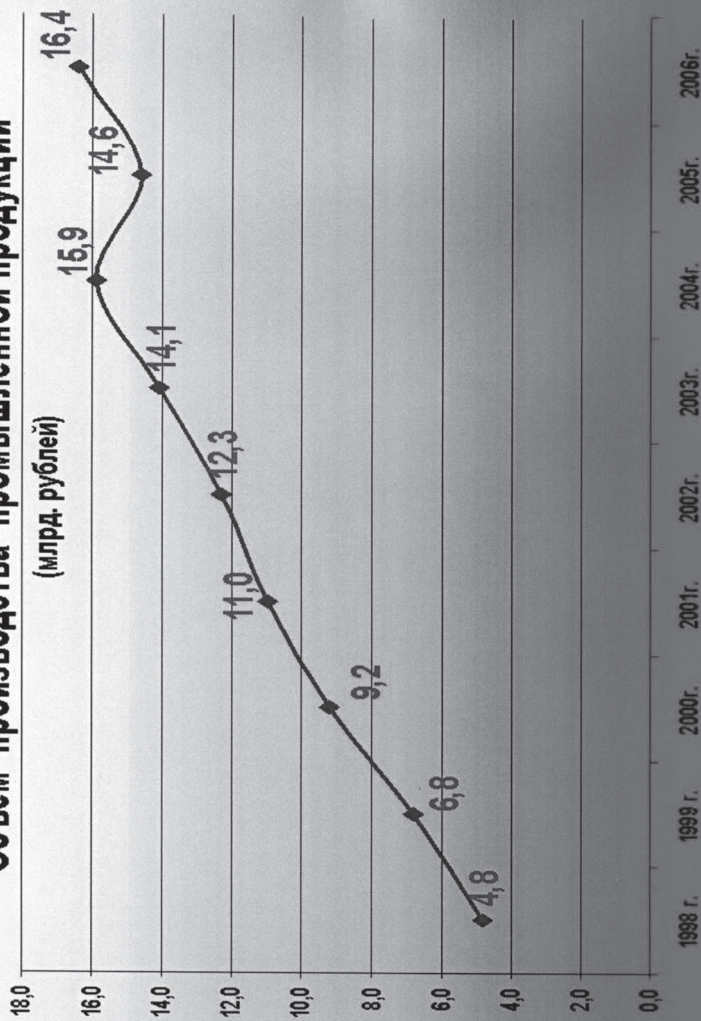

ЗАРАБОТОК ОДНОГО ОСУЖДЕННОГО В ДЕНЬ
(рублей)

Объем производства промышленной продукции

(млрд. рублей)

Борис Пальгов

Защити себя сам

Из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год: «Анализ поступивших к Уполномоченному по правам человека жалоб показывает, что около 30% от их общего количества составляют жалобы на нарушения прав задержанных, подозреваемых, обвиняемых и потерпевших в ходе производства дознания, предварительного следствия и при проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками органов внутренних дел. Как и прежде, сотрудники органов внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следствия нередко фальсифицируют доказательства. Обращения граждан свидетельствуют: задержанным подбрасывают наркотические средства, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, после чего в отношении их незаконно возбуждаются уголовные дела и применяется мера пресечения в виде заключения под стражу».

Старый анекдот на эту тему:

«Встречаются два однокашника.

– Ты где работаешь?

– В милиции.

– Ну, как зарплата?

– Да какая там зарплата! Вот, пистолет дали и сказали: “Крутись, как хочешь!”»

Это было бы смешно, если бы не было очень близко к реальности. А крутятся-то они где? Да среди нас и крутятся, потенциальных вкладчиков в их карманы. Ну, это когда полный беспредел. А обычный среднестатистический сотрудник? Он, конечно, и за зарплату работает, и за премию, и за звездочки. Но и тут та же система! Крутись. А получают зарплаты они по-прежнему за статистику и за отчет. Там нет судьбы Иванова или Раби-

новича. Там голые цифры направленных дел в суды и полученных по ним обвинительных приговоров. Особые заслуги, когда по расследованным делам вовсе нет оправдательных приговоров. Как говорится, надел на кого наручники – будь добр, сделай все, чтобы человек сел в тюрьму! И получи за это положенные ордена и медали. При чем тут «виновен – не виновен»? Раз пошла такая массовка, наизнанку выкрутись, но не допусти, чтобы ушел гад! Иначе вмиг – выговор и лишение премии.

Почему они так ведут себя? Причин много. Вот одна из них. Не раз сталкивался с тем, что за юридической помощью обращались бывшие работники МВД и силовых структур. Пока ты в системе – наш человек, вместе крутимся. Как только что случись или уволился – пошел вон! Сколько бывших сотрудников получают свои положенные надбавки, премии, квартальные только через суд и причем не за один год? Редко когда после увольнения выплачивается все добровольно и в срок. В основном – по решению суда. А почему? Телевизор смотрим и газеты читаем – бизнес. Причем очень серьезный и крупный бизнес. Какой генерал не мечтает стать миллионером? Зарплата? Да ее можно и не получать, наверное, вовсе. Тем более – все в его руках. Написал приказ – и все дела. А кто его обжаловать будет? Система-то военная. Сказал: «Есть!» – и вперед! А суммы за несколько лет в отдельно взятом регионе на таких недоплатах и получают миллионные! Сотрудники это положение прекрасно понимают и видят. Ну и решают свои вопросы, пока в погонах, кто и как может. Почему им можно, а нам нельзя? Мы что, рыжие? Железная логика. Отсюда игнорирование закона и любых прав человека при расследовании уголовных дел.

Мнение суда: если за все нарушения УПК на следствии оправдывать – сидеть некому будет! Ведь судьи иногда и говорят: не умеет работать следствие, так что, теперь всех отпускать? А если дело сфабриковано? А если грамотно сфабриковано, то вообще шансов, получается, нет у человека? Зачастую дела в суд идут с тремя-четырьмя составами. Мол, если и отвалится что в суде, все равно обвинительный приговор. Еще интереснее вопрос, когда просто нет возможности выполнить все требования УПК. Например, суд присяжных. Ну, ведь понятно, что с момента введения этого положения многим и многим было отказано чисто по «объективным» причинам. Просто не было возможности в некоторых регионах предоставить суд присяжных. Значит, получается, УПК можно трактовать уже и с точки зрения возможности и целесообразности или дороговизны для государства. Вот критерий! Получается, УПК Рязанской или Архангельской области. Главенствует не закон, а сложившиеся обстоятельства и судебная практика. А кто

решение принимает УПК применять таким образом? Человек. И зачастую – в единственном числе. Вот и складывается мнение, что УПК – вовсе и не догма, а руководство по управлению «дышлом». И так с самого начала применения достаточно либерального текста УПК повелось. А когда с самого начала можно избирательно применять, то сложно потом привыкнуть к его незыблемости.

Пока у прокуратуры будет свое следствие – надзор за законностью при расследовании уголовных дел будет осуществляться с поправкой на то, что прокуратура и милиция работают вместе. Зачастую при недостающих показателях раскрываемости своих дел прокуратура просто забирает законченное «железобетонное» дело у милиции независимо от того, ее ли это категория. Вызываются люди, перепечатывается слово в слово обвинительный акт или заключение, ставятся новые подписи – и дело в суд. Как расследованное прокуратурой. Кто после этого сможет убедить меня, что им безразличны показатели? Это те же премии, чины, почести и карьерное продвижение. А тогда при чем тут надзор за законностью?

Бывает, прокурор отказывается от обвинения в суде. Если есть, конечно, целый набор статей. Тогда при явном оправдательном раскладе прокурор отказывается от обвинения по ряду эпизодов (но не по всем!) без драки. Суд оправдывает в этой части. Естественно, не за отсутствием события либо состава преступления. А за недоказанностью вины. Помни: «если ты еще не в тюрьме, это не твоя заслуга, а наша недоработка» – такой черный юмор у многих в кабинетах висит на стенах. У хорошего следователя что должно быть с собой обязательно при направлении дела в суд? Правильно: дискета с обвинительным актом. Зачем время у суда отнимать? А классическая фраза оперативных сотрудников, допрошенных в суде в качестве свидетелей: «У нас имеется оперативная информация, что он занимается сбытом наркотиков». И в протокол суда это пишут. Позвольте, какая, собственно, информация? А мнение у суда складывается.

Кто и как от этого защитит? Всем гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Об этом гласит ст. 48 Конституции. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента – соответственно – задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Если у вас нет на это средств, в соответствии с этой же статьей необходимая юридическая помощь будет предоставлена бесплатно. В первые месяцы работы адвокатом довелось мне защищать молодого человека, который упр-

но говорил, что не совершал преступления, в котором его обвиняли. А «доказухи» для обвинительного приговора – достаточно. А подзащитный твердит: не виноват я! Ранее судим, условник причем. Хотя были спорные моменты в деле. И один из них – достаточно серьезное нарушение УПК, связанное с допустимостью доказательств.

Посоветовался я со старшими и более опытными коллегами. Говорят: «Осудят при таких обстоятельствах за милую душу, и срок впают, и на инстанциях приговор устоит. А тебе сколько заплатили?» – «Да нисколько». – «Ну и не парься особо! По каждому делу переживать – себе дороже. Да еще и бесплатно». Пришли в суд, сели в процесс. Неожиданно входит в зал известный в регионе правозащитник и садится за стол защиты. У меня с ним до этого отношения хорошие были. Поздоровался я с ним, а он – фунт презрения! Я – к подзащитному. Он и говорит: «Вы же гарантий не дали никаких, а я в тюрьму не хочу больше. Вот мать и обратилась к этому человеку. Говорят, мол, ломает дела, только шум стоит». Ладно, думаю, будем вместе защищать. Но правозащитник в этом деле причислил меня к стану противников и клеймил заодно с судом и милицией. Я понять ничего не мог сначала. А потом разобрался. Для него человек из коллегии адвокатов, пришедший осуществлять защиту по назначению следственных и судебных органов, – кивала и винтик одной несовершенной и порочной судебной системы. Такой адвокат только формально участвует в процессе, для имитации полного и всестороннего рассмотрения дела.

И во многом он прав. По большому счету никто из адвокатов на серьезный конфликт не идет при осуществлении защиты в порядке ст. ст. 50, 51 УПК РФ. Разве что в кулуарах пообсуждается беспредел, и на этом – все. Ведь судодни (так и хочется сказать «трудодни») адвокату по назначению подписывает следователь или судья. А в регионах, где зарплаты маленькие, люди не хотят платить за работу адвоката. Стараются привязать гонорар к положительному результату по делу. Поэтому многие адвокаты имеют основной источник существования именно по делам в порядке ст. ст. 50, 51 УПК. Зачастую, чтобы заработать тысяч десять–пятнадцать по таким делам, адвокат берет валом. В день два-три дела нужно обслужить за такие деньги. О каком качестве защиты тут можно говорить?

Конечно, многие адвокаты это понимают. Стараются оказать качественную юридическую помощь. Но даже в таких ситуациях адвокат по назначению приходит тогда, когда это нужно следователю. Заявка на участие адвоката в порядке ст. ст. 50, 51 УПК подается из РУВД в адвокатское подразделение в рабочем порядке – по телефону. Зачастую, когда опера

уже все вопросы порешали, признание получено – в обмен, например, на подписку о невыезде, или свидание, или передачи от родственников, или применение менее тяжелой статьи. Вопрос квалификации подгоняют еще до появления адвоката. Торг уже состоялся, и адвокат, собственно, и подозреваемому не очень уже и нужен. Я уже не говорю о давлении, которое оказывается на подозреваемого в первые часы после задержания. В так называемый «момент истины». Со всеми нечистоплотными оперскими «штучками» и «примочками». А когда до бедаги доходит, что все не так просто, начинается смена показаний, жалобы на адвоката. Это целый комплекс проблем. Адвокат по назначению идет защищать с одной целью – получить причитающиеся от государства деньги, выполнив при этом все необходимые формальности для собственной подстраховки. Нечасто встречаются случаи, когда защитник ходит на «бесплатные» дела за идею, ради квалификации либо с другими благими целями. В основном за деньги. Причем практически без всякой ответственности за последствия оказания некачественной юридической помощи. Во-первых, спрашивать особо некому, а во-вторых, доказать наплевательское отношение к делу представителя защиты не так-то просто.

Обязательное участие во всех уголовных делах адвоката гарантировано государством. А если подследственный хочет осуществлять защиту сам либо с помощью правозащитника, родственника? Не доверяет либо не хочет по каким-либо иным причинам. Не тут-то было! Следователь обязательно пригласит адвоката из закрепленного за подразделением внутренних дел филиала коллегии адвокатов, дабы исключить случаи заявления в суде, что во время следствия были допущены нарушения и фальсификация. Ведь был же предоставлен адвокат! Он присутствовал при всех следственных действиях, и показания давались при нем. Суд часто спрашивает у подсудимого, показывая протокол: «Это ваша подпись?» – «Да, моя, но подписал я это потому, что на меня оказывалось давление». А зачастую так и бывает. Подозреваемого вывозят в РУВД на весь день. Адвокат, тем более по назначению, не может присутствовать при нем постоянно. А вот оперативные работники при необходимости могут провести столько «бесед», сколько пожелают.

Пример: звонит мне вечером следователь и приглашает приехать в РУВД. Задержали человека, а он просит адвоката. Я приехал. Передо мной сидел испуганный молодой человек с бегающими глазами. Я спросил у него наедине, что произошло. Он ответил, что он действительно совершил кражу, в которой его обвиняют, вместе со знакомым ему мужчиной. Дал показания следователю, тот записал в протокол. Я несколько раз уточнял, действительно ли все верно записали. Подзащит-

ный настаивал, что верно. После допроса ему избрали меру пресечения – подписку о невыезде. Когда мы вышли на крыльцо РУВД, он рассказал, что произошло в действительности. Оказывается, в то время, когда было совершено преступление, он был на дне рождения у друга. И это могли подтвердить около 20 свидетелей! А в подельники опера ему предоставили человека без определенного места жительства. Который ни по возрасту, ни по социальному статусу никак не гармонировал с 16-летним школьником из нормальной семьи. Просто по обстоятельствам дела эту кражу один человек совершить не мог физически, и опера нашли первую попавшуюся кандидатуру. Он рассказал мне, что ночью оперативные работники находились в нетрезвом состоянии и пытали его током. Если бы его попросили признаться, что он убил Кеннеди, он бы тут же это сделал, так как не в состоянии был выдержать боль. Писать на работников жалобу в прокуратуру он категорически отказался. Скорее всего, насмерть перепугавшись оперов и понимая, что с ним может быть после этого. Видимо, ему нагнали такого страха за ночь, что он запомнит это на всю жизнь. Конечно, дело сразу было прекращено, и следователь извинился перед родителями и самим подростком. Но потерпевшие отказались принимать какие-либо меры, опасаясь последствий и мало веря в успех своих жалоб.

А если бы он не был на дне рождения и свидетелей его алиби не нашлось бы? И если бы это не кража была, а убийство? Признался ведь, описав собственноручно, как и что было на месте преступления и каким способом он совершил кражу. Это соответствовало фактическим обстоятельствам дела, за исключением одного – он не был там! Признательные показания были написаны под диктовку оперативников. Как потом доказывать, что это было сделано под воздействием пыток? Жалоба в прокуратуру? Следов побоев нет, свидетелей, естественно, тоже. Опрошенные оперативники в один голос скажут, что обращались с ним в соответствии с законом и очень корректно. Прокурорская проверка делает выводы, что факты, изложенные в жалобе, не нашли своего подтверждения. Как убедить суд, что это – фальсификация?

Вот теперь плавно можно перейти к главному вопросу: что же делать гражданам? Правильно – думать самому и знать, как себя вести в таких ситуациях. В нашем обществе поговорка «От сумы и от тюрьмы не зарекайся» не зря так популярна. Ты – потенциальная жертва и можешь сесть в тюрьму по разным причинам. Например, статистика или бизнес. Ты либо для галочки нужен – с коробком травки, либо денег с тебя получить хотят, либо заказ чей-то исполняют – помогают перераспределить сред-

ства. Все там такие? Нет, конечно. Есть и другие. Но «другие» в органах – это вряд ли норма. Система всё и всех подминает под себя.

И при встрече с работником органов внутренних дел вы первым делом должны знать, что ч. 1 ст. 45 Конституции РФ гласит: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Но не забывайте про вторую часть этой же статьи: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Из второй части статьи вывод следует такой: на Конституцию надейся, а сам не плошай. Вам позволено защищать свои законные права любыми способами, а зная их (права и способы их защиты), можно кое-чего и добиться.

В первую очередь нужно помнить, что в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Ч. 4 ст. 5 УПК РФ четко определяет круг ваших близких родственников: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Попросту говоря, при вашем задержании или задержании близких родственников вы можете сослаться на указанную статью Конституции и вообще не давать никаких показаний. За это время может выясниться, что все происходящее – недоразумение, или, по крайней мере, у вас будет время, чтобы обдумать свою позицию и попробовать связаться с нужным вам адвокатом.

Допустим, вы успели сообщить в своем первоначальном объяснении многое, о чем говорить вовсе и не хотели, но по настоятельной просьбе оперативных работников все-таки написали. Имейте в виду, что суд не должен принимать в расчет данные вами объяснения, так как они не являются доказательствами по уголовному делу. У вас будет возможность исправить эту ошибку при первом допросе в рамках уголовного дела, если вы, к примеру, оговорили себя в первоначальном объяснении или сообщили какие-либо другие недостоверные сведения. По закону только допрос в рамках уголовного дела становится доказательством в суде. Так должно быть. Но на практике случается, что суды игнорируют эту норму закона и основывают приговор именно на первоначальных объяснениях, считая, что они и являются правдивыми. А остальное – всего лишь способ уйти от ответственности. Хотя непризнание вины подсудимым суд должен признавать способом защиты. Если суд изначально считает человека виновным, то в ходе процесса неоднократно можно услышать угрозу о назначении более сурового наказания в случае непризнания вины. В протокол это, естественно, не записывается, но у

подсудимого складывается впечатление о том, как происходит отправ-ление правосудия – все известно заранее, приговор напечатан и дока-зать свою невиновность более чем проблематично.

Вы должны знать, что большинство следственных действий связано с участием понятых. В идеале это должно выглядеть так. Два совершенно посторонних и независимых человека, приглашенные для этого работни-ками милиции, должны участвовать при обыске, выемке либо ином след-ственном действии. Они обязаны неотлучно находиться на месте собы-тий и засвидетельствовать своими подписями в установленном протоко-ле, что все происходило именно так, как записали сотрудники внутренних органов. Если в кармане вашей куртки найдены предметы, очень похо-жие на наркотические средства или оружие (а откуда они там появились, вы можете только догадываться или быть абсолютно уверены, что их вам попросту подкинули), необходимо заявить об этом так, чтобы присутству-ющие понятые слышали об этом, и написать об этом в протоколе.

Если вы видите, что работники милиции проявляют к вашей персо-не явный интерес, нужно быть начеку! Избежать подкидывания нар-котиков и боеприпасов сложно, но возможно. Знаете, наверное, анек-дот: чтобы не подкинули чего лишнего, зашивают карманы или носят одежду без карманов. Если все-таки оперативник достает у вас при задержании незнакомый вам предмет, ни в коем случае не берите его руками. Могут остаться отпечатки пальцев. А наркотик всегда остав-ляет следы, даже при соприкосновении только с упаковкой, свертком. Потом делают смывы с рук, и, если обнаруживают содержание нарко-тиков, это может стать доказательством вины. Вообще, в таких случа-ях нужно вести себя так, чтобы запомниться окружающим. Орите во все горло о том, что вам подкинули наркотики! Кричите, что пистолет – не ваш! Запомнитесь окружающим – появиться шанс допросить их в суде как свидетелей незаконных действий милиции. Неудобно? Ну и что? Тут ваша судьба решается!

Обязательно обратите особое внимание на понятых. Реально ли они присутствовали при следственном действии? Возможно, что понятой «штатный» и его данные переписываются из одного дела в другое. Он просто появляется ненадолго и фактически не присутствует при следствен-ном действии. На очной ставке желательно позадавать ему вопросы, что-бы он «поплыл». Чтобы стало понятно, что он, во-первых, постоянно об-служивает кого-то из оперов, во-вторых, не знает обстоятельств дела, и из этого видно, что он либо не присутствовал вообще, либо не постоянно был на месте. При следственном действии иногда ведется видеозапись.

И если там только один понятой либо еще какое-нибудь нарушение – настаивайте на просмотре этой видеозаписи в суде и требуйте, чтобы это следственное действие было признано недопустимым доказательством по делу. Важным моментом для защиты может стать обнаружение монтажа при видеозаписи следственного действия. Смотрите внимательно видеозапись! Она должна быть проведена в строгом соответствии с законом. Монтаж и урезание времени записи недопустимы!

Знайте, что время задержания ограничивается тремя часами, в течение которых должен быть составлен протокол о вашем задержании и произведен допрос. Перед допросом подозреваемого ему обязаны предоставить возможность общения с адвокатом, причем продолжительностью до двух часов. Все остальное время (более 3-х часов) уже выходит за рамки дозволенного и является незаконным задержанием. Необходимо знать, что дознаватель, следователь или прокурор должен не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого (ст. 96 УПК РФ) уведомить кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии – других родственников или предоставить возможность такого уведомления самому подозреваемому. О проведенном задержании дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания. Кстати, не стоит надеяться, что об истечении процессуальных сроков вас будут официально и вслух уведомлять (3 часа, 48 часов). Задержанный человек обычно сталкивается с феноменом, когда у него и у работников милиции часы почему-то начинают идти совершенно по-разному. Тут нужно быть внимательным самому и в каждой бумаге, где вам предлагают расписаться, указывать дату и время. Не будете следить за этим сами, вам будут давать расписываться в бумагах без указания даты и времени, а потом проставят их сами, как удобно им и очень опасно для вас. С момента задержания и до применения меры пресечения в виде заключения под стражу, то есть в течение 48 часов, оперативники вправе встречаться с подозреваемым только с разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда (ст. 95 УПК РФ). На практике такой формализм встретишь очень редко. К чему лишняя бумажная волокита? Да и о каком письменном разрешении идет речь, если подозреваемый практически постоянно находится на этаже оперативников в здании милиции. Обычно оперативники, работающие по делу, так «роднятся» с подозреваемым, что и в период следствия норовят сидеть скромно на стульчике за спиной допрашиваемого следователем человека. Приходится записывать в протокол следственного действия, что на допросе присутствовал оперработник и своим видом оказывал психическое давление. Ох, ка-

кое это вызывает раздражение! Вот несколько советов о том, как вести себя в первые часы задержания. Если в этот период вам досталось и физически и морально, обязательно запомните фамилии или имена применивших насилие сотрудников, постарайтесь запомнить номер кабинета, где это все происходило. Общаются с вами в таких случаях, как правило, сразу несколько оперативников. У каждого из них своя роль в процессе получения необходимого признания. Но имейте в виду, что, излив душу «доброму» оперу и поверив его обещанию сразу решить вопрос о подписке, вы рискуете подписать себе годиков несколько строгого режима. Сразу по выходе из милиции нужно идти в медучреждение и зафиксировать все имеющиеся телесные повреждения. Причем обязательно настоять, чтобы врач внес в справку с ваших же слов, при каких обстоятельствах были получены травмы. О поступлении избитого человека медицинские работники обязаны сообщить в правоохранительные органы. Это поможет вам доказать незаконность действий сотрудников милиции в отношении вас в случае прокурорской проверки такого факта.

Если через 48 часов с момента задержания к вам не применена мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания, вас обязаны отпустить. Особое внимание – на заполнение работником милиции протокола задержания в порядке ст. 91 УПК РФ. Как правило, время реального задержания и время, указанное при заполнении протокола ст. 91 УПК РФ, отличаются как черепаха и енот. Заполняют такой протокол лишь перед тем, как везти задержанного в суд, для применения к нему меры пресечения, отличной от подписки о невыезде. Подписку избирает сам следователь, а все остальное решает суд. Нужно собственноручно записать в протоколе реальное время задержания и реальное время заполнения протокола задержания в соответствии со ст. 91 УПК. Как ни странно, для суда достаточно, что следствие просит избрать как меру пресечения заключение под стражу с мотивировкой: «своими действиями может оказать влияние на ход следствия или скрыться от следствия или суда». А каким образом он может оказать влияние на ход следствия, если все дело сфабриковано, к примеру? Конечно, лучше его оградить от всех возможных способов защиты.

Кассационное обжалование постановлений судов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу выглядит примерно так. Суд кассационной инстанции, приняв жалобу к своему производству, рассматривает ее только под одним углом – законна ли процедура самого ареста, все ли необходимые требования соблюдены при этом судом первой инстанции и работниками милиции. В суть вопроса – виновен или не виновен – вышестоящий суд не вмешивается. Не нужно мешать

следственным органам – пусть работают! Пару месяцев посидит человек – ничего страшного, суд первой инстанции потом разберется по существу. Но как лишенный свободы человек может защитить свои права? Как он может выяснить, почему его оговорили, к примеру, или подбросили запрещенные предметы и вещества? Как доказать это, находясь в СИЗО? Сделать это практически невозможно. Переписка – под цензурой, и все письма к родственникам или друзьям с просьбой убедить свидетеля сказать правду и не оговаривать его изымаются и вшиваются в дело как косвенное доказательство вины с мотивировкой: «пытался повлиять на ход следствия, пытался склонить свидетелей дать показания в его пользу». С целью уйти от ответственности.

А что вообще можно сделать, сидя в тюрьме и слушая разговоры «бывалых» о том, что суд и слушать не станет его доводы? Озлобиться? Так и происходит в большинстве случаев. Даже при виновности человека в совершении преступления методы и способы доказывания его вины зачастую настолько далеки от законности, что люди не исправляются в местах лишения свободы, а калечатся морально и физически. Они платят за свое преступление и свободой, и здоровьем, и верой в какую-либо справедливость вообще. Неотвратимость наказания? Каждый день по телевизору говорят: чем циничнее преступление и чем больше украдено, тем мягче наказание. За мобильный телефон – по полной программе. За миллионы из казны – условно. Цинизм судебных органов приводит к правовому нигилизму. И как результат – люди ищут защиты и справедливости у того же криминала, который решает вопросы «по понятиям» и выступает в роли арбитра. Это вновь и вновь ставит население и органы правопорядка по разные стороны баррикад.

В российских регионах судимость – это что-то вроде среднего образования. Не менее, а то и более доступна. О каком правовом государстве можно говорить, когда власть своими действиями настраивает население на противостояние органам правопорядка? А бесконечные отмазы чиновников от уголовных дел с ДТП, воровством, должностными преступлениями? Легенды ходят о детях руководителей правоохранительных структур и их поведении. И в средства информации просачиваются такие материалы. Все ведь понимают, что кому-то можно все и это сходит с рук. Ну а если вы среднестатистический законопослушный гражданин, то с рук ничего не сойдет. Даже если сходить нечему и вы ни в чем не виновны. Будьте к этому готовы и не ленитесь учиться защитить себя правовыми способами. Тюрьма работает без выходных и перерывов на обед. Круглосуточно.

Из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год

(фрагменты)

4. Защита прав и законных интересов ребенка

<...> По сравнению с 2005 годом несколько улучшилась общая обстановка в следственных изоляторах и других местах лишения свободы. Все еще сложной остается ситуация в изоляторах временного содержания. Результаты посещений в 2006 году сотрудниками аппарата Уполномоченного изоляторов временного содержания в Самарской, Оренбургской, Калининградской, Калужской, Кировской, Нижегородской областях, в г. Москве также подтверждают факты нарушений. Следует особо отметить конструктивную позицию руководства МВД России, оперативно реагирующего на недостатки, выявленные в ходе таких посещений. <...>

Одной из первоочередных своих задач Уполномоченный считает содействие развитию ювенальной юстиции как системы правосудия для несовершеннолетних, нацеленной на профилактику правонарушений в их среде, на профессиональный и комплексный подход к их возрастным особенностям и в целом на безусловное и приоритетное обеспечение прав, свобод и законных интересов каждого ребенка.

Основные принципы ювенальной юстиции – индивидуализация и гуманизм. Вынесение правильного судебного решения, способствующего благополучию и защите интересов ребенка, требует выявления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, личностных характеристик ребенка и родителей, особенностей взаимоотношений ребенка с окружающими. С этой целью при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних должны привлекаться социальные работники, специалисты-психологи.

Внедрение ювенальной юстиции в ряде регионов России, в частности в Ростовской и Иркутской областях, а также в г. Санкт-Петербурге, показало целесообразность комплексного подхода как к вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних, так и последующей реабилитации подростков, совершивших правонарушение.

К сожалению, проект федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” в части введения ювенальных судов, принятый Государственной Думой в первом чтении еще 15 февраля 2002 года, в дальнейшем по непонятным причинам затерялся в законодательном лабиринте. В отчетном году ювенальные суды в России так и не появились. <...>

5. Права человека в местах принудительного содержания

Соблюдение прав человека в местах принудительного содержания является одной из наиболее четко регламентированных, но одновременно и запущенных правозащитных проблем нашей страны. С одной стороны, эти права в полном объеме гарантируются Конституцией и действующим уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также такими международными актами, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейские пенитенциарные правила (2006), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984). С другой стороны, права лиц, пребывающих в местах принудительного содержания, сплошь и рядом нарушаются и далеко не всегда поддаются восстановлению даже после вмешательства Уполномоченного. Сказывается сложившийся стереотип восприятия пенитенциарной системы как ориентированной главным образом на наказание, а не на исправление осужденных. Отсюда – традиционное невнимание к их правам со стороны как самих сотрудников пенитенциарной системы, так и общества в целом. Крайне негативно сказывается и неадекватное на протяжении десятилетий финансирование пенитенциарной системы, не позволяющее, в частности, укомплектовать ее высококвалифицированными и профессионально подготовленными кадрами.

Из изоляторов временного содержания органов внутренних дел, следственных изоляторов, тюрем, исправительных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), медучреждений закрытого типа к Уполномоченному в большом количестве поступают жалобы на жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, на сохраняющуюся угрозу личной безопасности, на плохое медико-санитарное и продовольственное обеспечение, чрезмерно тяжелые условия труда и другие факты нарушений прав человека.

Всего за отчетный 2006 год поступило около трех тысяч подобных обращений, из которых свыше половины были признаны требующими вмешательства Уполномоченного. В результате переписки с компетентными государственными органами и проверок с выездом на место нарушения прав заявителей были официально зафиксированы всего лишь в 123 случаях. Как представляется, это свидетельствует не столько о необоснованности большинства поступивших жалоб, сколько порой о заметном нежелании руководства Федеральной службы исполнения наказаний проводить по ним серьезную проверку без оглядки на честь мундира. Типична ситуация, когда обратившиеся к Уполномоченному с жалобой осужденные впоследствии вручают его представителю, прибывшему для проверки, письменный отказ от своих претензий, ссылаясь на то, что смогли найти общий язык с администрацией исправительного учреждения. Формально жалоба считается неподтвердившейся. На деле, однако, вполне очевидно, что администрация провела с заявителем соответствующую «работу».

К сожалению, имели место и случаи сознательного воспрепятствования Уполномоченному и его представителям в проведении проверки со стороны администрации исправительных учреждений.

Так, начальник УФСИН России по Республике Мордовия В. Мальков в апреле 2006 года, будучи информированным о прибытии представителя Уполномоченного, отдал распоряжение об этапировании в другие регионы страны осужденных, обратившихся к Уполномоченному с жалобами.

Наибольшее количество жалоб из мест принудительного содержания поступило в отчетном году из республик Коми, Мордовия, из Красноярского края, из Амурской, Кировской, Свердловской, Тюменской областей.

Часть 2 статьи 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации устанавливает: «Осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона». В то же время продолжают поступать жалобы на незаконные действия сотрудников и руководителей исправительных учреждений.

Так, к Уполномоченному обратились 11 осужденных, отбывающих наказание в учреждении ФГУ ИК-5 УФСИН России по Республике Мордовия с жалобой на нарушение их права на вежливое обращение со стороны сотрудников исправительной колонии и принуждение к ежедневному прохождению строем с пением строевых песен. В результа-

те вмешательства Уполномоченного прокуратурой Республики Мордовия ряду сотрудников колонии направлены предостережения о недопустимости нарушения прав осужденных.

О массовом нарушении прав осужденных и наличии конфликтной ситуации между уроженцами Калмыкии и осужденными, направленными отбывать наказание в ФГУ ИК-2 УФСИН России по Республике Калмыкия из других субъектов Российской Федерации, сообщили Уполномоченному активисты правозащитной организации «За права человека». Проверкой с выездом на место установлено, что произошедшие в октябре 2005 года групповые драки между осужденными были во многом обусловлены ненадлежащим исполнением администрацией колонии своих должностных обязанностей. После вмешательства Уполномоченного ФСИН России и прокуратуры Республики Калмыкия были приняты меры для прекращения массового направления в указанное исправительное учреждение осужденных из других регионов, а также для улучшения воспитательной работы, материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство соответствует международным нормам (ст. 65 Европейских пенитенциарных правил) в части необходимости отбывания осужденными наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, где они проживали или были осуждены. Анализ обращений позволяет сделать вывод о том, что ФСИН России нередко нарушает это право. Осужденных из Курской области направляют в Пермский край, из Москвы – в Читинскую область, из Краснодарского края – в Хабаровский край или Архангельскую область, из Республики Татарстан – в Республику Коми.

Вопросы размещения осужденных в пределах субъекта Российской Федерации относятся к компетенции региональных управлений Федеральной службы исполнения наказаний, а вопросы перевода в другие субъекты Российской Федерации относятся к компетенции ФСИН России. С учетом этого обстоятельства жалобы граждан на неправомерность отбывания наказания в отдаленных от места их проживания или осуждения исправительных учреждениях направлялись Уполномоченным для проверки как в территориальные органы, так и в центральный аппарат ФСИН. К сожалению, в отчетном году удалось добиться положительного разрешения только по 17 жалобам. Из 17 заявителей пятеро были переведены из одного субъекта Российской Федерации в другой (в том числе трое – из сообщений их лич-

ной безопасности), двое переданы для дальнейшего отбывания наказания в государства, гражданами которых они являются, а остальные 10 переведены в ближайшие к месту проживания учреждения в пределах того же субъекта Федерации.

Необходимо особо подчеркнуть, что в нынешних социально-экономических условиях нашей страны отбывание осужденным наказания за несколько тысяч километров от дома практически лишает его возможности свидания с родственниками, что грубо нарушает его права.

Типичный пример подобного нарушения – случай с гражданином Г., согласно распоряжению ФСИН России направленным для отбывания наказания из Чеченской Республики в Свердловскую область. Формальным основанием для этого послужило отсутствие на территории Чеченской Республики колонии строгого режима. Между тем такие колонии в немалом количестве имеются в территориально более близких к Чечне регионах страны.

Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ внес изменения в часть 2 статьи 73 УИК Российской Федерации, заменив слова «другого субъекта Российской Федерации» словами «другого ближайшего субъекта Российской Федерации». К сожалению, это изменение законодательства по-прежнему не позволяет осужденным отбывать срок наказания на разумном удалении от мест проживания их семей и поддерживать социально полезные связи с обществом. Такое положение идет вразрез с целями, задачами и принципами уголовно-исполнительного законодательства.

Несмотря на то, что уголовно-исполнительное законодательство в Российской Федерации соответствует основным международным нормам относительно медицинского обеспечения осужденных и поддержания их здоровья, продолжают поступать жалобы обвиняемых и осужденных на нарушения их прав на охрану здоровья, медико-санитарное обеспечение, проведение медико-социальной экспертизы. Следует признать, что защита этих прав сопряжена, пожалуй, с наибольшими трудностями. В отчетном году восстановления прав удалось добиться только в отношении 11 человек.

Анализ причин нарушений прав граждан в учреждениях ФСИН России приводит к неожиданному выводу: сложившаяся система медико-санитарного обеспечения лиц в местах принудительного содержания практически оторвана от общей системы здравоохранения страны, что не позволяет в должной мере обеспечить их право на охрану здоровья. По информации ФСИН России, на приобретение лекарственных средств для нужд подозреваемых, обвиняемых и осужденных федеральным

бюджетом выделяются денежные средства, не превышающие 20% от существующей потребности. В результате только одна пятая часть больных из числа лиц, пребывающих в местах принудительного содержания, получает более или менее адекватное лечение.

Проверка поступающих жалоб на медицинское обеспечение позволяет также сделать вывод о том, что медицинская служба уголовно-исполнительной системы не ориентирована на конечный результат – оздоровление осужденных и обеспечение эпидемиологической безопасности России. Более половины всех осужденных, находящихся в местах лишения свободы, страдают различными заболеваниями, из них значительная часть является инфекционными (туберкулез, ВИЧ-инфекция, венерические заболевания).

В настоящее время число исправительных учреждений, имеющих лицензию на право осуществления медицинской деятельности, составляет не более 70%, что также способствует нарушению прав осужденных на медико-санитарное обеспечение. Выданные исправительным учреждениям ранее лицензии утратили юридическую силу в связи с прошедшей в 2005 году реорганизацией ГУИН Минюста России во ФСИН России и, следовательно, переименованием всех учреждений. В соответствии с действующим законодательством при изменении наименования учреждения требуется переоформление всех его учредительных документов и лицензий.

Уполномоченный осуществляет мониторинг соблюдения прав лиц, признанных судом невменяемыми и направленных на принудительное лечение в психиатрические больницы специального типа с интенсивным наблюдением (ПБСТИН). Опыт показывает, что многие лица этой категории длительное время незаконно содержатся в следственных изоляторах по причине отсутствия документов, удостоверяющих их личность. Без таких документов Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации не дает разрешения на их перевод в ПБСТИН.

Согласно Конвенции о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения (1997), эти лица по решению Генеральной прокуратуры Российской Федерации могут быть переданы в государства, гражданами которых являются. На практике, однако, сделать это невозможно по причине отсутствия механизма экстрадиции лиц этой категории. По состоянию на июнь 2006 года порядок передачи на принудительное лечение лиц, страдающих психическими расстройствами, в государства, гражданами которых они являются, находится в стадии разработки.

По-прежнему весьма острой остается проблема условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Нельзя не отметить, что в отчетном году появились предпосылки к ее постепенному решению, по крайней мере применительно к изоляторам временного содержания МВД России. Отчасти это, видимо, объясняется конструктивной позицией руководства министерства, создавшего условия для беспрепятственного обращения содержащихся в ИВС граждан к Уполномоченному и оперативно реагирующему на его рекомендации по результатам рассмотрения таких обращений. Кроме того, с учетом предложений Уполномоченного МВД России разработало ведомственную целевую программу строительства и реконструкции ИВС, а также издало 22 ноября 2005 года приказ «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел».

Взаимодействие Уполномоченного с руководством ФСИН России по проблеме условий содержания осужденных пока не столь эффективно. Проводимые представителями Уполномоченного проверки исправительных учреждений ФСИН нередко выявляют факты нарушений прав осужденных. К сожалению, эти факты не всегда получают должную оценку со стороны руководства службы.

Так, в ходе проверки жалоб в учреждениях УФСИН России по Алтайскому краю представителями Уполномоченного были выявлены нарушения прав осужденных в ИК-3, ИК-4 и Бийской воспитательной колонии на обеспечение полноценным питанием. В этих учреждениях допускались факты замены натуральных продуктов на консервированные, что отражалось на качестве рациона питания. По результатам проверки Уполномоченный направил соответствующие обращения в адрес министра юстиции Российской Федерации, директора Федеральной службы исполнения наказаний и директора Института питания Российской академии медицинских наук.

Из Министерства юстиции Российской Федерации получен ответ, в котором сообщается, что замена продуктов питания по утвержденным Правительством Российской Федерации и Минюстом России нормам не предусмотрена. Таким образом, выявленная проверкой замена продуктов питания в учреждениях УФСИН России по Алтайскому краю была осуществлена незаконно. Между тем директор ФСИН в своем ответе Уполномоченному квалифицировал указанную замену всего лишь как необоснованную. В связи с этим следует подчеркнуть, что нежелание или неспособность дать точную квалификацию допущенным нарушениям прав осужденных объективно чреваты их повторением.

Необоснованная замена продуктов в рационе питания осужденных была выявлена представителями Уполномоченного в ходе проверок учреждений УФСИН России по Тверской и Тюменской областям.

В отчетном году продолжали поступать жалобы осужденных на неоправданно длительное рассмотрение ходатайств о помиловании. Вопрос о сроках рассмотрения ходатайств о помиловании был впервые поставлен в докладе Уполномоченного за 2005 год. Судя по поступающим жалобам, позитивных изменений в решении этого вопроса в отчетном году не произошло. Не вызывает сомнений, что решение о применении помилования или об отказе в нем является исключительной прерогативой Президента Российской Федерации. Вместе с тем возможность просить о помиловании или смягчении наказания является конституционным правом каждого человека. Уполномоченный считает, что это право не может не предусматривать рассмотрения поданных ходатайств о помиловании в разумный, лучше всего законодательно установленный срок.

В целом поступавшие в отчетном году обращения граждан, правозащитных организаций, а также сообщения средств массовой информации свидетельствуют о том, что нарушение прав человека в местах принудительного содержания все еще носит во многом системный характер.

Уполномоченный по правам человека в каждом конкретном случае стремится своевременно реагировать на обращения граждан. Совместно с руководством МВД России и ФСИН России принимаются меры по восстановлению нарушенных прав. Вместе с тем Уполномоченный считает необходимым всецело поддержать вывод, сделанный на заседании коллегии Министерства юстиции Российской Федерации по итогам работы за 2005 год: на современном этапе несовершенство российского законодательства и правоприменительной практики в сфере исполнения наказаний становится препятствием полноценной реализации гражданами своих прав и законных интересов.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации закрепил право общественных объединений осуществлять контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, на основании и в порядке предусмотренных законодательством Российской Федерации. Однако до сих пор этот вопрос российским законодательством не урегулирован. Законопроект «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности», внесенный в Государственную Думу в 2000 году, принят в первом чтении в 2003 году и с тех пор лежит без движения. <...>

12. Актуальная проблематика: вопросы защиты прав российских граждан в Европейском Суде по правам человека

Согласно статье 46 Конституции нашей страны, каждый имеет право в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Ратификация Российской Федерацией 5 мая 1998 года Конвенции о защите прав человека и основных свобод и главных Протоколов к ней открыла российским гражданам и всем находящимся под юрисдикцией Российской Федерации лицам правовую возможность строить свою защиту в национальных судах на основе положений указанных Конвенции и Протоколов, а также обжаловать в Европейском Суде по правам человека затрагивающие их решения национальных судов.

С 1998 года в Европейский Суд по правам человека поступило около 40 тыс. жалоб в отношении России. Не менее половины этих жалоб были отклонены как не отвечающие критериям приемлемости. Остальные подлежат рассмотрению. Впрочем, Регламент Европейского Суда не устанавливает нормативных сроков рассмотрения. В силу этого шанс быть реально рассмотренной имеет всего одна из ста жалоб. К концу ноября 2006 года Европейский Суд вынес 174 решения по жалобам в отношении России. Следует также иметь в виду, что суд, как правило, «не торопится» рассматривать дела, имеющие, по его мнению, политическую подоплеку.

Решения Европейского Суда имеют для России прецедентное значение. Иными словами, вынося свои решения, суд исходит из того, что российские судебные органы будут впредь опираться на них при рассмотрении аналогичных дел. Кроме того, прецедентное значение для России имеют и решения Европейского Суда, принятые в отношении других стран, например, по делам о насилии со стороны полиции.

Большое количество обращений граждан России в Европейский Суд, как представляется, свидетельствует прежде всего об их неудовлетворенности российской судебной системой.

Как должно относиться государство, являющееся членом Совета Европы, в данном случае Россия, к фактам обращения своих граждан в Европейский Суд? Как к попыткам «вынести сор из избы», дискредитирующим национальную судебную систему? Или как к законному стремлению к защите своих прав, в конечном счете позволяющей сделать национальную судебную систему более эффективной? Логика демократического развития явно побуждает выбрать второй вариант ответа на поставленный вопрос.

Именно поэтому государству следовало бы позаботиться о том, чтобы граждане России на деле располагали возможностью направлять обращения в Европейский Суд, а также осуществлять с ним контакты в связи с рассмотрением этих обращений. И, конечно, государство не может не проследить за тем, чтобы решения Европейского Суда были в полной мере исполнены. Между тем опыт показывает, что граждане России нередко сталкиваются с препятствиями при попытке обратиться в Европейский Суд. Не все благополучно и с исполнением его решений.

Анализ решений Европейского Суда по правам человека, а также материалов индивидуальных жалоб показывает, что давление в связи с подачей жалобы в Европейский Суд чаще всего оказывается на две категории российских граждан. Это лица, находящиеся в местах лишения свободы, и жители Чеченской Республики.

Неправомерное вмешательство в право заключенных на обращение в Европейский Суд впервые нашло свое отражение в решении суда по делу «Полещук против России» от 7 октября 2004 года и в решении «Кляхин против России» от 30 ноября 2004 года. В 1998–2000 годах администрация следственного изолятора 18/2 отказывала К. Кляхину в отправке его писем в Европейский Суд, а также не выдавала адресованные ему из Суда письма. Что касается Е. Полещука, то в 1999 году администрация исправительного учреждения, в котором он содержался, дважды отказывала ему в направлении жалобы в Европейский Суд. Основанием для отказа послужила ссылка на то, что не были еще исчерпаны внутренние средства правовой защиты, например обращение с жалобой о пересмотре приговора в порядке надзора или обращение в Конституционный Суд Российской Федерации.

Оба этих инцидента имели место в то время, когда согласно действующему законодательству жалобы в Европейский Суд не являлись корреспонденцией, не подлежащей просмотру со стороны администрации мест лишения свободы. Этот законодательный недостаток был исправлен лишь в 2003 году: статья 91 УИК РФ была дополнена нормой, устанавливающей правило, что переписка осужденных с Европейским Судом не подлежит цензуре, аналогичные изменения были внесены и в статью 21 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Эти поправки, несомненно, защищают право заключенных на обращение в Европейский Суд. Вместе с тем их недостаточно для того, чтобы на практике избежать неправомерных ограничений этого права.

Правила внутреннего распорядка мест принудительного содержания, иные нормативные акты предусматривают отправку жалоб в Ев-

ропейский Суд, а равно и в российские органы, уполномоченные осуществлять контроль за соблюдением законов в местах лишения свободы, через администрацию учреждения. Такой порядок отправки жалоб позволяет недобросовестным должностным лицам препятствовать обращению заключенных за защитой в национальные или международные инстанции. Заключенные же, тем или иным способом направившие жалобу в Европейский Суд по правам человека, рискуют столкнуться с давлением и даже преследованием со стороны администрации учреждения.

Такого рода нарушение, в частности, отмечено в решении Европейского Суда по делу «Попов против России» от 13 июля 2006 года. М. Попов жаловался на жестокие условия содержания в штрафном изоляторе колонии ЯЧ-91/5 и на отсутствие адекватной медицинской помощи. В феврале 2005 года, через месяц после того, как Европейский Суд коммуницировал жалобу, с Поповым проводили беседы оперативные сотрудники колонии, а также представитель УФСИН по Удмуртской Республике. Попов утверждал, что во время бесед ему угрожали (в том числе ухудшением условий содержания) и пытались склонить к отказу от той части жалобы, которая касалась ситуации в колонии. Европейский Суд отказался принять пояснение государства-ответчика о том, что беседы с Поповым были частью внутренней проверки по существу его жалобы, поскольку в суд не было представлено ни протокола бесед, ни каких-либо иных документов, свидетельствующих о проведении расследования. Суд отметил, что, даже если беседы с Поповым проводились в рамках расследования, совершенно недопустимым является то, что в них участвовали представители того же самого учреждения, на условия содержания в котором он жаловался.

Адвокаты, представляющие интересы россиян в Европейском Суде, сообщают о случаях давления на заключенных, аналогичных случаю с Поповым. Например, по сообщению адвоката Е. Липцер, заключенного К., который в 2005 году обратился в Европейский Суд с жалобой по поводу нарушений его прав со стороны администрации колонии № 3 УФСИН России по Курской области, избивали сотрудники УФСИН с целью заставить отказаться от жалобы. К. и его адвокат обращались с заявлениями по фактам избиений в органы прокуратуры, однако в возбуждении уголовного дела и проведении расследования по этому поводу им было отказано. По сообщению адвоката Е. Липцер, давление на К. в связи с его жалобой в Европейский Суд прекратилось только в феврале 2006 года после его перевода для отбывания наказания в Комсомольске-на-Амуре.

Подобные примеры заставляют задуматься о необходимости создания механизмов для защиты заключенных, обратившихся в Европейский Суд, от давления со стороны администрации мест лишения свободы. Механизмы защиты должны распространяться и на других заявителей, сталкивающихся с преследованиями в связи с реализацией своего права на обращение в Европейский Суд.

В столь же уязвимом положении, что и заключенные, нередко оказываются обращающиеся в Европейский Суд жители Чеченской Республики.

Граждане А. направили в Европейский Суд жалобу по поводу похищения их сына в январе 2000 года. В январе 2005 года сотрудники прокуратуры, приехав по месту жительства А., попытались выяснить, кто подавал жалобу в Европейский Суд. Опасаясь за родителей, сын заявителей сообщил, что жалобу подавал он. Сотрудники прокуратуры посоветовали ему отказаться от жалобы, пригрозив преследованием со стороны властей. В итоге сын А. был доставлен в республиканскую прокуратуру, где был вынужден под диктовку написать письмо в Генпрокуратуру России с просьбой помочь ему изъять жалобу из Европейского Суда. Позднее Уполномоченный Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека передал это письмо в Европейский Суд наряду с другими документами по делу.

Аналогичная ситуация произошла с гражданином Д. Он подал жалобу на незаконное задержание, а также на исчезновение его сына в феврале 2001 года. Содержание жалобы Д. было сообщено судом Уполномоченному Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека 6 сентября 2005 года. А 25 октября 2005 года следователь Р. Кохаев пришел в дом Д. и сообщил ему, что должен получить новые объяснения по делу в связи с рассмотрением жалобы в Европейском Суде. После получения объяснений следователь дал Д. подписать составленный им протокол, не позволив ознакомиться с его содержанием. Впоследствии в меморандуме от 29 ноября 2005 года Уполномоченный Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека, сославшись на этот протокол, заявил, что, по словам Д., ни он сам, ни члены его семьи не обращались в Европейский Суд. На этом основании Уполномоченный Российской Федерации потребовал исключить жалобу Д. из списка рассматриваемых судом дел. В итоге Д. был вынужден обратиться в Генпрокуратуру России с жалобой на действия следователя, исказившего его объяснения в протоколе.

Бесспорно, что для осуществления своих функций Уполномоченный Российской Федерации в Европейском Суде должен получать де-

тальную информацию о каждом деле, поступившем на рассмотрение этого органа. Также очевидно, что наиболее простой способ собрать требуемую информацию – обратиться с запросом в компетентные государственные органы (прокуратуру, органы внутренних дел). Тем не менее направлять подобные запросы в те органы власти или тем должностным лицам, которые несут ответственность за предполагаемое нарушение прав и свобод, послужившее причиной обращения в Европейский Суд, все же, видимо, не следует.

Добросовестное исполнение решений Европейского Суда есть неотъемлемая гарантия реализации конституционного права граждан на обращение в межгосударственные органы защиты прав и свобод человека.

С учетом сложившейся практики Совета Европы исполнение решений Европейского Суда включает принятие, во-первых, индивидуальных мер, таких как выплата назначенной Судом компенсации и восстановление прав и свобод, признанных Судом нарушенными, а во-вторых, мер общего характера, направленных на предотвращение аналогичных нарушений.

Наибольшие сложности возникают при исполнении решений Европейского Суда в части мер общего характера. Устранение системных нарушений норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как правило, требует анализа факторов, влияющих на реализацию тех или иных прав и свобод на практике, а также последующей разработки комплексных мер по улучшению ситуации.

Сохраняется неопределенность в вопросе о применении решений Европейского Суда российскими судебными органами при рассмотрении конкретных дел. Некоторые судебные органы придерживаются мнения о том, что применению подлежат только те решения Европейского Суда, которые были вынесены после ратификации Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В целом ясно, что за восемь лет, прошедших со времени ратификации Конвенции, единообразная судебная практика применения решений Европейского Суда в нашей стране так и не сложилась. С учетом этого обстоятельства следовало бы подумать о закреплении статуса решений суда специальным законодательным актом.

Не менее важным представляется формирование устойчивых навыков использования решений Европейского Суда в качестве источника права. Как верно отмечают представители российских судебных органов, решения Европейского Суда имеют для России значение прецедента. Однако методы применения прецедентного права существен-

но отличаются от методов применения законодательных актов. Вероятно, Верховный Суд Российской Федерации, равно как и другие высшие судебные органы страны, мог бы дать нижестоящим судебным органам более четкие практические рекомендации по применению решений Европейского Суда.

Особого внимания, бесспорно, заслуживает вопрос об источниках финансирования компенсационных выплат, осуществляемых Россией по решениям Европейского Суда. В настоящее время эти выплаты поступают как бы обезличенно из бюджета Российской Федерации и не оказывают дисциплинирующего влияния на те российские министерства и ведомства, действия или бездействие которых привели к нарушению прав и свобод человека и имели результатом решения Европейского Суда не в пользу России. В связи с этим следовало бы внимательно изучить идею о финансировании компенсационных выплат за счет средств министерств и ведомств. Суть дела от этого, естественно, не изменится: компенсационные выплаты в любом случае лягут на плечи государства. Думается, однако, что при новой системе финансирования этих выплат виновные в нарушениях прав и свобод человека министерства и ведомства будут вынуждены более серьезно, чем сейчас, задуматься о том, чтобы не допустить их впредь. <...>

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации
В. Лукин

Москва, 9 февраля 2007 года

ФОНД «В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ»

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Монитор Фонда «В защиту прав заключенных» (апрель–май 2007 года)

15 мая 2007 г.

Свердловские сотрудники ГУФСИН обвиняются в избиении заключенных

Тавдинская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях завершила расследование уголовного дела в отношении заместителя начальника колонии-поселения № 27 ГУФСИН РФ по Свердловской области старшего лейтенанта внутренней службы Евгения Владимировича и оперуполномоченного этого учреждения лейтенанта внутренней службы Евгения Гингина, обвиняемых в избиении четырех осужденных. От полученных телесных повреждений один из осужденных скончался в больнице. Остальные получили повреждения различной степени тяжести.

В настоящий момент оба сотрудника уволены из органов уголовного-исполнительной системы. Уголовное дело направлено для рассмотрения по существу в Таборинский районный суд.

3 мая 2007 г.

По непроверенным сведениям, полученным ООД «За права человека» и Фондом «В защиту прав заключенных», **обостряется ситуация в ЛИУ-4 г. Самары** (Заводское шоссе, 15, лечебная колония для больных туберкулезом).

Согласно поступившей информации, заключенные отчаялись получить помощь от аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ и Уполномоченного по правам человека по Самарской области Ирины Скуповой и готовы начать массовую голодовку. Несмотря на вопи-

ющий характер жалоб, аппарат Уполномоченного переправляет эти жалобы самарскому прокурору по надзору Шуваткину, который, как сообщают заключенные, не проявляет заинтересованности ни в дальнейшем их продвижении, ни в прокурорских проверках ЛИУ-4.

28 апреля 2007 г.

Во Владивостоке состоялось заседание Совета Адвокатской палаты Приморского края, на котором был рассмотрен **вопрос о нарушении прав адвокатов и их подзащитных.**

Адвокаты жалуются на неправильное распределение «адвокатских» и «следственных» кабинетов в СИЗО. Ранее из 24 кабинетов, отведенных для работы с подозреваемыми и обвиняемыми, за защитниками числилось десять. Однако постепенно число «адвокатских» кабинетов уменьшалось до трех, при том что в СИЗО находится свыше полутора тысяч следственно-арестованных граждан. Защитникам приходится дожидаться в унизительной очереди по несколько дней. Обещание руководства Владивостокского СИЗО выделить еще два кабинета для работы адвокатов, ситуацию принципиально не изменит. Руководство АППК намерено обратиться к руководству ГУФСИН и к прокурору Приморского края с просьбой внести ясность в вопрос с количеством «адвокатских кабинетов» и принять все меры для устранения нарушений прав адвокатов и их подзащитных.

27 апреля 2007 г.

Работники прокуратуры проводят проверку действий спецназа в СИЗО № 1 в Краснодаре.

Правозащитники заявляют, что в СИЗО Краснодара есть пострадавшие от действий спецназа во время обыска. Такими сведениями располагает краевая общественная организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», по утверждению которой как минимум два человека пострадали во время обыска. Плановая проверка проводилась в СИЗО 24 апреля с утра до 15.00. По информации пресс-службы управления ФСИН, подобные проверки проводятся в СИЗО ежемесячно. В этот раз из 195 камер были проверены всего 24. Представитель пресс-службы также сообщил, что во время проверки четверо подследственных пытались не допустить обыск своих камер. На них надели наручники и поместили в карцер.

25 апреля 2007 г.

ЧП в СИЗО № 1?

По неподтвержденным данным, полученным ИА «За права человека», в краснодарском СИЗО № 1 сотрудники избили заключенных: 10 заключенных тяжело ранены, 2 – убиты. Информация об избиении поступила от самих заключенных, которым удалось связаться со своими близкими и попросить о помощи. Матери, сестры, отцы – все собрались у входа в СИЗО № 1. Но когда собравшиеся потребовали объяснений от представителя администрации СИЗО, к воротам учреждения подъехал автобус. Из него выбежали люди в масках и камуфляже. Они принялись разгонять толпу, некоторых жестоко избили. Возмущенные граждане звонили в прокуратуру, но чиновники не захотели выезжать на место и заниматься проблемой. Съёмочная группа «Нового Телевидения Кубани», которая приехала на место событий, также не дождалась официальных представителей власти. Спустя час поступила информация, что в СИЗО – бунт. Заключенные стучат по решеткам и зовут на помощь, а родственники «митингуют» у ворот здания...

20 апреля 2007 г.

Углич: заключенные жалуются на нечеловеческие условия содержания в колонии № 3.

Это исправительное учреждение строгого режима, и сюда попадают после повторного преступления или за особо тяжкие преступления. Родственники заключенных 19 апреля пришли просить справедливости к стенам прокуратуры Ярославской области. Они заявили об избиениях, невозможности передать жизненно необходимые лекарства, плохом питании осужденных. Однако лишь шестеро родственников осужденных готовы отстаивать интересы своих родных в органах власти. Остальные предпочли писать в компетентные органы анонимки. Тридцать дней родственники заключенных будут ждать официальный ответ. УФСИН от комментариев пока отказывается. По словам пресс-секретаря Алексея Пичуева, им никто не жаловался – тревожных сигналов из третьей зоны нет.

16 апреля 2007 г.

Тюменская область: прокуратура выясняет причины бунта в детской колонии.

Инцидент произошел в детской колонии, расположенной в поселке Винзили Тюменской области. Подростки жгли матрасы и били стекла исправительного учреждения. Эксперты утверждают, что в колони-

ях для несовершеннолетних бунты случаются довольно редко. Это связано с тем, что подростки, в отличие от взрослых, не умеют легко объединяться в группы и договариваться о бунтах. По словам правозащитников, если подростки осмеливаются открыто протестовать, то почти всегда это связано с нарушением администрацией прав заключенных. «Несовершеннолетние, у которых не закончено формирование личности, очень сильно чувствуют, что на них давят, и постоянно пребывают в страхе из-за возможного насилия со стороны сокамерников и администрации, – полагает психолог Марк Сандомирский. – Подростки и так из-за возрастных особенностей агрессивны, а тут еще один источник агрессии, так что ничего удивительного, что они начинают выплескивать свои чувства в бунте».

16 апреля 2007 г.

Расул Кудаяев, бывший заключенный американской военной базы в Гуантанамо, жалуется на жестокое обращение в СИЗО Нальчика.

Американцы обвиняли Кудаяева, захваченного на территории Афганистана, в том, что он входит в движение «Талибан». В связи с недоказанностью вины его отправили в 2004 году на родину, где он стал обвиняемым в соучастии нападения боевиков на Нальчик 13 октября 2005 года. Мать Кудаяева передала в редакцию «Кавказского узла» копию жалобы, написанной Расулом Кудаяевым генеральному прокурору РФ Юрию Чайке, где описываются крайне жестокие, пыточные методы воздействия на подозреваемого. Ранее прокуратура республики отказала в возбуждении уголовного дела по аналогичной жалобе Кудаяева. Блюстители законности посчитали, что милиционеры не пытали, а реагировали на сопротивление при аресте. 7 марта это постановление прокуратуры было отменено городским судом Нальчика. Но до сих пор уголовное дело по факту пыток так и не возбуждено.

ЗА СТЕНОЙ

НИЧЬИ ДЕТИ

Александр Мелихов

Мученики догмата

Мы все читали в «Архипелаге ГУЛАГ», что каждому советскому человеку не раз случалось проходить вдоль каких-то высоких заборов, не задумываясь, что за ними мучают людей. Я тоже не раз проходил мимо одной такой ограды на промышленной окраине Петербурга в полной уверенности, что скрывающееся за нею краснокирпичное здание – тоже какая-то фабрика. Открыла глаза мне только заграница: финский психолог Елена Вякякуопус, в свое время закончившая Московский университет, объяснила мне, что за бетонной оградой прячут от наших оптимистических глаз людей, страдающих различными формами умственной отсталости. Елена, возглавляющая работу по ряду благотворительных проектов Европейской Комиссии, вернулась в Россию лет десять назад с благородной миссией расселить эти самые ПНИ (психоневрологические интернаты) по небольшим общежитиям, которые позволяли бы их обитателям максимально включаться в нормальную человеческую жизнь – как это давно уже сделано в Западной и с недавних пор в Восточной Европе. Прочитав мои статьи о самоубийцах, наркоманах и транссексуалах, она сразу поняла, что я именно тот, кто ей нужен.

Вот так-то, сделавшись членом Наблюдательного совета финско-российского проекта «Независимое проживание инвалидов», я впервые увидел, каково их зависимое проживание. Сначала моему взору открылся абсолютно безжизненный асфальтовый двор, а затем гулкие больничные коридоры, по которым бесцельно бродили странноватые люди, обреченные *изо дня в день, из года в год до конца их единственной жизни* так и бродить взад-вперед с перерывом на больничный обед, а после ужина быть запертыми в палатах, чтобы не докучать уменьшенному ночному персоналу. Сами палаты походили на вокзальные

залы ожидания: пятнадцать—двадцать коек, составленных так, что прохаживаться там негде, можно только сидеть. Вот они там и сидят. Годами. И даже в тот миг, когда вы читаете эти строки, они продолжают там сидеть. Или бродить по этому царству теней, каким его представляли древние греки – по тому самому Аиду, в котором царю жилось хуже, чем погонщику на земле.

Так вот куда попрятали с глаз долой из сердца вон тех «дурачков», которые раньше встречались в любой деревне... Но каждый, кто захватил те «нецивилизованные» времена, прекрасно помнит, что это были *несомненно люди*, способные радоваться, грустить, привязываться, а кое-кто из нас, включая пишущего эти строки, пока был маленьким, мог с ними даже и дружить. Да, мальчишки из будущих сволочей частенько их дразнили, но сами они это далеко не всегда замечали и в общем жили не так уж и плохо. Особенно если сравнить их жизнь с жизнью нынешних отверженцев, подвергающихся пожизненному заключению без всякого преступления.

В нижеследующих зарисовках изменены только имена да собраны вместе персонажи, каких я видел в разных местах.

Ленинградская промышленная окраина идеально воплощала индустриальную советскую мечту: чтобы чахлой зеленью не сквернили скверы, по земле наляпаем железобетон. Дышащая пыльным жаром грановитая ограда, ее же не преjdeши, явно скрывала от глаз секретный номерной завод. Однако вместо привычных ржавых железак моему взору открылся безукоризненно пустой асфальтовый плац – ни травинки, ни лозинки. Только вдали, у входа в красный кирпичный цех, молодой негр в военизированной футболке, словно где-нибудь в Алабаме, вялыми движениями метлы возрождал то справа, то слева скромное облачко пыли.

Ощущение нарастающего бреда довершила надпись «FBI» на спине чернокожего дворника.

– Что за черт, откуда здесь фэбээровцы?.. – ошеломленно воззвал я к спутнице.

– Какие фэбээровцы? А, это... Над этим интернатом шефствует таможня, она им передает всякую конфискованную ерунду. Здравствуй, Федя, как поживаешь? – голосом доброй молодой учительницы обратилась она к негру, внимательно и отнюдь не бессмысленно воззришемуся на нас, вернее, на меня.

– Вы не собираетесь в Америку? – требовательно спросил он, и я увидел, что черты лица у него довольно европейские.

– Пока нет. – Я постарался выразить глубокое сожаление. – Но, может, когда-нибудь и поеду.

– Найдите там тогда моего отца, ладно?

– Н-ну, хорошо... Попробую... А как его фамилия?

– Андреев. Сергей Федорович Андреев. Я Федор Сергеевич, а он, значит, Сергей Федорович. Моя мама ищет меня, а я ищу отца.

– Они все такие сказки про себя сочиняют, – шепнула мне сопровождающая. – Дирекция разыскала его мамашу – она потребовала, чтобы ее оставили в покое.

– Когда поедете в Америку, не забудьте, – напомнил мне вслед черный фэбээровец. – Моего отца зовут Сергей Федорович Андреев.

В прохладном вестибюле меня вновь обдало морозцем – неведомо откуда ворвался и заметался от стены к стене совершенно звериный вой. Однако моя бывалая спутница явно не видела в этом ничего особенного.

По типично больничному коридору в сопровождении нестихающего воя мы с моим Вергилием в легком жирафьем платьице добрались до столовой какого-то впавшего в бедность детского садика – на стене раздувала потрескавшиеся щеки огромная фиолетовая голова в шлеме, Руслан же был сорван со стены могучим ураганом вместе с конем, и нянечка в белом халате была типично детсадовская. Такая же надутая и фиолетовая, как голова на стене, приняв в пухлую ручку какую-то медицинскую упаковку (начать с четвертушки, измерить, удвоить, донесся заговорщицкий шепот моей проводницы), она пригнала стайку молодежи, обряженной в самый разнообразный конфискат, от спортивного костюма до вечернего платья. Это здешняя элита, заговорщицки прошептала мне спутница, от многих матери отказались из-за каких-нибудь двигательных нарушений, а потом депривация, и конец... Но они и здесь на особом положении, выходят в город, подрабатывают... В Финляндии они вообще жили бы как все...

Однако они не выглядели как все. Нянечка загоняла их, расставляя свои фиолетовые надутые ручки в белых рукавах так, словно это были гуси, но обращалась к ним с той излишней слащавостью, которая появляется в детских учреждениях при посторонних: «Витюша, Витюша, ну куда ты завернул? Леночка, иди прямо, не оглядывайся, никто тебя не тронет...»

Хотя это были вполне взрослые парни и девушки. И у каждого верхом на шее радостно подпрыгивал и строил глумливые злобные рожи небольшой тролль-карикатурист, работающий вместо бумаги и глины на живой человеческой плоти. Первый тролль ненавидел поэта

Гумилева, а потому обрядил свое изделие в десантный камуфляж и наделил чрезвычайно высоким плоским лбом и надменным левым глазом, правый отправив с отсутствующим видом разглядывать что-то незначительное далеко в стороне. Второй тролль решил поглумиться над Есениным, нахлобучив на блаженно-смазливое личико сикось-накось обкромсанный куст золотистых волос. Третий доставил на выставку Ахматову-карлицу в черном монашеском платье с обрезанным подолом, из-под которого выглядывали коротенькие коромыслица ножек со ступнями, вывернутыми внутрь до состояния практически параллельного друг дружке; длинную кривую шейку (Модильяни отдыхает) украшало ожерелье из разноцветных разнокалиберных пуговиц, каких-то деталек детского конструктора и мелких фаянсовых изоляторов. Четвертый решил продемонстрировать, каким оказался бы Никита Сергеевич Хрущев, подпав под власть синдрома Дауна. Пятый взялся открыть глаза нашей леспромхозовской братве, что губастые девахи, с которыми они охотно обжимаются на танцуйках, с точки зрения строгой науки не так уж и далеки от тех «дурочек», коими они все-таки брезговали. Надо сказать, деваха с танцулек была одета наиболее изысканно – в потертое зеленое платье с глубоким декольте, полуоткрывавшим грудь, лишенную какой-либо заметной экстраординарности.

Когда мы расселись вокруг сдвинутых, мучительно родных столовых столов, покрытых окованным в дюраль, исцарапанным голубым пластиком, она уставилась на меня в упор мутным взглядом, никак не позволяющим угадать, что она меня замечает. С оживленностью уже не учительницы, но старшей подружки мой Вергилий женского рода начал выкладывать перед ней какие-то косметические прибабасы – черную готоваленку, маленькую плоскую раковину, пластмассовый патрончик, с которого деваха все с тем же тусклым равнодушием проворно свинтила колпачок и, обнажив красный кончик, напомнивший мне собачий пенис, безжизненно и умело изобразила у себя на тыльной стороне ладони алые губки сердечком и принялась без всякого интереса ими любоваться.

Налюбовавшись, она раскрыла ребристую раковину с зеркальцем внутри и принялась жирно раскрашивать свой губастый рот – с полным равнодушием, но вполне умело. Затем она растворила готоваленку с разноцветной глазуньей, и начала сразу двумя кисточками наносить сине-зеленое напыление на веки своих мертвенных глаз, и обратилась в ординарную красотку с глянцевого журнала, сходству с коей еще сильнее способствовали бы приоткрытые губы, если бы сквозь них не чернели пробоины в кривых зубах.

С зубами у них у всех наблюдалась заметная недостача, кроме, кажется, Есенина, сиявшего просветленной улыбкой кому-то незримо, таящемуся в одной лишь поэту распахнутой дали. Он покинул родимый дом, голубую оставил Русь и бродил меж людей и зданий, замечая одни деревья. Продолжая улыбаться своему далекому незримому другу, он листал перед нами общую тетрадь в клеточку, куда были тщательнейшим образом перерисованы листья, корни и цветы из потрепаннейшего учебника ботаники за шестой класс – мне показалось, из моего, леспромхозовского. Похоже, и сквозь стену он тоже видел те самые деревья, засмотревшись на которые он вчера опоздал к отбою.

– Ну и как, тебя не наказали? – сочувственно спросил я, тоже невольно впадая в слащавость.

– Конечно, наказали, – надменно подтвердил Гумилев. – Палкой по жопе.

Я поискал глазами нянечку, но она предусмотрительно удалилась.

– Что, разве вас бьют? – удивленно спросил я, уже понимая, что удивляться тут нечему.

– Дураков бьют, – еще более мрачно и надменно ответил Гумилев. – Они же тут дураки. А я умный. Если надо, поеду, разберусь...

И продолжал презрительно разбирать выложенные из неиссякаемой сумки благотельницы тоненькие переливающиеся диски:

– Сиди... Дивиди... Клюкоза, Катя Лель, Маша Буланова...

Осоловевшая красотка вдруг впервые разглядела меня своим мутным взглядом:

– Вы на Ленина похожи.

– Мм... Угу, угу... – почтительно покивал я.

– А по-моему, нет, вы очень приятный, – застенчиво улыбнулась мне Ахматова, которая за столом выглядела не ниже других.

Моя спутница обошла ее сзади и незаметно для других сунула в карман монашеского платья несколько сложенных сторублевок.

И прошептала мне заговорщицки:

– Пусть покупает себе что-нибудь к ужину. У нее нарушен обмен, она не может пить молоко с макаронами, а им ничего другого на ужин не дают. Но если дать ей денег при всех, сразу весь интернат соберется.

– Я памперсов куплю, – с детской радостью поделилась Ахматова. – У меня недержание мочи, а тряпочки сушить негде. В палате девочки ругаются, а в туалете воспитатели.

– Они не знают, что такое интимность, – заговорщицки пояснила моя покровительница. – У них и в туалете четыре унитаза рядом, и дверь не закрывается.

Она распрощалась с ними с полной дружеской простотой, а я – с идиотской придворной церемонностью. На которую никто, впрочем, не обратил ни малейшего внимания: Гумилев левым глазом меня презирал, а правым игнорировал, Есенин оставался выше всего земного, деваха с танцев не отрывалась от зеркала, и только Ахматова несколько раз с большой сердечностью покивала мне снизу, мягко светясь застенчивой улыбкой. Зато Хрущев, сосредоточенно моргая монгольскими глазами, вдруг протестующе проквакал:

– Я же вам еще стихи не прлочитал!..

– Ой, прости, Мишенька!.. Миша, – заговорщицкий поворот ко мне, – все время слушает радио и запоминает все стихи. Давай, Миша, извини.

Хрущев выпрямился во весь свой невеликий рост и, горделиво откинув совершенно лысую голову, торжественно заквакал в сопровождении то удаляющегося, то приближающегося воя:

– Ужасная судьба отца и сына жить рлозно и в рлазлуке умерлеть, и жрлебий чуждого изгнанника иметь на рлодине с названьем грлажданина.

Меня в очередной раз обдало мурашками, а даунизированный Хрущев выпрпенне проквакивал все новые и новые строфы:

– Но ты прлостишь мне! Я ль виновен в том, что люди угасить в душе моей хотели огонь божественный, от самой колыбели горлевший в нем, опрлавданный творлцом!..

Нет, такое не могло стрястись случайно, это кто-то подстроил!.. Однако сопровождающая поблескивала очками с самым невинным торжеством: ну, что, мол, я же говорила?.. Прочие занимались кто чем горазд.

– Не мне судить, виновен ты иль нет! Ты светом осужден, но что такое свет? Толпа людей, то злых, то благосклонных...

В столовую бочком проник фэбээронец и, прислонившись к стенке, стал внимательно прислушиваться. И когда Хрущев патетически проквакал: «Ужель меня совсем не любишь ты?!..» – вдруг спросил: «А где твой отец?» Заплывшие монгольские глазки Хрущева сощурились еще сильнее, и из них градом покатались слезы. Сморщившись, как младенец, он заплакал навзрыд: «Он нас брлосил, он нас брлосил! А мама умерла, умерла!..»

И на коротеньких ножках, переваливаясь, выбежал из столовой. Тут меня объял холод поистине заполярный: я понял, что еще мгновение, и я – о позор! – тоже разрыдаюсь. Однако, благодарение Всевышнему, фэбээронец резко снизил градус патетики:

– А у меня есть отец. Живой. Его зовут Сергей Федорович Андреев. Я скоро поеду в Америку и его найду. Он тоже его найдет.

Федор Сергеевич показал на меня пальцем.

– Да он тебя бросил, ты на фиг ему не нужен, – надменно уставил на него презрительный левый глаз Гумилев, правым не желая на него даже взглянуть.

И фэбээронец тоже сник, сник, увял...

Однако это было еще не все: после знакомства с элитой мне предстояло узнать жизнь массы. И тем же больничным коридором, дыша хлоркой и общепитом, мы вышли к какому-то залу ожидания.

Не знаю, сколько времени я в него смотрел. Но я увидел не настолько мало, чтобы ничего не понять, и не настолько много, чтобы убить понимание подробностями.

На койках угрюмо сидели уже раздетые до белья пленные красноармейцы, ожидающие расстрела. Нет, не расстрела, в их глазах не было ужаса, не было затравленности – была лишь угрюмая безнадежность. Они были приговорены до конца своих дней просидеть здесь в ожидании поезда, который никогда не придет, и они это хорошо знали. Я даже не мог бы сказать, привлекательны они или уродливы, одухотворены какой-то сказкой или по-животному тупы, – я видел одно: это люди, которых другие люди заперли здесь до конца их единственной жизни...

Лиц не помню, в глазах остался лишь деформированный Бурвиль с ближней койки: решивший поглумиться над покойным артистом тролль наградил его угрюмым бандитским взглядом и заодно с горбатым шнобелем смял на сторону весь его череп. Он не выглядел обаяшкой, но это не имело никакого значения. Если живое существо обладает человеческими глазами, значит, оно человек. Если у него есть только человеческие губы, уши, человеческий палец, волос, ноготь – значит, оно такой же человек, как любой из нас. Или мы все чего-то стоим – или никто. Если никто – хоть один из нас, значит, никто – мы все. И тогда с любым из нас, с любым гением, героем или святым можно делать все, что кому-то для чего-то понадобится. Если человека можно сгноить в зале ожидания, чтобы он не портил нам аппетит, значит, и нас можно перемолоть на котлеты, чтобы утолить аппетит кому-то другому. От участи котлет нас всех защищает только эта ни на чем не основанная сказка: всякий, кто рожден человеком, тоже человек, для которого законы целесообразности не писаны. Защищает почтение к человеческому образу...

Вы заметили, у них даже тумбочек нет, они все свои вещички держат в полиэтиленовых мешочках в общем шкафу, заговорщицки ябед-

ничала моя проводница в больничном коридоре – ко всему привычная, она была возмущена, но не раздавлена. «Их стараются даже в коридор не выпускать, чтобы они цветы не объедали, линолеум не общипывали. Видите, он весь исклеван – это они съели». «Их что, не кормят?..» – изображал я глубокую озабоченность, хотя в тех декорациях, что стояли у меня перед глазами, поедание линолеума не представляло ровно ничего удивительного. «Они его не от голода едят, от цветовой депривации – он же яркий, видите: синий, розовый... Тяжелые умственно отсталые – те вообще тащат в рот что попало: глотают свои волосы, могут жевать собственную руку... Кричат от боли и жуют, не понимают, отчего им больно, не связывают. Но запирать с ними еще и стариков – до этого могли додуматься только в России! Видите ту дверь – за ней начинается дом престарелых. Хотите зайдём?»

Но мой резервуар ужаса был уже переполнен – не стоило переводить добро в пустую.

– А я бы специально водила всех сюда на экскурсию, – ответила моим мыслям спутница с неожиданной горечью. – Чтобы все поняли: если с ними так можно поступать, то и с нами можно. Или мы все чего-то стоим, или никто.

Спешу, однако, снять с себя подозрения в расхожем интеллигентском ханжестве, – вся-де бесчеловечность творится лишь оттого, что в мире слишком мало столь благородных и чувствительных людей, как я и мои приятели. Честно признаюсь: я не выдержал бы там и трех дней, а очень многие из «персонала» работают годами за такие суммы, называя которые вслух ушам своим не веришь, и при этом улыбаются, помнят своих подопечных по именам, знают их привычки... И все же даже самые добрые из этих «воспитателей» тоже остаются пленниками советских стандартов, культивирующих фабрично-заводское отношение к «человеческому материалу».

И родители, вынужденные отдать своих детей на эти фабрики, тоже пленники обстоятельств: если держать ребенка, страдающего умственной отсталостью, дома, кто-то из родителей обречен быть запертым с ним вместе практически тоже в полной изоляции от социальной жизни (и связанных с нею доходов). И это при том, что далеко не все отцы выдерживают свалившуюся на них беду... С другой стороны, сдать ребенка в ПНИ означает обречь его на тюремно-растительное существование, а себя – на безысходные муки сострадания и раскаяния.

Вот между такими Сциллой и Харибдой помещают несчастных родителей советские гуманистические стандарты.

А какие же стандарты стараются принести нам наши северные соседи?

Главный принцип – ментальный инвалид такой же человек, как мы с вами, а потому с ним нужно не *обращаться*, как это нам, умным и сильным, кажется правильным, а *помогать* ему исполнять *его собственные* желания. Притормаживая их лишь там, где это грозит серьезной опасностью или заведомой неудачей. Однако возможности каждого из них, равно как и каждого из нас, заранее неизвестны, их выявляет лишь реальная жизнь, исполненная бесчисленных удачных и неудачных попыток. Но в результате огромная часть тех, кто у нас без всякого преступления приговорен к пожизненной изоляции, ведет практически полноценную жизнь: они выполняют немудрящую, но неплохо оплачиваемую работу из тех ее разновидностей, ради которых Запад и вынужден расширять иммиграцию, живут в отдельных квартирах, обзаводятся «спутниками жизни» под эпизодическим присмотром не *воспитателей*, но *помощников*. Интернаты там сохраняются лишь для самых тяжелых, а все, кто хоть в какой-то степени способен себя обслужить, живут в комфортабельных общежитиях, располагают отдельной комнатой и ключом от нее, гуляют, развлекаются как умеют и опять-таки берут столько суверенитета, сколько могут осилить. Я их видел и хорошему их настроению могу только позавидовать.

При этом в деньгах государство ничего не проиграло, поскольку благодаря самостоятельности инвалидов сняло с себя значительную часть расходов.

У нас же в Петербурге в результате почти десятилетних усилий и сотен тысяч потраченных евро... нет, сделано, строго говоря, немало, и, самое, может быть, главное – подтаял и сдвинулся глетчер бесчеловечных догматов.

И даже откололся от огромного ПНИ сравнительно небольшой загородный интернат с двухместными комнатами, сразу же улучшивший содержание тех счастливиц, которые туда попали. И все-таки «содержание» осталось «содержанием», а не максимально самостоятельной жизнью. Отгороженность забором сменилась отгороженностью расстоянием. От потенциальных рабочих мест и даже от родителей. Кстати, многие из интернатских ребят вполне могли бы жить и с родителями, если бы специальные службы, уже давно существующие во всей Европе, брали на себя хотя бы часть родительской нагрузки.

Справедливости ради надо сказать, что и у нас появились центры дневного пребывания инвалидов – так сказать, ростки нового. Однако они заглохнут, если их не будет «поливать» государство. А наши зарубежные благодетели (пишу это слово без малейшей иронии) слишком полагают-

ся на общественные организации, ибо, согласно первому догмату либерального катехизиса, государство – это всегда бесчеловечность, коррупция и прочие мерзости, а общественная организация – напротив, гуманность, демократия и прочие прелести. Однако в реальности общество и государство могут расти только вместе, опираясь друг на друга: я встречал не одну и не три общественные организации, в которых уровень кумовства и коррупции зашкаливал намного выше государственного ординара. Причем они даже в теории были защищены от внешней отчетности.

Проблема бесчестности у наших соседей стояла гораздо менее остро, а вот стандарты были сходные: ставка делалась на изоляцию, только комфортабельную, – но у них комфортабельны и тюрьмы. Инициаторами нового отношения к ментальным инвалидам стали их родители, построившие первые дома поддерживаемого проживания на собственные средства. Однако нынешняя поражающая воображение система возникла только тогда, когда инициатива энтузиастов переросла в специальное законодательство.

А вот почему российские общественные организации оказались на такое не способны... Прочтите эту грустную зарисовку, тоже объединившую в себе немалый опыт..

Но прежде всего спешу выписать себе индульгенцию: я либерал – я убежден, что все высочайшие достижения человечества созданы свободным усилием человеческой личности, что никакая власть не могла бы создать ни Ньютона, ни Пушкина, она может лишь доставлять творцам средства творить шедевры и себе подобных. Но вот способна ли личность развиваться и творить вне разумно устроенной общественной структуры, а также хранящего эту структуру управляющего органа, не позволяющего сильному пожирать слабого, а злободневному – долговечное? Весьма сомнительно. Поэтому вопрос «что важнее – личность или государство?» я отношу к разряду детских («кто важнее – папа или мама, еда или вода, курица или яйцо?»).

А теперь к делу. Как писатель-гуманист я время от времени участвую в каких-то благородных начинаниях и окончаниях. И вот однажды меня пригласили участвовать – не важно в чем, подобное развитие ситуаций я, увы, наблюдал не раз и не два, главное – дело было невероятно благородное, ну, скажем, поддержка музыкально одаренных слепоглухонемых детей. В советское время эти несчастные вместе с их несчастными родителями незаметно прозябали по своим углам на мизерную пенсию и никаких хлопот властям не доставляли. Но вот грянула перестройка, и у них, как и у многих униженных и оскорбленных, появился свой пророк,

отец пятилетней слепоглухонемой дочки, обладавшей, по его мнению, совершенно выдающимися музыкальными дарованиями.

Пророк собирал, объединял, писал, выступал и в конце концов создал общественную организацию «Рука друга», которая благодаря его энергии и ораторскому таланту обрела некоторую известность даже и среди родственных европейских организаций. Дошло даже до того, что в поддержку «Руке друга» была протянута щедрая рука высочайшего международного учреждения, озабоченного построением гражданского общества в варварской России. Однако во время очередных демократических выборов члены «Руки друга» подняли руки против своего отца-основателя за то, что он слишком всех достал гениальностью своей дочки, а также настроил против слепоглухонемых детей ту часть местного чиновничества, чьему попечению они теоретически подлежали, поскольку все свои визиты к ним он начинал со слов: «Вы тут зажрались, а дети голодают!..»

Выбрали другого, скромного папашу, до девяносто первого года мелкого профсоюзного функционера, который не обижал ни низы, которые не могут, ни верхи, которые не хотят. Напротив. Средства, полученные от высочайшего международного учреждения, он начал скромно, но умело и последовательно использовать для задабривания тех чиновников, которых успел обозлить его пассионарный предшественник. Он делал госслужащим скромные, но искренние подношения (не дорог подарок – дорога любовь), возил их в Париж и Барселону на международные конференции, посвященные слепоглухонемым детям, и вопреки рассказам о бессердечии крапивного семени эти благороднейшие люди довольно быстро начали возвращать потраченные на них средства сторицей, требуя взамен не так уж много...

Словом, рука дающего – «Рука друга» – не только не оскудела, но и с течением времени обрела стильный особнячок, наполненный компьютерами и тридцатью пятью тысячами курьеров, небольшой дом отдыха «Звездочка надежды», в котором всегда могли найти приют друзья и родственники благодетелей, а также, уступая разве что руке Москвы, разрослась до истинно федеральных масштабов: скромный функционер звонил куда-нибудь в Читу или Чухлому и интересовался, нет ли у них в районе слепоглухонемых детей. Если таковых не находилось, он был готов довольствоваться просто глухонемыми, на худой конец годились и безногие – мы же делаем общее дело!

Почему бы вам не создать общественную организацию «Милосердие», «Доброта», «Любовь», «Братство» и не войти в «Руку друга» в качестве регионального филиала?

Делать ничего не надо, только сообщите нам имя новой организации, ее адрес и телефон, который будет стоять у вас дома, а мы будем запрашивать растущие средства на растущую организацию и делиться с вами. Европа нам поможет! Кому, в конце концов, нужно гражданское общество в посттоталитарной России – ей или нам?..

В результате этот раздувшийся фантом сосет всех маток, до которых только ухитряется дотянуться, и в его непроглядной тени не может вырасти ни один конкурент, тоже вознамерившийся было утереть одну-другую слезинку ребенка. И все же многократно возросших доходов едва хватает на содержание аппарата, самую дорогостоящую часть которого составляют члены семейства президента, да на региональных зиц-председателей с их телефонными аппаратами. Слепоглухонемых же детей с их мамочками в «Руке друга» теперь встречают примерно так, как в конторе «Рога и копыта» встречали рогоносцев: да откуда вы взялись на нашу голову?.. Ни в каком прежнем собесе несчастные мамы не засиживались в очередях с такой кротостью и забитостью, как в своей родной общественной организации, ибо здесь уже некому было жаловаться даже и в теории: ведь в защищенности от внешнего контроля, по либеральному катехизису, и заключается главное преимущество общественной организации!

Отвергнутый пророк пытался вновь поднять народ на борьбу, но самые зубастые уже были куплены должностями и должностишками в купе с регулярными путевками в «Звездочку надежды», а остальные тоже убедились, что только кроткие блаженны, ибо их есть эпизодическая коечка все в той же «Звездочке» (ну, не в корпусе для господ, разумеется, а во флигеле подальше, чтобы не портить аппетит чистой публике), а те, кто пытается плевать против ветра, не получают вообще ничего и никогда. В конце концов, нынешний президент – *крепкий хозяйственник*, утешали друг друга красивым словосочетанием утратившие боевой пыл мамы, если бы не он, мы бы вообще ничего не имели... Вон у соседей в «Тепле очага» переизбрали председателя, так новый, опасаясь, что это не надолго, украл все единым махом, даже на декорации ничего не оставил...

И все-таки пророк сумел вывести народ на улицу! Воздев над развевающимися сединами всевидящий лик спасителя Иосифа Горийского, он двинулся по проезжей части к правительственной резиденции во главе отчаянной пятерки других иосифлян и иосифлянок, вооруженных плакатами, на которых белым по красному значилось: «Долой Руку друга!», «Долой Милосердие!», «Долой Доброту!», «Долой Любовь!», «Долой Братство!»...

Каждый приволакивал за руку слепоглухонемого мальчика или девочку, и милиция не знала, что делать с этим бунтом, бессмысленным и бессильным.

Я от души надеюсь, что эта картина не настолько типична, как это мне представляется в минуты душевного упадка. Однако нечто в этом роде я наблюдал слишком, слишком часто. Равно как и кристально честные общественные организации, влачащие жалкое существование и не способные достичь ни одной из тех целей, ради которых они только и затевались. А у меня, как у всякого художника, есть пагубная склонность больше верить своим глазам, чем единоспасающим формулам и звучным словам типа «общественный» и «независимый», так чарующим бесхитростный либеральный слух. Мой не такой уж скромный опыт подсказывает мне, что общественные организации, позволяющие слабым социальным группам отстаивать свои интересы, абсолютно необходимы, но их эффективность полностью зависит от тех привычек и предвзятостей, которые члены этих организаций принесут туда из прежней жизни. И если прежняя жизнь убедила их в мудрости таких принципов, как «с начальством не ссорься» и «не схватишь ты, схватит сосед», то и общественная организация будет их лишь подтверждать с удвоенной силой, воспроизводя этот осточертевший генотип практически бесконечно.

А потому, если мы не хотим ради красивых слов окончательно дискредитировать идею гражданского общества, мы должны ограничить независимость *сегодняшних* общественных организаций – законодательным образом навязать им общедемократические стандарты: регулярную сменяемость и что-нибудь вроде разделения властей, а также какой-то аналог независимой печати, возможно, обслуживающей сразу целую группу таких организаций, и, как ни горько, открыть их для внешнего контроля.

Повторяю, я либерал в том смысле, что прекрасно понимаю весьма и весьма ограниченные возможности контроля. Однако если он позволит довести уровень коррупции в особо выдающихся общественных организациях хотя бы до уровня общегосударственного, уже и это будет серьезным успехом. Либерализм все-таки не есть моральный кодекс противодействия государству где только можно, государство и общество в идеале должны все-таки не разрушать, а дополнять друг друга. И в тех независимых организациях, которые мне пришлось наблюдать вблизи, общество явно с этим не справляется.

Но, может быть, у меня просто не хватает революционной выдержки? Тогда я буду рад, если товарищи меня поправят.

Нина Глазкова

«Нормальные» люди делают «нормальные» деньги

Требуются пациенты

Рома Тупин попал в детдом № 4 г. Санкт-Петербурга, когда ему было семь лет. Первое время ребенок очень скучал по бабушке. Однажды малыш выбрался из детдома, сел на трамвай и поехал ее навестить. А когда вернулся, его наказали «за побег», приговорив... к двухгодичному заключению в психиатрической больнице.

Вся детская психиатрия в Санкт-Петербурге объединена в одно учреждение, которое называется Центр восстановительного лечения (ЦВЛ) «Детская психиатрия». СМИ рекламируют его как «уникальное, не имеющее аналогов в России государственное учреждение, оказывающее лечебно-консультативную и реабилитационную помощь детям, страдающим психическими заболеваниями».

У семилетнего Ромки было страшное заболевание: он любил свою бабушку и, несомненно, нуждался как в лечебной, так и в реабилитационной помощи. Об этих двух годах своего и так-то не слишком счастливого детства он не забудет никогда:

– За любую провинность нас привязывали к батарее или к ножке кровати, часто раздевали догола. В палате по пять-шесть голых детишек часами сидели привязанные на холодном линолеуме. Однажды, когда ко мне не пускали бабушку (общение с родственниками в сиротских учреждениях считается крайне нежелательным – лучше, когда ребенка некому защитить), я разбил окно. Медбрат Алексей сделал мне укол серы, от которого потемнело в глазах, поднялась температура и очень болели ноги. Ходить я не мог, сразу падал... (Серой не лечат. Это яд, от которого человек испытывает ужасные муки. Именно поэтому сера используется как «мера стеснения» – для острастки, чтобы

больной хорошо себя вел.) Я стал очень бояться этого укола. Алексей и медсестры всегда грозили вколоть серу, если мы пытались отказаться делать, что они велели. Однажды, когда я отказался мыть полы, Алексей отвел меня в процедурную и избил. Медперсонал часто сам провоцировал детей: оскорбляли, пока не психанешь. А потом – кололи, били или «купали». Завяжут туго ограничителем (простыней), засунут в ледяную ванну и окунают с головой, пока не задохнешься, потом опять... В мокром ограничителе тащили в палату и клали в кровать... Одна воспитательница учила нас петь. Она говорила: «Кто не будет петь, получит укол». И водила ребят в процедурную к Алексею, а он колол аминазин.

Я пытался жаловаться врачу. Он скажет: «Да-да, разберемся», и тут же уколы мне назначает. Алексей набирал аминазин и галоперидол в один шприц. И еще – не разводил препарат физраствором. Однажды Алексей делал мне укол в присутствии медсестры. Она говорит: «Ой, надо развести!» А он: «И так сойдет». От этих уколов у меня сторела вена – превратилась в тоненькую ниточку.

Так я пролежал год. Потом мне пообещали выписку – я минутки считал, ждал, когда смогу выйти отсюда! А меня оставили еще на год... Оказалось, директор нашего детдома позвонила, чтобы меня еще поддержали. (Это выгодно: в детском доме на ребенка получают пособие и присваивают и в больнице тоже получают.) Ну, а мне каково там лежать? Однажды я подумал: ведь я имею право написать заявление о выписке! И написал. Потом кололи два месяца...

Множество беззащитных детей, заключенных в огромные корпуса ЦВЛ «Детская психиатрия», являются приманкой не только для садистов типа медбрата Алексея, который, кстати, давно закончил институт и теперь работает в ЦВЛ врачом. Сюда стремятся устроиться наркоманы (психотропные препараты – те же наркотики) и педофилы. По словам сотрудников, один из них проработал здесь много лет. И хотя несмышленные девочки наивно рассказывали, что делал с ними дяденька доктор, а врачи записывали эти рассказы в их истории болезни и докладывали руководству, ответной реакции они ни разу не видели. Кончилось все тем, что заслуженного педофила с почетом проводили на пенсию.

Сейчас в 5-м отделении ЦВЛ работает воспитатель, который на глазах у всего коллектива развращает и морально калечит мальчиков. Два года назад Агентство журналистских расследований заинтересовалось этим фактом, и в результате появилась статья «Изнасилованное детство», напечатанная в газете «Тайный советник» и растиражированная в Интернете. Полная жутких подробностей, рассказанных постра-

давшими от жестокого извращенца детьми, эта статья вызывает шок даже у закаленного журналиста (ее можно найти в Интернете по названию). Да-да, она висит там уже два года! Возмущенные читатели обсуждают ее на форумах, но правоохранительные органы, к которым вызывают журналисты, обещая предоставить многочисленных свидетелей, фактически уже два года позволяют преступнику калечить детей. А администрация детской больницы? После такого скандала она продолжает делать вид, что «все хорошо, все хорошо»... Педофил дружит с администрацией и страшает сослуживцев милицией, в которой у него большие связи. В этом, по всей видимости, и состоит секрет его неприкосновенности. Заведующий отделением разрешает ему оставаться в больнице на ночь (хотя у него дневная работа), по своему усмотрению набирать группу мальчиков, ходить с ними в бассейн и т. д.

Многие просто не верят, что все это вместе взятое происходит в действительности. Они считают, что это плод большого воображения психически нездоровых людей – пациентов или правозащитников, которые наслушались их рассказов.

– Кому это надо – мучить детей? – недоумевают они. – Зачем? Мы видели тех, кто работает в этой системе: вполне приличные, нормальные люди.

Нормальные? Наверно. В том смысле, что стараются извлечь доход из всего, что оказалось под рукой. Кто пивные банки собирает, кто заводы продает, а эти – так уж случилось – удовлетворяют свои потребности за счет детей. Я в общем-то и не собиралась рассказывать неправдоподобные сказки про маньяков, где их набраться на всю непомерно раздутую систему сиротских учреждений? Просто «нормальные» люди делают «нормальные» деньги. До детей им нет дела, а их страдания – всего лишь побочный продукт бизнеса.

Вот что рассказывает об этом Ольга Никифорова, бывшая главная медсестра ЦВЛ «Детская психиатрия», проработавшая в этом учреждении 16 лет, и в том числе 7 лет на этой высокой должности:

– Я ругала медсестер за то, что дети спят на голых матрацах, а они жаловались, что простыни после стирки превращаются в ветошь. Оказалось, что главный бухгалтер Матвеева покупает негодное белье по очень высокой цене. Пошла разбираться. Ответа не получила, но сразу же была вызвана к заместителю главврача по амбулаторной части Зиновьевой, которая стала грозить мне репрессиями, если буду распространяться о закупках белья.

В палатах нашей больницы ужасная скученность: от большого количества детей и испарений назначаемых им в огромных дозах лекарств

буквально нечем дышать. Но не потому, что не хватает помещений, а потому что здания, которые выделяет город, администрация больницы сдает в аренду. Так, в реабилитационном центре на Свердловской набережной был размещен мебельный цех, ювелирная мастерская, на деньги ЦВЛ оборудован стоматологический кабинет, в котором принимали на платной основе «левых» пациентов, хотя по отчетности в нем получили лечение несколько сотен детей из ЦВЛ (были заведены соответствующие медицинские карты).

Когда мы получили большой комплекс зданий на улице Чапыгина, 13, то отделения ЦВЛ разместили только в одном здании. Остальные сдали в аренду вместе с прилегающей территорией. Я слышала, как главврач ЦВЛ Л.П. Рубина и ее заместитель Зиновьева обсуждали, как сделать, чтобы деньги за аренду шли им, а не в горздрав. Потом возили взятки «нужным людям», и была создана некая структура, через которую «законным» путем присваивалась арендная плата. Я слышала, как Рубина сообщила другим членам администрации, что дело с арендой «выгорело» и теперь им обеспечена «безбедная старость».

Как-то была у нас комиссия горздрави. Увидев отделения стационара, проверяющие выразились так: «Какие казармы, какое убожество!» Это потому, что в стационаре дырку в стене замажут, а в отчете напишут: отремонтировали все отделение. Зато как отделявали свои квартиры Рубина и ее заместитель Зиновьева! Меня часто посылали караулить вещи, когда рабочие строительной организации «Эра» и других, с которыми у ЦВЛ был заключен договор на обслуживание, делали там ремонты. И я слышала, как они возмущались тем, что делают ремонт в частной квартире, а наряды им закрывают по ЦВЛ. Сколько бы ни выделялось денег, а убожество в больничных палатах будет всегда. Рубина демонстрирует его иностранцам и нашим спонсорам и выпрашивает деньги «для бедных больных деток».

Еще один источник доходов – вознаграждения фармацевтических фирм, которые стремятся расширить рынок сбыта своих препаратов. Детям дают таблетки целыми горстями, это в порядке вещей. Я видела, как от нейрорептиков у них парализовало мышцы, а ведь это говорит о передозировке. Но таблетки продолжали давать в том же количестве, а чтобы детей не скрючивало, им назначали циклодол. Это, по сути, наркотик. Дети на него «подсаживаются» и становятся наркоманами, вот что ужасно.

Я много раз слышала, как наши врачи, в их числе была и начмед Румянцева, возмущались тем, что детям назначают депакин. Они говорили, что «он им не показан» (депакин – лекарство от эпилепсии, а, по свидетельству воспитателей ЦВЛ, подавляющее большинство «боль-

ных» – просто педагогически запущенные дети из неблагополучных семей и сироты). Но, по настоянию Рубиной, депакин продолжали закупать в больших количествах и прописывать детям. Некие фармацевтические фирмы «заинтересовали Рубину и ее заместителя по реабилитационной работе Макарова в том, чтобы продвигать депакин. Рубина оставляла все дела, когда к ней приходили представители этих фирм, и выглядела после их визитов очень довольной. В 2004 году именно фармацевтические фирмы организовали и оплатили празднование 70-летия Рубиной в шикарном ресторане, выделив на это несколько тысяч долларов.

Психиатры заинтересованы в том, чтобы к ним попадало как можно больше детей. Поэтому Рубина постоянно требует от заведующих амбулаторными отделениями: «Ищите мне детей! Стационары должны быть заполнены. Иначе не будет выполнения плана, надбавок, процентов». Заведующие говорят: «На улицах, что ли, нам их отлавливать?» «Меня это не интересует. Идите в школы, с консультаций в поликлиниках побольше направляйте в стационар. Иначе все мы останемся без работы».

Синдром детства

Если раньше план по заполнению койкомест и утилизации психотропных препаратов выполнялся в основном за счет сирот и детей из неблагополучных семей¹, то за последний год угроза психиатрического заключения нависла над всеми российскими детьми. Начальная цифра уже определена – 17 процентов, то есть несколько миллионов детей из вполне благополучных, нормальных семей.

Жизнь не стоит на месте: растет производство лекарств, а бизнесмены от психиатрии намерены и впредь увеличивать свои капиталы. Детей из группы риска уже не хватает для обеспечения их потребностей. Именно поэтому и была придумана крупномасштабная афера, ужасающая своим размахом и цинизмом. В 1987 году члены Американской психиатрической ассоциации в буквальном смысле проголосовали за то, чтобы узаконить новый детский диагноз: «синдром дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВГ). Это не первое их изобретение. В списке «страшных» психических заболеваний, угрожающих детям, значится «расстройство математических способностей», «рас-

¹ Сотрудники ЦВЛ «Детская психиатрия» говорят, что из сотен детей, лежащих в стационарном отделении, только у нескольких – по пальцам можно пересчитать – есть какие-нибудь признаки психического заболевания, остальные – обыкновенные хулиганы или страдальцы из детдомов.

стройство арифметических способностей», «языковое расстройство» – и все это надо лечить таблетками. Интересно, что в 1952 году практически не было психиатрических диагнозов для младенцев и детей, за исключением трех «адаптационных реакций». А к 1980 году их количество возросло почти в десять раз.

Что же представляет собой новая болезнь? Психиатры говорят: «Ребенок болен, когда делает ошибки из-за своей беспечности, редко внимательно и полностью следует инструкциям (а взрослые всегда это делают?), забывает и теряет игрушки, ерзает на стуле, бегаёт, когда нужно спокойно себя вести, с трудом стоит в очереди и т. д.

«Ребенок практически гарантированно получит ярлык психиатрического диагноза, даже если он совершенно здоров, – говорит автор книги “Трюк с гиперактивностью” Сидни Уокер, – так как у всех детей есть достаточно таких проявлений».

Несмотря на то, что за 20 лет продвижения этого диагноза так и не было доказано, что он имеет физиологическую природу, выраженную в дисфункции мозга, аферу с СДВГ удалось раскрутить. Америку, а затем и Европу внезапно охватила эпидемия детской гиперактивности. Сейчас в мире насчитывается более 17 миллионов «больных» детей, а мировое производство риталина (основного препарата для «лечения» СДВГ) за десять лет выросло в десять раз! Кстати, риталин в России запрещен. Его оборот попадает под ряд статей УК РФ, объединенных в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». (Но это ни о чем не говорит: в США он тоже был запрещен в начале «эпидемии».) Риталин и другие препараты, применяемые для «лечения» СДВГ, – это опасные и вызывающие привыкание наркотики, имеющие ряд серьезных побочных эффектов. После их приема семи-, десятилетние дети умирали от инфарктов, и таких детей были сотни. Информация об опасности этих препаратов замалчивалась психиатрами. Родителям не говорили, что нельзя резко прекращать их прием, поэтому, когда они видели, что ребенку от таблеток становится плохо и прекращали их давать, у детей возникали суицидные попытки или вспышки неконтролируемой агрессии. Многие дети покончили с собой, а другие расстреливали одноклассников, о чем мы не раз читали сообщения в прессе. Но, если происходили такие ужасные вещи, может быть, эти дети все-таки были больны?

Детский невролог Фред Боман-младший, действительный член американской академии неврологии, неоднократно проводивший экспертизу по смертям детей с диагнозом «гиперактивность», свидетельствует: «В течение 10 лет я наблюдал вспышку “эпидемии” СДВГ и не об-

наружил никакой аномалии, никакого признака заболевания у детей, которым психиатры поставили этот диагноз».

Более десяти лет «цивилизованные» страны травили своих детей, но, видимо, смерти, самоубийства, вспышки агрессии, приводящие к убийствам, в конце концов превысили некий критический рубеж, и западная общественность осознала страшные последствия навязанной ей аферы. В 2000 году члены Совета Европы подписали резолюцию: «Прекратить ставить неправильные диагнозы детям», в перечне которых фигурировал диагноз СДВГ как «подкрепление волны злоупотреблений наркотиками».

Европейский комитет по медицинским продуктам и Управление по пищевым продуктам и лекарствам США запретили ряд препаратов, а на упаковках других обязали производителей писать в черной рамке: «В результате приема возможно самоубийство». Школам было рекомендовано решать проблемы с детьми педагогическими методами, не привлекая к этому психиатров. Эти меры привели к тому, что объем потребления психиатрических наркотиков снизился на 20 процентов.

Набравшая обороты фармацевтическая промышленность стала искать новые рынки сбыта. И как раз в это время наши психиатры стали очень переживать за бедных детей, которые в это нелегкое время все сплошь больны СДВГ. В апреле 2006 года в Москве состоялся съезд психиатров с чудным названием: «Охрана здоровья детей России», посвященный массированному продвижению в нашей стране ложного диагноза СДВГ и методов его «лечения» наркотиками. Организовавшие этот форум фармацевтические компании рекомендовали в качестве «специалиста» по данной проблеме шведского психиатра Кристофера Гиллберга. Шведский суд лишил его лицензии после того, как он уничтожил результаты своих исследований по СДВГ, рассчитывая таким образом уйти от ответственности.

Накануне съезда по стране прокатилась волна возмущения. Родители, понимающие суть проблемы, и правозащитники писали письма общественным деятелям, которые – для придания авторитета – были заявлены почетными гостями форума. В результате многие из них отказались принимать в нем участие. И, конечно, писали во все властные структуры. В связи с этим комиссия по здравоохранению Законодательного собрания Санкт-Петербурга провела расширенное заседание, пригласив врачей, депутатов и правозащитников. В качестве эксперта по СДВГ был приглашен психиатр Макаров из ЦВЛ «Детская психиатрия», его попросили доложить собравшимся, в чем суть проблемы, поскольку он «специалист, а все остальные мало что в этом смыслят».

– Согласитесь, – вкрадчиво начал он, – что бывают больные дети...

Все согласились: действительно, есть дети с психическими отклонениями, может быть, даже один на сотню... Как с этим не согласиться? Ведь психиатр не сказал нам, что предполагается объявить психически больным каждого второго ребенка (такова практика «цивилизованных» стран, которую мы перенимаем).

Пожалев несчастных детей, получающих двойки по поведению из-за того, что не могут справиться со своей импульсивностью, доктор стал убеждать комиссию в том, что Петербургу необходим большой специализированный центр по лечению СДВГ.

– Чем же вы собираетесь лечить, – спросила я, – наркотиками?

Он посмотрел с укоризной и сказал:

– Очень благодарен вам за вопрос. Дело в том, что психиатры петербургской школы, в отличие от московской, не используют психотропные препараты для лечения детей!

– Совсем таблеток не даете?

– Только витамины, улучшающие работу мозга. Как правило, мы используем психотерапевтические методы.

Мне вспомнились насковозь пропитанные запахом лекарств палаты детской психиатрии, заторможенные дети, мальчик, у которого из-за постоянных передозировок развилась необратимая дистрофия... И только много позже, когда уже закончился в Москве психиатрический форум и когда я познакомилась с главной медсестрой ЦВЛ «Детская психиатрия» Ольгой Никифоровой, я вдруг вспомнила фамилию того доктора, и спросила ее:

– А не тот ли это Макаров, который вместе с главврачом ЦВЛ Рубиной заставлял врачей прописывать лекарство от эпилепсии – депакин – практически здоровым детям?

– Тот, – ответила она. – Он теперь в ЦВЛ не работает. После поездки на съезд психиатров он открыл свой центр по лечению СДВГ при Институте Бехтерева. Наверное, в Москве получил грант.

«С ними можно делать все что угодно»

Улица, на которой я живу, упирается в пустырь, за которым кончается город и начинается лес. Ближе к этому тупику сходят на нет казино, фитнес-клубы, дорогие универсамы и сама городская жизнь. А дальше тянутся гаражи, свалка и высокий забор из бетонных блоков, за которым стоит здание внушительных размеров – психоневрологический интернат (ПНИ). Иногда мы, местные жители, видим в своих магазинах стайку плохо одетых ребят. Некоторые из них с трудом ковыляют на искалечен-

ных детским церебральным параличом ногам. Они неестественно оживлены и пуливы, словно вырвались на свободу в мир, где они чужие...

«А, – думаем мы, – эти из Пней».

Это все, что мы о них знаем. И нам этого достаточно.

А ведь, в сущности, мы живем по соседству с концлагерем, где процветают рабский бесплатный труд, издевательства и безнаказанные убийства. Допустим, большинство об этом не знает. А те, кто знает? Что думают по этому поводу они?

– Живут там на всем готовом на наши деньги и еще имеют наглость жаловаться! – так сказала судья, с виду умная и интеллигентная дама, на процессе, где парень из ПНИ пытался отстоять свои права.

– Они там все недееспособные. У них вообще нет никаких прав, – объяснила заместитель главврача больницы, расположенной рядом с ПНИ.

– Позвольте, – возразил ей юрист Гражданской комиссии по правам человека, – жителей ПНИ никто дееспособности не лишал, и по закону у них такие же права, как у нас с вами.

– Ну, то по закону, – ответила эта замечательная женщина, – а для нас, врачей, они недееспособные в силу наличия у них психического заболевания и прав ни на что не имеют. С ними можно делать все что угодно. И чиновники также к ним относятся. Вы даже не пытайтесь их защищать, все равно все решится в пользу администрации ПНИ.

Большинство жителей ПНИ тоже думают, что с ними можно делать все что угодно. Их приучили к этому в детских домах, где в наказание за невинные детские шалости били палками, окунали головой в унитаз, назначали убивающие мозг таблетки и уколы, от которых скрючивало руки и ноги, на годы ссылали в психушку.

Кто живет в психоневрологических интернатах? Больные люди, судом лишённые дееспособности, одинокие старики, с которых уже нечего взять, но подавляющее большинство жителей ПНИ – это молодые, трудоспособные люди, которые могли бы приносить пользу обществу, а не быть ему обузой. В детстве они были преданы родителями, бросившими их. Потом – педагогами и врачами, приговорившими их к пожизненной участи психически больных ради получения надбавки к зарплате за работу с дефективными, ради заполнения койкомест и доступа к сиротскому жилью. Приписывать детям дебилность или олигофрению выгодно по многим причинам. Ими легко управлять, их можно не учить и практически никак за них не отвечать, даже если они погибают.

К 18 годам, когда заканчивается срок пребывания в детдоме, все сироты по закону должны получить от государства комнату и плавню

влиться в ряды трудового населения. Пусть с психиатрическим диагнозом, неграмотные, ничего не знающие о жизни вне стен детдома, но все же они могут начать нормальную жизнь. Но многим чиновникам не хочется раздавать комнаты «за просто так», хватает и воспитатель, которые с ними заодно. Сиротские комнаты заранее реализуются к взаимной выгоде, а ребят начинают готовить к переводу в ПНИ, постепенно увеличивая им группу инвалидности. Никто даже не говорит об их праве на жилье, а когда они узнают об этом и пытаются получить комнату, это оказывается очень тяжело и удается единицам. Причем доказывать свое законное право «счастливым» приходится в судебном порядке. Поэтому большинство остается в ПНИ без всякой надежды когда-нибудь вырваться оттуда.

Они живут в палатах по 10–20 человек. Кровать и тумбочка – это вся их мебель. Одежду получают на сезон, потом сдают на склад, все время пользуясь, таким образом, чужими «бэушными» вещами. Пища скудная и плохого качества, зато сотрудники, не таясь, ежедневно уносят домой сумки с продуктами. Все проживающие имеют группу инвалидности (в связи с психическим заболеванием), а покупать себе еду и одежду они не могут, потому что 75 процентов пенсии у них забирает администрация ПНИ. Их постоянно используют в качестве рабочей силы на разных хозяйственных работах, но называют это «трудотерапией» и денег, естественно, не платят.

Недавно в Санкт-Петербурге закончился уникальный судебный процесс. Администрация одного из ПНИ просила суд **принудить** тридцать своих постояльцев – заметьте, взрослых дееспособных людей – заключить с ней договор на социальное обслуживание, чтобы иметь возможность на законных основаниях забирать у них 75 процентов пенсии. Все судебные решения были вынесены в пользу администрации ПНИ. Хотя с юридической точки зрения это нонсенс, потому что социальное обслуживание дееспособных граждан носит исключительно добровольный характер.

Интересно, что судья, вынесший такое решение, после одного из заседаний сказал:

– Не понимаю, почему они там живут, если им не нравится? Ушли бы и жили самостоятельно...

Почему же они не уходят? Потому что некуда. Потому что у них отнимают паспорта. Если они все-таки уходят, не получив разрешения на «отпуск», их объявляют в розыск.

Так и проходит их жизнь – в комнате, похожей на больничную палату, временами в карцере, куда помещают за «провинности» (напри-

мер, за пререкания с уборщицей по поводу плохо вымытых полов, за самовольную отлучку). Карцер здесь называется «закрытым отделением», что сути не меняет, потому что лишать человека свободы может только суд, а ПНИ – не тюрьма. В «закрытках» хуже, чем в тюремном карцере, потому что здесь смутьянов травят психотропными препаратами, делают уколы, причиняющие жестокую боль, раздевают до гола и заставляют «спать» целый месяц. За более тяжкие преступления, такие как жалобы на антисанитарию в пищеблоке или защита собственных прав, связывают и как особо буйных госпитализируют в психиатрическую больницу (сейчас в Петербурге идет судебный процесс о неправомерности одной такой недобровольной госпитализации).

Живущие в ПНИ люди не могут завести семью: им не разрешают жениться (хотя дееспособным взрослым людям никто не может этого запретить), забеременевшим женщинам насильно делают аборт, а каким-то чудом родившихся детей отнимают. Одна из жительниц ПНИ, Наташа, уже семь лет пытается найти своего ребенка, но на все ее вопросы слышит один хамский ответ: «Мы не обязаны тебе говорить, где он...»

Пока люди не хотят обо всем этом знать, мы так и будем жить по соседству с концлагерем. Только таких лагерей будет становиться вокруг нас все больше и больше, пока мы и сами туда не попадем. По моему, это очевидно.

За границей многие ученые, врачи, артисты, используя свой авторитет и известность, высказываются против психиатрического террора. Том Круз, например. В детстве психиатры поставили ему неправомерный диагноз и убедили в том, что он неполноценный. Это могло окончательно испортить ему жизнь, если бы Том не понял, что он совершенно нормален и, более того, талантлив. Сейчас Том Круз жестко выступает против диктата психиатрии в обществе. А как у нас? Я просила высказаться на эту тему двух очень известных актеров (ведь наш народ приучили к тому, что самые авторитетные мнения по всем вопросам можно получить исключительно у артистов). Оба они, как мне сказали, имели несчастье столкнуться с психиатрией.

– Да, это очень важная проблема, – сказал как один, так и другой, – полностью вас поддерживаю! Но я сейчас так занят...

Боятся. Их можно понять: у нас выступать против психиатрии страшнее, чем на Западе, ведь наше общество инертно, а карательная психиатрия по-прежнему не дремлет и каждого кому-то неугодного готова объявить сумасшедшим. Вот, например, в Сибири не так давно одного депутата перед выборами конкуренты упрятали в психушку. У нас в Петербурге человек сунул листовку в избирательную урну, хотел вы-

сказать свое мнение – был госпитализирован туда же. И так далее... Я не раз слышала, как чиновники, врачи и, что печально, юристы говорили о правозащитниках, которые пытаются помочь пострадавшим от психиатрии: «Они тоже сумасшедшие». Скорее всего, это мнение как информационный вирус намеренно распространяется в обществе.

Когда в газетах отказывались печатать мои статьи, с помощью которых я надеялась защитить сирот от издевательств их «лечащих» психиатров, я читала в глазах журналистов страх. И боялись они не столько мафии психиатров и чиновников (пишут же они о других мафиях?), сколько другого – они боялись, что их назовут сумасшедшими. Логика-то ведь убийственная: если ты защищаешь психов, значит, сам псих.

И все же что-то меняется. Все чаще появляются разоблачительные передачи о злоупотреблениях в психиатрии на телевидении, на радио, статьи в газетах. Может быть, вслед за аферами психиатров, превративших свою профессию в бизнес, с Запада переключается к нам и мощное движение в защиту прав пациентов психиатрических клиник, давно существующее во многих странах...

Сейчас не редкость, когда психиатры уходят из профессии, столкнувшись с реальностью. И среди них немало тех, кто пытается противостоять превращению психиатрии в криминальный бизнес. Например, Софья Доринская, московский психиатр, стала президентом Российской Гражданской комиссии по правам человека в области психиатрии; Сергей Запускалов из Томска, потомственный психиатр с 17-летним стажем, много пишет о недостатках сложившейся системы оказания психиатрической помощи, петербургский психиатр Людмила Соновец, уйдя из психиатрии, получила образование юриста и теперь как адвокат блестяще защищает пострадавших пациентов в суде. И среди тех, кто не оставляет своей профессии, есть психиатры, работающие не ради корысти. Многие из них сотрудничают с правозащитниками и адвокатами и защищают права пациентов в суде в качестве независимых специалистов.

Все мы должны что-то делать. Все, у кого еще не умерла душа. Потому что нельзя спокойно жить, зная, что через дорогу от тебя уничтожают беспомощных людей. Просто нельзя.

ГРАЖДАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Тел.: 8 (812) 764-30-39;
8 (812) 331-95-40;
8-904-513-94-32

Электронная почта: cchrspb@mail.ru
Веб-сайт: www.cchr.spb.ru

В защиту прав детей-сирот и детского дома № 47 в Санкт-Петербурге

Гражданская комиссия по правам человека обращается к общественности г. Санкт-Петербурга и городским властям с призывом защитить интересы детей – воспитанников детского дома № 47, который по решению администрации Приморского района собираются расформировать с целью передачи здания под устройство там детского сада.

Детский дом № 47 является уникальным учреждением для детей-сирот дошкольного возраста. Его педагоги, применяя специально разработанные педагогические методики, успешно работают не только со здоровыми детьми, но и с детьми, имеющими диагноз «задержка психического развития», и менее чем за год они добиваются устранения этого диагноза у своих подопечных, не прибегая к помощи психиатров. В детском доме заботливо поддерживается домашняя атмосфера, и дети живут дружной семьей. Благодаря хорошему взаимодействию со спонсорами маленькие сироты ни в чем не нуждаются (за 2005–2007 годы вложено более 1,5 млн рублей спонсорских денег). Большинство детей усыновляются и попадают в семьи. Так, за 2003–2006 годы в детский дом поступило 74 ребенка, при этом в семьи было отдано 53.

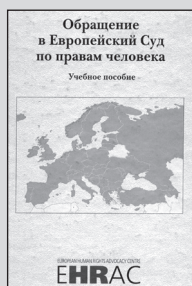
Вместо того чтобы всячески способствовать дальнейшей деятельности передового детского дома, его собираются закрыть. Свое решение районная администрация объясняет его нерентабельностью, являющейся следствием малого количества воспитанников. Однако такое решение идет вразрез с Постановлением Правительства РФ «Об усилении работы с детьми, оставшимися без попечения родителей» и общей тенденцией к созданию малокомплектных детских домов, в которых ребенок должен проходить адаптацию и медицинское обследование перед передачей в семью.

Во многом нехватка детей в детском доме № 47 организована искусственно. С 4 сентября 2006 года Комитет по образованию Санкт-Петербурга не отправил в этот детский дом ни одного ребенка, хотя ситуация с сиротами в городе известна.

В качестве второй причины выдвигается острая нехватка детских садов в районе. Но поблизости от детского дома № 47 находятся несколько пустующих типовых зданий, предназначенных для дошкольных учреждений (ул. Омская, д. 21/1, Ланское шоссе, д. 41, Ланское шоссе, д. 51). Видимо, дети-сироты в очередной раз стали жертвой чьих-то меркантильных интересов.

Правозащитники намерены обратиться с просьбой, адресованной Комитету по образованию администрации Санкт-Петербурга и губернатору Санкт-Петербурга, не закрывать детский дом № 47 Приморского района.

*От имени НП «Гражданская комиссия по правам человека»
исполнительный директор Гражданской комиссии по правам человека
Р.В. Чорный*

**Обращение в Европейский Суд
по правам человека** / Под общ. ред. Ф. Лича.
М.: МОО ПЦ «Мемориал», 2006. 528 с.

Данное издание представляет собой учебное и справочное пособие по ведению дела в Европейском Суде по правам человека, в котором делается особый упор на проблемы, характерные для России. В пособие вошли переводы четырех глав из книги Филипа Лича «Taking a Case to the European Court of Human Rights» (2-е изд., Oxford University Press, 2005), а также главы, специально написанные для настоящего издания российскими специалистами. Подробно рассматриваются вопросы ведения дел в российских судах, проблемы приемлемости жалоб, анализируются решения, вынесенные Европейским Судом в отношении Российской Федерации.

В приложения к книге вошли учебное судебное дело с комментариями к нему, а также образцы состязательных бумаг, направленных в суд в связи с ранее рассмотренными делами. Это неоценимый учебный материал для юристов, практикующих или намеревающихся практиковать в области международной защиты прав человека.

Рубен Гальего

Все равно

Выбирая между безумием и нищенской долей скитальца, великий поэт без тени иронии предпочел посох и суму. Не уверен, что найдется на свете человек, способный поспорить с Пушкиным. Лучше, несомненно, лучше.

Современный цивилизованный мир пошел дальше. За малым исключением, столь малым, что мне стыдно о нем и поминать, отверженные обществом люди выбирают между изоляцией в психушке и изоляцией уличной, бездомной, голодной и холодной. Душевная болезнь и бездомность сопутствуют друг другу.

Кто виноват? Что делать? Вечные вопросы. Раньше я наивно полагал, что вопросы эти присущи одной лишь на земле нации, одному государству. Дураком родился, дураком помру, каждую секунду открывая для себя простейшие для западного человека реалии.

В русских психушках плохо. Во всех закрытых заведениях по всему миру – плохо, очень плохо. Старик, ребенок, просто больной человек живет и может жить хорошо в той мере, в какой о нем заботятся родственники. Аргументов более чем достаточно в литературе и кино. «Пролетая над гнездом кукушки» написано и снято не в России. Десятки книг и кинофильмов из года в год смиряются с непреложной истиной бессилия человеческого одиночества перед бедой и напастью.

Но как же гражданское общество? Как же государство? Да никак. Гражданское общество – это те же родственники инвалидов. Государство – тот же до боли знакомый и до оскомины навязший в зубах образ бездушной машины. Все. Безнадега. Конец.

Зачем же тогда пишу? Зачем трачу время и силы читателя? По крайней мере, чтобы высказать личное отношение к отверженным. Не призвать милость, а всего лишь высказаться. Рассказать. О себе.

Регулярно прохожу мимо нищего. Монетки в его кружке звенят, он сидит и трясет ими. Иногда в ритм, иногда просто так. Я прохожу мимо.

Нищий оживляется при приближении моей коляски. Нищему тоже хочется надеяться на удачу. Нищий трясет кружкой все сильнее и сильнее. А мне все равно.

Я знаю, что он не хочет в ночлежку. Я знаю, что в ночлежке очень плохо. Я знаю, что он выбрал посох и суму именно в силу своего безумия. Или сошел с ума от безнадеги и отчаяния. Мне все равно.

Я знаю, что нищему и безумному надо дать кровать с чистыми простынями, одиночество и дозу алкоголя. Не дам. Жалко. Мне очень и слишком жалко собственного покоя и благополучия. Конечно, можно сделать вид. Можно симитировать жалостливого человека. Можно насыпать ему полную кружку монеток. Но ведь я не душевнобольной. Мою совесть не заглушить чекушкой водки или горстью таблеток. Я же знаю, что конкретно нужно этому самому нищему, мимо которого прохожу регулярно.

Международные благотворители дают деньги русской благотворительности. Они лучше меня. Они не умнее меня, но все-таки они пытаются изменить мир.

Сотрудники русских психушек воруют у больных еду и плохо к ним относятся. Они тоже лучше меня. Я бы за такую зарплату работать не пошел бы. Я бы не смог. Они могут. Да, они зачерствели и устали на такой работе. Да, им плохо, и плохо их пациентам. Они каждый день видят горя больше, чем десяток журналистов за всю свою жизнь. Они привыкли. Им все равно. Они винят во всех бедах и горестях своих подопечных их несчастных родственников. Наедине с самим собой каждый санитар психушки – хороший человек. Наедине с самим собой каждый сотрудник закрытого учреждения мечтает, чтобы кончился наконец весь этот кошмар. Или газом бы отравить этих пациентов, или развезти их всех без шума и пыли по благоустроенным домам зарубежных благотворителей.

Но не сбудутся безумные мечты безумных санитаров. Всё останется так, как есть. Иностранцы благотворители приедут и уедут. Журналисты придут, напишут статьи и разойдутся по уютным квартирам. Им все равно.

А я допишу статью и пойду пить чай. Горячий. Съем бутерброд с колбасой. Лягу спать.

Нет. Не так. Совсем забыл. После чая и перед бутербродом я, пожалуй, вынесу нищему пару монеток. Или десяток. Или даже бумажку красивую, денежную. Или обойдется он одной монеткой? Какая разница. Я же не злой. Я же не жадный. Монеткой больше, монеткой меньше. Мне все равно.

НА ТОМ СТОЮ

ЗАЩИТНИКИ

Андрей Бабушкин

Вместе со ФСИН и отдельно от нее

В декабре 2006 года мы получили президентский грант, он предусматривает поддержку активности самых различных общественных групп, таких как группы жителей, протестующих, скажем, против уничтожения зеленых насаждений или точечной застройки, против закрытия той или иной школы и так далее. К ним же могут относиться и группы родственников заключенных, самих осужденных.

Когда во ФСИН узнали о предоставлении нам президентского гранта, они стали работать с нами более или менее конструктивно, то есть наши отношения восстановились (до этого они два раза полностью обрывались). Теперь они строятся в рамках программы инспектирования колоний.

Эта программа создавалась так: в начале января состоялась встреча Общественного совета при Президенте РФ в расширенном составе (среди участников встречи были люди, которые к этому моменту не являлись членами Общественного совета) с Путиным. Там среди прочих проблем обсуждалась обстановка в местах лишения свободы. Тогда же было высказано предупреждение о том, что в России могут начаться восстания заключенных. И президент дал поручение Устинову встретиться с правозащитниками.

На встрече с министром юстиции присутствовали все его заместители, все начальники федеральных служб и члены Общественного совета при ФСИН. Там и был поставлен вопрос о колониях, обстановка в которых вызывает у нас особую озабоченность. Мы настаивали на том, что эти колонии нам необходимо посетить, потому что, по нашему мнению, именно там происходят нарушения прав человека.

По приказу Устинова Калинин дал указание обеспечить нам доступ в эти колонии. Причем (как и все, что делается во ФСИН) сделано это было не очень удачно. Сначала нас вообще никуда не пускали, потом

составляли график и говорили, что неплохо бы в марте посетить такую-то колонию и такому-то правозащитнику туда поехать. И вдруг мы получаем уже готовый график, где написано, куда и когда мы должны ехать. И при этом никакого времени на подготовку не предусмотрено.

А для нас каждая поездка – это серьезная подготовка: надо прочитать массу документов, поднять переписку, которая хранится в общественных организациях и т. д.

В общей сложности мы наметили посетить около пятнадцати организаций (часть из них я уже посетил). По планам ФСИН предполагалось, что это будут очень быстрые посещения и все они пройдут в марте – начале апреля. Планировались этикетные ознакомительные экскурсии: это – столовая, здесь осужденные едят, а это – клуб, здесь им показывают фильмы.

Нам удалось подкорректировать эти планы, так как формальный марафон по колониям нам ни к чему. Мы разрабатываем свой план посещения. И по результатам моих посещений (так же, как мы писали наставление по общественному контролю за СИЗО) будет написано наставление по общественному контролю за исправительными колониями.

В СИЗО меньший объем контроля, потому что многое из того, что хранится в сейфах СИЗО, имеет отношение к уголовным делам, а это не является предметом общественного контроля. В колониях ситуация сложнее, потому что практически все, что там есть (кроме инженерно-технических сооружений, охраны и оперативной работы), должно быть предметом общественного контроля, начиная от журнала А-1, где фиксируются явки с повинной и заканчивая книгами учета травм или журналом учета обращений за медицинской и стоматологической помощью.

В этом хитросплетении документов надо разбираться. Например, посещение Ярославля и Мурманска выявило, что единообразия документального оформления не существует. В одном месте травмы фиксируют в журнале учета травм, в другом – в журнале первичного учета, в третьем – в журнал учета телесных повреждений и обращений за медицинской помощью. Такая неразбериха с документами создает трудности в инспектировании и в составлении единой инструкции по объективному инспектированию.

Включаясь в эту программу посещений-инспекций, мы добровольно взяли на себя некоторые обязательства.

Если мы обнаруживаем нарушения прав человека, которые не являются грубыми и системными (существенные, но недостаточно грубые и не носящие системного характера), и местная ФСИН берет на

себя обязательство эти нарушения ликвидировать, то мы это гласности не предаем. И отправляем сведения в федеральную службу не для принятия мер, а только в порядке информации, и в деле ликвидации таких нарушений мы поддерживаем непосредственный контакт с руководством местного УФСИН.

То есть свои отчеты мы будем предавать гласности в достаточно мягкой форме и не в полном объеме. Это связано с тем, что наша задача – не информационная кампания против ФСИН, а исправление недостатков.

Но наша позиция изменится сразу же, если мы увидим, что ФСИН эти недостатки не исправляет и занимается их укрывательством. А для ФСИН вообще и для некоторых ее руководителей такая политика всегда была характерна. Недавно на встрече с министром нам с гордостью было сообщено, что поступило 50 000 жалоб, а прокурорская проверка нашла реальные нарушения прав только в трех процентах. Понятно, что речь идет о скрытии нарушений. И если мы в благополучной 16-й колонии обнаруживаем полтора десятка нарушений, которые ущемляют права и свободы граждан (при беглом обходе за четыре-пять часов), то в колонии неблагополучной, в 18-й, где мы проработали три дня, наш список зашкаливает за сотню...

Мы проводим различия между тремя группами нарушений. Во-первых, нарушения, которые возникают в силу обыкновенной невнимательности. Например, мы приходим в ларек. Где молоко? Где колбаса? Ручки есть? Сколько стоят? Тридцать рублей?! Если у заключенных зарплата 300 рублей, то понятно, что такая ручка им недоступна...

В подобных случаях мы говорим, что, по нашему мнению, надо составить специальный приказ по управлению, в котором установить минимальный ассортимент для ларьков и рекомендуемые цены. И, как правило, никаких возражений не бывает. Здесь речь идет о нарушении, которое произошло просто потому, что людей заела текучка и они не видят того, что сразу бросается в глаза постороннему наблюдателю.

Во-вторых, есть нарушения, причиной которых является обыкновенное человеческое равнодушие. Например, некий осужденный заявил, что не будет выполнять такую-то хозработу. У него большой положительный потенциал, он хороший художник, прекрасно разбирается в литературе, великолепный резчик по дереву. То есть нетрудно найти механизмы, при помощи которых воспитательное воздействие на него будет оказано и будет иметь положительный эффект, а то, что он, скажем, не желает мыть туалет, будет компенсировано его работой в других направлениях. Но администрация не хочет думать, разбираться

и действует формально. У нее есть УИК, и формально закон позволяет зачислить строптивного заключенного в нарушители. Так человек получает 15 суток ШИЗО. А у него до этого ни одного взыскания... А могут дать и три недели ПКТ.

То есть судьба этого человека никого не интересует. Администрации безразлично, что с ним будет: озлится, повесится, начнет голодовку... Он для администрации не субъект культурно-правовых отношений, он для них – объект воздействия, такой же, как кусок дерева, металла.

Это другой уровень нарушений... Более опасный...

И есть третий уровень нарушений. Здесь уже речь идет о злой воле, когда людей специально ставят в невыносимые условия, чтобы возник бунт... возникло противостояние.

Откуда может взяться такая злая воля? Скажем, от бытовой неустроенности тех же сотрудников. Например, в колонии № 1 г. Ярославля мы обнаружили, что там работают люди, которые живут в семидесяти километрах от колонии. Им добираться четыре часа, да еще с пересадками. А может быть и более опасная ситуация. Например, замначальника по оперативной работе хочет стать начальником или прыгнуть прямо в управление... Ради этого иногда провоцируется бунт заключенных, как лет пять назад в Капотне, в СИЗО № 9. Тогда хотели снять начальника московского УФСИН, очень достойного и порядочного человека.

То есть причины и мотивы могут быть разными, но мы видим, что некая злая воля немотивированно и намеренно раскаляет обстановку. Например, люди идут на работу, а им объявляют, что у них проводятся учения спецназа. Врываются какие-то люди в масках, начинают все ломать и крушить якобы в поисках мобильных телефонов. Естественно, кто-то испугался, а у кого-то острое чувство справедливости, он начинает протестовать и сразу же оказывается злостным нарушителем. Потом его прессуют до тех пор, пока не начинаются массовые протесты заключенных. При этом кто-то в ужасе хватается за голову, понимая, что это конец его карьеры, а кто-то потирает руки, радуясь, что расправился со своим противником.

Такие случаи мы, несомненно, будем предавать гласности.

Но бывают и частные вывихи. Не по злой воле, а по недомыслию и излишнему рвению. Например, где-то оперчасть год от года повышает число своих негласных сотрудников. Или начальник колонии поставил цель сделать всех своих подопечных участниками самодетельных организаций. Здесь речь идет о каком-то локальном сумасшествии. На местах такого рода самодуры всегда находятся.

Вот сейчас нам предстоит посетить одно лечебно-исправительное учреждение, где находятся двести человек – практически все инвалиды первой, второй, третьей группы. Когда в эту колонию входит начальник, то (как и предусмотрено ПВР) раздается команда: «Колония, внимание!» И все заключенные должны встать, замереть по стойке «смирно» и ждать команды «вольно» независимо от того, где они находятся. Даже в армии это практикуется только в той части расположения, куда подошел командир. А представить это в колонии, тем более в ЛИУ, тем более для инвалидов – это по меньшей мере странно. Страна у нас большая, и самодуров хватает.

После посещения «красных» зон я понял, что «красная» зона – это не всегда плохо и «черная» зона – это не всегда хорошо. «Черная» она или «красная» – вопрос вторичный. Главное – ради чего это делается.

Если цель превращения зоны в «красную» – персональная карьера и подавление человеческой личности, то это ни к чему хорошему привести не может. А если таким способом человеку дают возможность найти в себе какие-то новые ресурсы – развернуть себя в другую сторону?

В 16-й колонии («красной») 90% освобождается досрочно. Там работает психологическая лаборатория. Почти половина заключенных заняты работой. Там нет локальных участков, и люди спокойно передвигаются по колонии. Там люди подходят и свободно общаются с начальником колонии. Вот такая там «красная» зона, и это хорошая зона...

А в ста метрах 18-я колония. Заходим в отряд. Стоят парни такие страшные с дубинками. Заключенные все напряжены, никто ни к кому не обращается, не задает никаких вопросов. Понятно: в этой колонии есть основания для того, чтобы многое менять. Обе колонии считаются «красными», но атмосфера совершенно разная.

Из этого становится ясно, что в 16-й достаточно эпизодических посещений правозащитников, а в трех других необходимы регулярные посещения...

По проходящим сейчас инспекциям мы даем очень много совершенно разных рекомендаций. Например, рекомендуем увеличить длину навеса, чтобы людей не заливал дождь, или починить дренажную систему в ШИЗО и ПКТ, или пишем, что камера не может представлять собой пенал длиной четыре метра и шириной один метр, что форточки в ШИЗО должны открываться не только снаружи, но и изнутри, или даем рекомендации о предоставлении телефонных разговоров. Например, в одной колонии мы обнаружили, что за полтора года по телефону

поговорили всего 700 человек из 2000. Что это значит? Либо то, что телефон недоступен, либо то, что материальное положение заключенных настолько неудовлетворительно, что телефонный разговор даже раз в полгода оказывается для них слишком дорогим удовольствием.

Некоторые наши рекомендации основываются на журнале приема осужденных администрацией. В той же самой колонии № 16 за два с половиной года из восьмисот осужденных начальник принял половину. Это говорит о том, что он доступен. Можно к приезду комиссии все подготовить, побелить деревья, поменять наглядную агитацию, неугодных осужденных посадить в зиндан, а угодных посадить перед телевизорами и сделать так, чтобы на прием пришли те, у кого совсем незначительные вопросы или чтобы каждый второй хвалил администрацию. Но журнал приема за два года не подделаешь, журнал учета травм за два года не подделаешь, журнал телефонных переговоров не подделаешь.

Вот в одной из колоний в больничке все вроде бы замечательно. Как можно выяснить за десять минут пребывания в больничной палате реальное положение? Оказывается, можно. Надо уметь задавать вопросы.

- Как зовут твоего лечащего врача?
- Не знаю.
- Какие лекарства принимаешь?
- Не знаю.
- А как выглядит твой лечащий врач?
- Да вот женщина такая темненькая.
- А сколько лечишься?
- Полгода...

И ситуация понятна...

Есть такие точки проверки, что, как бы ты к ней ни готовился, никогда не сможешь определить все те способы, которые имеют в своем арсенале федеральные инспектора из правозащитных организаций. Например, я задаю вопрос: «Сколько у вас человек выше 190 сантиметров?»

Спрашивал я заместителя по общим вопросам, который ведает столовой. Он: «Не знаю». Почему он должен знать? Потому что в постановлении Правительства РФ (№ 205) содержится норма по дополнительному питанию людей ростом выше 190 см.

В 18-й колонии, которую я критиковал, мне и ответили: «Не знаю».

Методики проверки должны, с одной стороны, стимулировать администрацию исправлять недостатки, а с другой – выявлять недостатки, как бы ни пытались инспекторам пусить пыль в глаза...

Традиционно большую часть нашей работы составляют экспертизы нормативных документов и рекомендации по ним.

В 2006 году мы провели общественную экспертизу трех документов – ПВР СИЗО, ПВР ИК, ПВР ВК.

Правила для воспитательных колоний мы видели, когда они еще были проектом. Мы представили 50 своих предложений, и к чести ФСИН половина предложений была принята. С СИЗО и ИК было больше проблем.

Например, в приложениях к ПВР ИК непонятно, разрешены тапочки для ношения в жилой зоне или нет. В Ярославле и Мурманске мы видели, что тапочки носят. А из других колоний поступают сообщения, что как только заключенный надевает тапочки, его признают нарушителем установленной формы одежды и водворяют в ШИЗО.

Или неувязка с документами, которые можно хранить при себе. Раньше при себе можно было хранить любые документы, кроме документов, удостоверяющих личность. А теперь в Правилах ИК дан перечень разрешенных документов, и туда, например, не входят выписки из медицинских документов. Это создает огромные проблемы и при медицинском обследовании, и при направлении на лечение, и при установлении группы инвалидности.

Другая проблема – спортивные костюмы. Указано, что спортивные костюмы можно использовать только во время спортивно-массовых мероприятий. Зарядка – это спортивно-массовое мероприятие? Вот в Оренбургской области считают, что зарядка спортивно-массовым мероприятием не является. Человек выходит на зарядку в спортивном костюме, а его за это – в ШИЗО.

В этих Правилах заложено очень много абсурдных, нелогичных ограничений, не связанных с целями законодательства и провоцирующих конфликтные ситуации. В некоторых колониях люди не хотят пользоваться общей посудой, а хотят иметь свою кружку, свою ложку, свою тарелку. Реализуемо это в XXI веке? Наверное, реализуемо, если еще в XIX веке и в армии, и в тюрьме люди имели право пользоваться индивидуальной посудой. Почему же сейчас нельзя? А, оказывается, потому, что требовать свою посуду – это значит, по мнению чиновников ФСИН, идти на поводу у воровских традиций. Ну и самая скорбная ситуация – это курение в ПКТ. Мы знаем о том, что в колониях строгого режима лица, переведенные в строгие условия содержания, содержатся в помещениях камерного типа. И так как в ПВР сказано, что в ПКТ курить запрещено, – им и запрещают. Но в Правилах при этом под ПКТ понимается не вид содержания, а вид наказания, а строгие условия – это вид содержания, и люди там содержатся и полгода, и год, и два. А курить – шиш... Причем

радует запись: «в целях противопожарной безопасности». То есть в камерах тюрьмы можно курить, там нет угрозы пожара, в жилых зонах колоний можно курить, а в ПКТ такая вот особая возгораемость. Курящим людям это доставляет страдание, они нарушают правила всеми способами и беспросветно попадают в круг наказаний...

Ведомство пытается ввести правовое регулирование тех сфер, которые правовому регулированию не подлежат. Курение – это плохо, есть методы воздействия: медицинские, моральные, логические, воспитательные... Вот только административными они быть не могут. И администрация искусственными запретами плодит нарушителей...

Мы разработали рекомендации по Правилам распорядка исправительных колоний. Около ста рекомендаций относительно того, что должно быть отменено. Пока ничего не происходит. После посещения колоний в мае мы будем ставить вопрос перед директором ФСИН Калининским о том, чтобы менять эти Правила.

Вообще, я думаю, было бы разумно введение некоего дисциплинарного устава колоний. Это было в царские времена, был регламент наложения наказаний в арестантских ротах, в тюрьмах. А сегодня здесь законы плавают. Например, после двух взысканий человек может быть признан злостным нарушителем. За что? Один раз назвал соотрядника кличкой, другой раз употребил жаргонное слово «подельник». Пожелание Уголовного кодекса о том, чтобы наказание было индивидуализировано и дифференцировано, является не более чем благим пожеланием. Мы давно говорим о том, что необходимо выделить категории нарушений и наказаний. Нельзя человека сажать в ШИЗО за то, что он вынес хлеб из столовой или бирка у него оторвалась...

Я думаю, что бурное внесение изменений в ведомственные акты по тюремной и милицейской системе начнется после введения общественного контроля.

Общественный контроль будет давать много пищи для размышлений... Но относятся к нему очень по-разному. Активно негативное отношение к общественному контролю у прокуратуры, которая считает себя сверхкорпорацией, обладающей исключительными правами по контролю над обществом, а общество контролировать прокуратуру не вправе. На любую критику, на любое замечание в прокуратуре реагируют не то что болезненно, а враждебно...

межрегиональная общественная благотворительная правозащитная
организация

КОМИТЕТ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

Справка по проверке соблюдения прав человека в учреждении ОЮ 241/16 пос. Мурмаши Мурманской области

В апреле 2007 года при участии председателя Комитета за гражданские права было инспектировано исправительное учреждение в Мурманской области. По результатам проверки председателем комитета Андреем Бабушкиным составлена справка по проверке соблюдения прав человека в посещенном комиссией учреждении ОЮ 241/16. В ней изложены как положительные стороны работы должностных лиц в этом учреждении, так и нарушения прав осужденных, рекомендации по исправлению ситуации, улучшению условий содержания осужденных. Результаты проверки направлены в УФСИН России по Мурманской области, во ФСИН России, в Комиссию по вопросам помилования Мурманской области, членам Совета по проблемам гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

Общая характеристика колонии

Колония как отдельное учреждение существует с 1961 года. При лимите 1250 человек в ней отбывают наказание 780 осужденных, находящихся на особом режиме. В ЕПКТ содержится 8 человек, в ПФРСИ – 105 человек, в ШИЗО – 1 человек, в безопасном месте – 1 человек. В туберкулезном отделении находится 38 человек, в медицинском стационаре – 38 человек. ВИЧ-инфицированных насчитывается 45 человек. До 2003 года в колонии отбывали наказание 2300 осужденных. 592 осужденных находятся в общих и облегченных условиях отбытия наказания. В зависимости от наличия заказов работают от 300 до 500 человек.

В день за комнаты длительных свиданий цена составляет 200 руб., а за комнату-люкс – 410 руб. Комнат длительных свиданий – 8. Телефонных аппаратов для звонков родственникам – 3.

В школе обучается 7 человек. 10-го и 11-го классов нет, однако планируется их открытие в 2007 году.

ПТУ является филиалом ПТУ ИК-18. Обучение производится по специальности котельщик, с осени в нем будут готовить также столяров.

Пенсионеров по возрасту 40 человек, инвалидов – 43 человека.

Средний возраст осужденных – 36 лет.

Паспортов не имеют 40 человек.

До 2003 года по УДО освобождалось около 97% осужденных. В 2006 году по УДО освобождено 80 человек. В 1-м квартале 2007 года освобождено только 4 человека, на рассмотрении в Кольском суде находится еще 31 материал. Если такая тенденция сохранится, то в 2007 году условно-досрочно будут освобождены лишь 16 человек, или в 5 раз меньше, чем год назад.

В качестве интересных и важных положительных моментов в деятельности колонии следует отметить:

1) Наличие в ИК-16 уникальной психологической лаборатории, использующей эффективные методики психокоррекции, где работают 3 психолога во главе с к.п.н. Владимиром Михайловичем Трушем (тема диссертации: «Интенсивные интегративные психотехнологии в коррекционной работе с личностью осужденных»);

2) Проведение надзирающим прокурором регулярных вечеров вопросов и ответов для осужденных;

3) Работу театра, режиссером и сценаристом которого является осужденный;

4) Создание на основе обнаруженных документов и материалов 30–40-летней давности музея колонии;

5) Работу библиотеки, которой пользуются 300 человек;

6) Организацию личного приема, на котором побывало с 24.01.07 313 человек;

7) Реализация права на свободу вероисповедания представителей таких конфессий, как католики, свидетели Иеговы, христиане веры евангельской.

Основные рекомендации по соблюдению прав человека таковы:

1) Создать в колонии участок строго режима для разгрузки ИК-18;

2) Не указывать в качестве оснований для получения дополнительного питания отнесение осужденных к категории «ВИЧ-инфицированный»;

3) Вывесить в столовой и во всех помещениях, где осужденные находятся во время сна, отдыха, работы, учебы, приема пищи, проведения спортивных мероприятий, термометры;

4) Увеличить в столовой количество кранов для мытья рук перед едой с 3 до 7–10.

5) Регулярно обновлять книжный фонд библиотеки (самая свежая художественная книга, обнаруженная в библиотеке при посещении, издана в 1998 году);

6) Оборудовать камеры ПФРСИ перегородкой, изолирующей унитаз;

7) Добиться от надзирающего прокурора подтверждения того, что начальник колонии вправе заверить подписи лиц при вступлении в брак, применив в данном случае аналогию гражданского права.

8) Оборудовать камеры ШИЗО-ЕПКТ принудительной вентиляцией;

9) Ввести психолога отдела охраны в штат психологической лаборатории, увеличить штат психологической лаборатории за счет перераспределения кадровых ресурсов из других служб. Поставить вопрос о том, что психологом может работать аттестованный сотрудник УИС.

10) Переориентировать стоматолога на пломбирование и зубопротезирование, оказать стоматологическую помощь осужденному Костенкову С.И. (из 63 осужденных, получивших стоматологическую помощь в марте 2007 года, только пятерым было сделано пломбирование зубов).

Выявленные нарушения со стороны других органов и учреждений:

1) Выявлено нарушение права на государственную защиту семьи Исмаилова Артура Басыровича, 1975 г. р., со стороны БСУ ФСИН России. Исмаилов проживает по адресу: Дагестан, с. Сергкола, ул. Магомедгаджиева, д. 22. Осужден по ст. ст. 126 и 162 УК РФ к 12 годам лишения свободы. Отец Басыра – пенсионер, ветеран труда. Мать 1941 г. р. является инвалидом 2-й группы. Исмаилов на момент совершения преступления обучался в Университете землеустройства г. Москвы. Имеет четырех братьев и гражданскую жену. Страдает заболеванием суставов ног, диагноз выставить не могут. Несмотря на указанные обстоятельства, Исмаилов отбывает наказание за 3 тыс. километров от дома.

2) Выявлено нарушение на социальную защиту Костенкова Сергея Ивановича со стороны Кольской районной МСЭК, который, несмотря на нейросенсорную тугоухость, в связи с чем он ничего не слышит, не признается инвалидом.

Рекомендуется:

1) Провести под эгидой координационного совещания правоохранительных органов Мурманской области рабочее совещание с участием руководства Главного бюро МСЭК по вопросу устранения нарушения прав инвалидов, допускаемых с их стороны.

Председатель А.В. Бабушкин

Александр Константинов

«Рука помощи» от Николая и Татьяны Щур

...В 1994 году Николай Щур опубликовал данные своих исследований о загрязнении окружающей среды. Шум поднялся необычайный. Возбудили дело, нашли «свидетелей». То, что дело шито белыми нитками, было ясно всем. Следователь откровенно сказал: «Извините, Николай, но поставлена задача вас уволить. Лучше это сделать безболезненно». И стал предлагать варианты: явка с повинной, увольнение, предоставление новой работы с окладом в два раза больше и т. д. Когда «органы» поняли, что купить Николая не удастся, начали «рыть». 6 декабря 1994 года Николай был арестован по обвинению в злоупотреблении служебным положением, хищении и растрате государственного имущества. Дело вела спецпрокуратура.

В отместку за несогласие Щура «сотрудничать со следствием» и непризнание вины к делу в качестве обвиняемой была привлечена его жена – Татьяна, которая к тому времени возглавляла кампанию по освобождению мужа. 29 мая 1995 года благодаря поддержке ряда депутатов Государственной Думы, единомышленников и собственным усилиям Николай вышел под подписку о невыезде на свободу. Впоследствии дело было передано в суд закрытого города, и Николаю из семнадцати эпизодов обвинения, предъявленных следствием, вменили два: хищение 100 рублей государственных средств лично и 496 рублей на пару с женой. За все это его приговорили к двум с половиной годам лишения свободы условно, а Татьяну – к двум годам условно. Супруги с обвинением не согласились и оспорили его в областном суде, который уголовное дело прекратил по амнистии.

В 1998 году Николай создал правозащитную организацию – Челябинский областной общественный фонд «Рука помощи», целью которого является защита прав людей, пострадавших от государства, в том числе и за свои убеждения, просветительская деятельность, защита

прав человека в пенитенциарной системе. А до этого им и его супругой были созданы еще две неправительственные организации, занимающиеся экологией и защитой прав человека в закрытом городе.

С 1995 года Николай, его супруга и их единомышленники, которых со временем набралось немало, выполнили более семьдесят программ, профинансированных различными фондами. Их работа получила высочайшую оценку не только со стороны грантодателей, но и со стороны тех, в чью пользу эти проекты выполнялись: заключенных, сотрудников пенитенциарных учреждений, сирот, жителей загрязненных районов области и... да всех и не перечислишь!

Целый ряд программ, направленных на дальнейшую гуманизацию учреждений уголовно-исполнительной системы области, прошли просто на ура. Были радиофицированы все СИЗО и часть колоний Челябинской области, а также женский следственный изолятор в Екатеринбургe и женская колония в Нижнем Тагиле; в течение восьми лет выполняется проект «Правовая неотложка», предусматривающий расширение возможностей заключенных, их родственников и персонала УИС в защите своих прав и оказание юридической помощи как заключенным, так и сотрудникам. Поначалу, конечно, отношения с администрацией складывались непросто, но затем все наладилось. Особенно часто приезжают Николай и Татьяна в Челябинскую воспитательную колонию. Организация встреч осужденных подростков и персонала с интересными людьми, юридические консультации для ребят и сотрудников, помощь подросткам в трудоустройстве после освобождения – вот неполный перечень того, что они осуществляют в тесном сотрудничестве с руководством ЧВК.

В рамках программы «Еще не вечер» заключенные – и взрослые, и несовершеннолетние – учились журналистике. Причем с ними занимались профессиональные журналисты и юристы, то есть учеба была проведена на высшем уровне. Вот отзыв одного из заключенных: «Проект “Руки помощи” – это здорово. Развитие всестороннее, много нового, ранее не известного. Действительно помощь во всех отношениях: и юридические вопросы, и фотография, и газеты да и много другого. Пожелание: почаще и побольше разносторонней литературы».

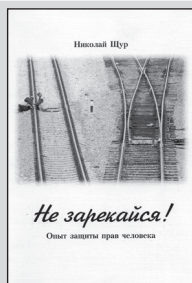
Кстати сказать, юристы фонда «Рука помощи» посещали не только учреждения УИС Челябинской области. Своими программами они охватили и соседнюю Свердловскую область.

Вот только три примера реальной помощи, полученной заключенными от фонда, руководимого Николаем и Татьяной. Осужденный Дмитрий Н. был освобожден прямо в зале суда. Он был ошибочно осужден

Снежинским судом и приговорен к шести годам лишения свободы и уже отправлен по месту отбывания наказания. Его родственники обратились в фонд, и юрист фонда, адвокат А.Н. Сыров, добился пересмотра дела. Также А.Н. Сыров защищал осужденного Т., и в результате срок его пребывания в колонии сократился на четыре года. А сирота Сережа К. после выхода из воспитательной колонии при помощи Николая Щура получил работу и жилье. К нему присоединился и его брат, тоже отсидевший срок. Сейчас за судьбой братьев следят правозащитники и журналисты.

Не забывают, как сказано выше, Николай и Татьяна и о сотрудниках пенитенциарных учреждений. Так, их стараниями был оборудован класс правового просвещения в Учебном центре ГУФСИН.

Николай и Татьяна собираются и дальше вести свою работу. По их мнению, открытость пенитенциарной системы за последние годы несколько повысилась, о чем можно судить по тому, что им практически не чинят препятствий в посещениях колоний и контактах с осужденными и персоналом всех рангов. К тому же Щуры уже накопили опыт взаимодействия с администрацией. Конечно, пенитенциарная система бывает инертна и жестока. Но ведь волков бояться – в лес не ходить...

Щур Николай Алексеевич
«Не зарекайся!»
Опыт защиты прав человека.
Челябинск, 2006. 205 с.

Цивилизованная защита своих прав

К читателю

<...> Мы выпустили несколько пособий, и нам известен не один пример, когда они реально помогли реальным людям, попавшим в беду.

Именно по этой причине – проверенной полезности наших советов – и выпущена книжка, которую вы сейчас держите в руках. Лучше всего конечно же, чтобы она вам никогда не пригодилась. Но лишней вам она в любом случае не будет. <...>

Что делать?

Прежде всего вы должны понять, что то или иное действие власти против вас (чиновник не дает нужной справки, военкомат присылает повестку, милиция задерживает на улице...) обязательно продиктовано каким-то документом: законом, инструкцией министерства, методикой работы и т. д. – их море, этих самых документов, которыми руководствуются милиционеры, санитарные врачи или работники ЖЭКов. Поэтому перво-наперво вы должны выяснить, каким именно документом руководствуется то или иное должностное лицо – или милиционер, или чиновник, который предъявляет вам претензии или отказывает вам в вашей просьбе, если вы к нему с ней обратились. Спросите у них: а на основании какого документа они действуют? И они должны вам ответить. Имейте в виду, что все они руководствуются совершенно открытыми, опубликованными нормативными актами. Если кто-то из них говорит, что поступает на основании какой-то секретной инструкции, – просто врет.

Не поленитесь найти этот документ и внимательно его изучить. Может статься, что требования к вам предъявляют совершенно законные, а вы просто не в курсе, что такой закон есть. <...>

Где взять искомый документ?

В разных местах. Если ссылаются на закон, то пойдите в ближайший книжный магазин и спросите там этот закон. Можно пойти в любую библиотеку и спросить там не только закон, но и любой другой нормативный акт (постановление, решение, письмо...), на который сослался представитель государства при возникшем с вами споре. Сейчас в каждой библиотеке есть компьютер со справочными правовыми системами («Гарант», «Консультант Плюс» и др.), и вам этот документ найдут. Возможно, за эту работу вам придется заплатить – платите. Бесплатно эту услугу вы можете получить в общественной правозащитной организации, например, у нас.

Найдите этот документ и очень тщательно его изучите. Возможно, в нем будут ссылки еще на несколько документов – не поленитесь: найдите и изучите их все. После этого у вас в голове многое прояснится, и вы уже точно будете знать, правомерны ли действия власти против вас. Приступая к изучению бумаг, не пугайтесь, что у вас нет специального юридического образования: во-первых, в этой ситуации оно просто не нужно, а во-вторых, чиновник-то (даже милиционер) его, как правило, тоже не имеет – и ничего, живет-работает.

Изучили вы все бумаги, поняли: не права власть (в том числе, может быть, и потому, что применила к вам совершенно не относящиеся к делу нормы – теперь-то, после ознакомления с нормативной базой, вы уже точно знаете, что надо было применять и как). Что дальше?

Что дальше?

А дальше перед вами выбор, по какому пути пойти. Потому что этих путей несколько. Но, прежде чем определиться с путем борьбы с властью, определитесь с самим собой: а вы-то чего хотите?

Хотите добиться справедливости? Хотите заставить государство отдать вам полагающееся по закону или, напротив, не отдавать ему лишнее? Хотите наказать чиновника за наглость (ретивость, вредность, презрение к вам...)? Или хотите, чтобы от вас отстали?

От ответа на эти вопросы принципиально зависят все ваши последующие действия и вероятность вашего успеха в отстаивании своих прав.

Если вы хотите, чтобы от вас отстали и не сильно докучали в дальнейшем, проще всего откупиться, то есть дать взятку. Это, безусловно, преступление, но на него идут 99% предпринимателей, справедливо полагая, что, когда они дают взятку милиционеру, прокурору, следователю, санврачу, пожарному, чиновнику администрации или налоговому инспектору, никто их к ответственности не привлечет, а все за-

кончится тем, что им будет установлена такса, ежемесячно они ее будут платить и за это им позволят дальше торговать или заниматься иным бизнесом.

Эта книжка не для таких людей.

Она и не для тех, кому главное – побузить, когда его обидели, пороть про «беспредел», «коррупцию» и т. п.

Эти заметки для тех, кто решил бороться за свое достоинство, свои права.

Итак, вы ответили себе: да, борюсь.

Ответьте тогда еще на один вопрос: а готовы ли вы к этой борьбе? Достанет ли у вас решимости пойти до конца, ибо путь впереди – долгий и трудный? Говорите «да»? Тогда пошли дальше.

Еще дальше

Вы хорошо изучили нормативную базу по возникшей ситуации. Нашли и проштудировали законы, инструкции, приказы, относящиеся к вашему вопросу. Изучили все бумаги лично, до такой степени, когда вам самому все стало понятно: кто и как, на основании чего должен тут действовать, какие должны быть последствия этих действий. Если вам что-то не ясно, посоветуйтесь со специалистами (не забывайте при этом, что специалистов вы можете найти либо в общественных организациях, либо на многочисленных сайтах в Интернете).

После того как вы почувствуете себя подготовленным, садитесь и пишите жалобу на неправомерные действия против вас. Времени на все это у вас – 3 месяца. Так определено законом: ***в течение 3-х месяцев с того момента, как вам стало известно о нарушении ваших прав государством, вы можете обжаловать то или иное решение государственного органа¹.***

Куда писать?

Писать вы можете в разные места: в прокуратуру, в суд, по инстанции (сейчас объясним, что это такое).

Куда, на наш взгляд, писать стоит?

Уж точно, что не в прокуратуру – по причине не столько бесполезности, сколько потенциального вреда себе самому. История государства российского (особенно наиновейшая история) сотни и тысячи раз показала всем, что прокуратура России принципиально не является тем органом, который защищает человека, гражданина, напротив, она

¹ Ст. 256 Гражданско-процессуального кодекса РФ.

защищает государство, а чаще – того начальника (губернатора, мэра, милиционера), который отождествляет себя с государством, от этого самого человека.

Потому, подключая прокуратуру, вы дарите своему противнику помощника, который будет делать все, чтобы вы же и оказались виноватым. Потому наш вам совет – забудьте про прокуратуру, не апеллируйте к ней.

Вы можете жаловаться сразу в суд, но это правильно только в случае вашего уголовного преследования, а если же спор гражданский (пенсию не так насчитывают, за жилье лишнее берут и т. д.), то жаловаться сразу в суд тоже не советуем, потому что на суде тут же возникнут вопросы по поводу разрешения ситуации силами вышестоящей инстанции и процесс затянется надолго. (Судья сразу спросит: а обращались выше? Нет? А почему? Может быть, там все бы и решилось? И вам нечего будет возразить). Потому лучше до суда это все пройти, т. е. первую жалобу направить *по инстанции*.

По инстанции

Что такое «инстанция»? Это по-простому – вышестоящий начальник чиновника, с которым у вас вышел спор. Скажем, Пенсионный фонд вашего района неправильно насчитывает вам пенсию. Вы разобрались, что неправильно, но в районном отделении ПФ вас слушать не хотят. Вот и пожалуйте на них в областное управление. Вполне вероятно, что вопрос ваш решится уже на этой стадии. Если же нет, дальше по инстанции (в Москву) можно не писать: вероятность того, что в Москве в министерстве кто-то будет вникать в ваш вопрос и, более того, изначально захочет принять во внимание ваши доводы, а не возражения своих подчиненных, считайте, меньше нуля. Что делают в Москве? Пересылают вашу жалобу к вам в область. А там уже готов ответ, который вам давали. Этот ответ область пересылает в Москву. Те его аккуратно перепечатают и отправляют вам – уже за своей подписью. Пользы вам – никакой. Только время потеряли. (Так, например, как показывает наш опыт, практически всегда поступает Генпрокуратура.) Потому по инстанциям долго не ходите: получили ответ из области – и в суд.

В суд

Вот, собственно говоря, вы и пришли туда, куда и надо идти: именно судебное решение вам и нужно, чтобы решить свой вопрос. Ведь именно этого вы хотите – решить свой вопрос, раз и навсегда, чтобы больше к нему не возвращаться. Потому вам и нужно решение суда.

Как только оно вступит в законную силу, правда будет на вашей стороне, чиновники будут обязаны его выполнять.

В какой суд вам надо обращаться? В ваш районный. Если вы, скажем, живете в Ленинском районе г. Челябинска, то вам надо обращаться в Ленинский районный суд г. Челябинска.

Что нужно знать, прежде чем составлять жалобу в суд? Хорошо бы знать Гражданский кодекс (ГК) и Гражданско-процессуальный кодекс (ГПК). Первый описывает различные ситуации и отношения между людьми (например, что такое договор, каким он бывает, какова ответственность договаривающихся сторон и очень многое другое), а второй рассказывает, как и в каком порядке можно разрешать свои споры в суде.

Так просто прочитать и понять эти кодексы невозможно: и объемы у них большие, и полно всяких слов незнакомых. Но это, как ни странно, принципиально не важно: их надо просто прочитать – и даже не всё, а те места, которые касаются вашего вопроса.

Важно другое, что вы должны знать и понимать очень отчетливо: ваши претензии, которые вы изложите в жалобе, должны быть основаны на законе – единственно на нем. Именно нарушение положений закона по отношению к вам и будет изучать суд.

К примеру, происходят выборы депутатов местного совета. В вашем избирательном округе 1000 избирателей, и от этого округа избирается один депутат. А в соседнем избирательном округе 500 избирателей. И тоже избирается один депутат. Как так? Несправедливо же: у вас депутат один от тысячи, а у них – один от пятисот. У вас же два депутата должно быть. Вы – в суд: несправедливо! Явно же – нечестно! А судья вам вопрос: а какое здесь нарушение? Какого закона? А вы и не знаете. Вы думали, что это судья должен сам найти закон, который расписывает, как выборы производить, рассмотреть ситуацию и принять решение. Вы считаете: раз он судья, то он «все законы знает». А вам достаточно только заявить о несправедливости. Нет, суд судит по закону, а не по справедливости. И как раз это ваша обязанность – найти закон, увидеть в нем нужный вам пункт (в нашем примере это установленная законом норма, на какой процент от числа избирателей могут отличаться избирательные округа, скажем, не более чем на 20%), сравнить с этим пунктом действительность (500 и 1000 разница в 100%) и изложить это в жалобе в суд. В нашем примере жалоба будет приблизительно такая:

«Я, ..., гражданин РФ, имею право на честные и свободные выборы, закрепленное за мной ст. 3 Конституции РФ и ст. 21 Всеобщей декларации прав человека. Это право нарушено Избирательной комиссией города, которая определила границы избирательных округу-

гов так, что в одном округе 1000 избирателей, а в другом 500. Разница в количестве избирателей составила 100%, в то время как Закон "Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации" допускает предельное расхождение в 20%. Таким образом, Избирательная комиссия нарушила мое конституционное право на осуществление власти через органы местного самоуправления... Прошу суд результаты выборов по этим округам аннулировать». Название закона нужно приводить полностью и правильно. Также нужно иметь с собой на суде текст закона. (В данном примере закон и его положения – учебная иллюстрация и не более того.)

И суд беспрепятственно возьмется рассматривать вашу жалобу.

Вы должны уяснить, что именно ваша обязанность назвать суду, какой пункт какого именно закона нарушен, во-первых, и, во-вторых, какое именно ваше право это нарушение затрагивает и где это право за вами закреплено – опять же в каком законе. <...>

Как обращаться в суд

Прежде всего – не надо ни бояться, ни стесняться обращаться в суд. Вы должны понять и принять, что суд, как и любой другой государственный институт, – это всего лишь инструмент, придуманный обществом для решения проблем людей, помогающий им эти проблемы решить окончательно, когда никакие другие меры не помогают.

Суд – для вас. И милиция – для вас. И президенты-губернаторы – для вас. Все – для вас, а не наоборот. То, что они ведут себя высокомерно, спесиво, по-господски, так, что вы себя перед ними чувствуете дворней, – это беда ваша: вы в душе заранее себя унизили, собираясь на встречу с ними, вот поэтому они себя так по-барски и ведут. Как только вы осознаете, что это вы их кормите, а не наоборот, что это вы их создали для удобства своей жизни, что они – ваш инструмент, вот тогда вам проще будет с ними общаться.

Сказанного выше вполне достаточно, чтобы составить толковую жалобу. Какова форма этой жалобы (что писать в верхнем углу, а что в других местах), вы узнаете, придя в здание суда.

Там на стене в коридоре или холле обязательно висят образцы жалоб, заявлений и т. п. Посмотрите, что вам подходит, и оформляйте так, как там показано. На любой из форм, что там висят, вы найдете обязательные для вас моменты.

Во-первых, в своей жалобе (заявлении) вы обязательно должны указать к кому вы обращаетесь, то есть название того самого суда, куда вы подадите свою жалобу.

Во-вторых, вы должны будете указать свое имя, отчество, фамилию, адрес.

В-третьих, вы должны будете указать точное название и адрес того органа, на который вы жалуетесь. (Да, это ваша обязанность – узнать и указать в жалобе все эти адреса.)

В-четвертых, вы должны будете объяснить суть своей жалобы (то есть написать, чего вы, собственно, хотите – как раз то, о чем речь шла выше: тот-то чиновник или орган вот то-то сделали, а это нарушает мое право, данное Конституцией, и т. д.).

В-пятых, обязательно подпишите жалобу и поставьте дату.

И последнее: заплатите госпошлину в любой сберкассе и квитанцию об уплате пошлины приложите к жалобе.

Количество экземпляров должно быть таким: суду – 1 экземпляр, ответчикам (если их не один) – каждому по экземпляру, себе – 1 экземпляр. Себе экземпляр оставить обязательно.

Все – можете подавать.

Как это практически сделать? Двумя способами: или прийти к судье на прием (у каждого судьи есть время и дни, когда он принимает граждан) и на приеме ему жалобу вручить. При этом вы должны понимать, что на приеме судья только принимает жалобу – и все. То, что он принял у вас жалобу, не означает, что он и будет судить. Нет, это решает председатель суда. Он рассматривает все жалобы, поступившие в суд, и поручает тому или иному судье рассмотреть ту или иную жалобу.

Есть второй путь: прийти на почту и отправить жалобу в адрес суда заказным письмом с уведомлением о вручении. Что лучше? Да все равно. Потому что кончится это одинаково: вам принесут из суда повестку, в которой будет указано время и место слушания вашей жалобы. Либо по почте вернут жалобу с определением суда, в котором будет указано, почему вашу жалобу не приняли к рассмотрению.

Причины могут быть всякие, но чаще всего возвращают по формальному признаку: или вы забыли пошлину уплатить (или уплатили, да квитанцию к жалобе забыли приложить), или вы послали жалобу в одном экземпляре, или не указали адрес ответчика, чьи действия обжалуете. Пугаться возврата жалобы не надо – исправьте свои огрехи и отправляйте вновь. (Однако, чтобы не затягивать дело, будьте внимательны сразу.) После этого начинайте готовиться к суду.

Суд

Будьте готовы к тому, что суд состоится нескоро. Ну да, закон определяет сроки судебных разбирательств, но практически всегда эти

сроки самим же судом и не соблюдаются. Это нарушение закона? Конечно. <...> Но жизнь такая, какая есть: вы – выбираете воров, судья – нарушает закон. И так каждый день. Кто-то из вас должен в конце концов остановиться, чтобы это безобразие прекратить, но пока не останавливается, потому и есть, как есть. Так что смиренно ждите, когда судья назначит слушания.

И сначала он назначит слушания предварительные. То есть пригласит к себе вас и ваших ответчиков, чтобы послушать обоих и определиться: не надо ли кого позвать свидетелем по этому делу, не запросить ли какие документы по нему, нельзя ли решить дело без суда (вдруг вы мирно разойдетесь – и так ведь бывает). Вот когда он это все послушает и поймет, что к чему, он назначит дату собственно суда. Есть, правда, судьи, которые предварительного слушания не устраивают – сразу назначают дату суда. Опять закон нарушают? Ну да. Надо на них жаловаться? Надо. Жалуйтесь. В Коллегию судей. Толку от этой жалобы – никакого: такое состояние дел в российском судопроизводстве, увы. <...>

Так вот, суд.

Вы приходите на него подготовленными: у вас с собой ваша жалоба, тексты всех законов, которыми вы руководствовались, составляя эту жалобу, решение чиновников, которое вы оспариваете, ответ вышестоящей инстанции... Все это у вас еще и в двух экземплярах – чтобы можно было отдать один судье (у него-то ведь нет). И еще у вас с собой есть ручка (в которой паста не кончилась), много чистых листов бумаги. И сотовый телефон вы отключили, подходя к зданию суда. И с собой вы взяли человека знающего, который вам поможет на суде (если есть такой).

Зашли в суд и пошли в канцелярию – доложить секретарю этого судьи, что вы явились. Секретарь как раз этим и занимается: ждет – явятся или не явятся участники судебного заседания, чтобы доложить об этом судье.

Судья, узнав, что все явились, приходит в зал заседаний, и начинается процесс.

Как происходит суд, подробно расписано в ГПК – Гражданско-процессуальном кодексе. То есть судебное заседание происходит не так, как вздумается судье, а в соответствии с законом, и закон этот – ГПК. Мы вам еще раз советуем почитать ГПК внимательно. И не один раз. Опять же скажем: не нужно вам иметь специального юридического образования, чтобы идти в суд: законы пишутся не для юристов, а для простых граждан. И если суд – это ваш инструмент для защиты ваших прав, то ГПК – это инструкция по эксплуатации этого инструмента. И для того, чтобы пользоваться инструментом тем или иным, вовсе не

обязательно знать его досконально: достаточно прочитать инструкцию к нему. <...>

Так вот, судья будет руководствоваться как раз ГПК, устанавливая порядок судебного процесса. Всегда ли он его будет соблюдать? Вовсе нет – в России ведь живем. Это, конечно, плохо, но такова реальность: больше всего законом в нашей стране пренебрегают как раз те, кто призван этот закон охранять и блюсти: милиционеры, прокуроры, судьи, президенты... Как вам к этому относиться? Спокойно. Насколько вам позволяют ваши знания – отслеживать нарушения судьей процессуальных процедур. Это нужно вам для того, чтобы в случае принятия судьей решения не в вашу пользу, иметь доводы для обжалования этого решения в суде вышестоящей инстанции. Ваши противники (представители власти, чьи действия вы оспариваете) – люди в этих делах искушенные, понаторевшие, потому они-то уж точно отследят судейские огрехи и все с той же целью: иметь довод оспорить решение, если оно будет в вашу пользу. Если вы перед судом ГПК проштудировали, сами понимаете, что вам будет много уютнее в зале суда.

Но в любом случае ничего в суде бояться не надо. И никого. <...>
Каковы ваши действия на суде? Что вы должны делать?

Вы должны будете доказать суду обоснованность своих претензий к властям. Помните: это *ваша* обязанность – доказывать все, что вы утверждаете, абсолютно все. Вы утверждаете, что у вас не было горячей воды три дня, а ЖЭК тем не менее с вас плату взял за все дни месяца? Докажите это: покажите акт того же ЖЭКа о том, что воды не было (а для этого до суда вы должны данный акт найти), покажите квитанцию об уплате за горячую воду за весь месяц... Словом, доказывайте. Все то, что вы будете говорить бездоказательно, суд во внимание не примет. Вы говорите о том, что к вашей семье применялась высылка в 1948 году: будьте добры заверенную архивную справку об этом. Или копию (опять же заверенную) выписки из паспортного стола того места, куда выселили, и копию из того места, откуда выселили. Восклицания вроде: «Да об этом же все знают!» – судом не принимаются. <...>

Потому готовьте доказательства: справки, письма, публикации, законы, акты и т. д., т. д., т. д. Чем больше, тем лучше. Найдите свидетелей. Заявите суду ходатайство о допросе этих свидетелей. Допросите свидетелей, которых приведут ваши противники. Ознакомьтесь с документами, которые они представят. Одним словом, ведите себя активно, не ждите, что кто-то (прокурор, судья, свидетель, ваш представитель) сделает за вас эту работу и докажет суду вашу правоту – это задача ваша. И к ней вы должны быть готовы.

Если вы хорошо изучили законы, постановления, решения по своему вопросу, если вы сами видите, что чиновники не правы, шансы на успех у вас очень высокие.

Да, телефонное право никто не отменял.

Да, судьи очень сильно зависят от местной власти и боятся ее.

Да, судьи не привыкли принимать решения в пользу граждан.

Да, квалификация и моральные качества многих судей, мягко говоря оставляют желать лучшего.

Но...

Но постарайтесь эти негативные моменты повернуть себе на пользу.

Если судья боится принять решение против местного начальника, который дает ему бесплатное жилье, то еще больше он боится потерять свое судейское место, ибо все же оно, а не глава местной администрации его кормит. <...>

Главное в поведении – достоинство и спокойная правота. Это ведь правило не только для суда, но и вообще для жизни. Но, как и в жизни, люди почему-то об этом забывают и ведут себя порой просто безобразно: скандалят, кричат, обзывают оппонентов. Создается впечатление, что люди пришли в суд не для того, чтобы решить свои проблемы, а чтобы себя показать. И показывают. Далеко не с лучшей стороны.

Ну и что хорошего, если вы перед судьей будете скандалить с ответчиком? Какое у судьи родите к себе отношение? Единственное, что ему захочется, так это поскорее закончить вашу свару, приняв любое решение, обставленное формальными признаками закона, и отвязаться от вас всех.

А когда вы спокойно (пусть у вас в душе все кипит), методично сравниваете действия властей с пунктами закона, когда каждое свое утверждение подкрепляете документом, а то и не одним – отношение у судьи к вам уважительное, пусть он в душе даже будет против вас. Но он вынужден будет с вашими доводами считаться, потому что деваться ему некуда. А вы ведь пришли все же по делу и за нужным вам результатом, так что волю в кулак – и не поддаваться на провокации и оскорбления кого бы то ни было в суде. <...>

И еще. Идите в суд с полной уверенностью в своей правоте. Идите за победой, а не за поражением.

Гарантирует ли это обязательный успех? Нет. Но шансы на него увеличивает многократно. Потому что закладывает большие возможности для борьбы не на поле противника (в местном суде), а на более или менее нейтральном поле – в суде кассационной инстанции.

Кассация

Суд в России многоступенчатый. Это не значит, что вам необходимо судиться в разных судах по одному делу, а предполагает вашу возможность оспорить решение, вынесенное первоначальным судом (судом первой инстанции).

Вот вы пришли в суд с жалобой на кого-то. Суд вашу жалобу рассмотрел и отказал вам в ее удовлетворении. Это, однако, не значит, что возможность доказать свою правоту у вас исчерпана. И даже не означает, что решение суда сразу начнет выполняться. Нет, потому что существует в законе такое понятие: вступление решения суда в законную силу. Что это такое?

Это означает одно: вам обоим (то есть вам – тому, кто жаловался, и тому, на кого вы жаловались) дается срок подумать, согласиться с решением суда или нет. И срок этот 10 дней с момента оглашения решения. Если и вы, и ваш противник согласитесь с решением суда (не обжалуете его), то через 10 дней оно вступит в законную силу и начнет выполняться. Если же любой из вас с ним не согласен и хочет отстаивать свою правоту дальше, то у него есть право в эти 10 дней подать в этот же суд этому же судье жалобу на вынесенное им решение. При этом жалобу надо писать на имя суда вышестоящей инстанции, но подавать ее тому судье, который судил. Это не значит, что он и будет ее рассматривать – нет, конечно: он просто соберет все жалобы (ведь не только вы, но и ваш ответчик тоже может не согласиться с решением суда и тоже может подать жалобу), ознакомит вас с жалобой оппонента вашего (и наоборот), получит от вас письменные комментарии к жалобе ответчика и его комментарии на вашу жалобу, проверит, оплатили ли вы госпошлину за подачу жалобы (и тут она есть); это все соберет и вместе с делом отправит в вышестоящий суд, который и будет эти жалобы рассматривать. Если первоначально судил вас мировой судья, то никуда далеко все отправлять не будет, а оставит в том же суде, потому что вышестоящей инстанцией для мирового судьи является судья федеральный, то есть судья того же районного суда, но, так сказать, высшей по сравнению с мировым категории. И жалоба ваша в этом случае будет называться не кассационной, а апелляционной. Если же и решение федерального судьи районного суда вас не удовлетворяет, то тогда у вас появляется возможность обжаловать его в кассационном порядке, то есть подать кассационную жалобу. Для подачи ее у вас тоже есть срок – 10 дней. Если вы его упустите без уважительной причины, решение суда вступит в законную силу и начнет выполняться. Потому будьте внимательны.

Как писать кассационную жалобу

Кассационную жалобу писать достаточно просто, если неукоснительно следовать следующим правилам:

– во-первых, в ней не должно быть места ни эмоциям, ни каким бы то ни было выпадам в сторону судьи или ответчиков – вы же не статью в газету пишете и не на митинге выступаете;

– во-вторых, жаловаться вы можете, собственно говоря, всего на две вещи: на то, что было нарушено ваше право на защиту, либо на то, что суд всесторонне не изучил дело, не исследовал (или недостаточно исследовал) те или иные существенные для принятия решения обстоятельства.

Вот и все. Большинство граждан почему-то не понимают этих, казалось бы, простых истин. И пишут кассации на 20 листов, и так и эта матеря в них всех подряд. Какой смысл в этом? Хочется излить душу? Высказать накопившее? На митинг иди, там этому всему самое место. Толк в такой жалобе какой? Никакой – не нулевой даже, а с минусом, потому что такая жалоба работает против вас.

Если же вы кратко, исключительно по существу, изложите свои доводы, по которым вы не согласны с решением суда первой инстанции, подкрепив их убедительными доказательствами, у вас появится шанс отменить неприемлемое для вас судебное решение.

Потому жалоба должна быть краткой, понятной и убедительной. Начинаться она должна заявлением о том, что с решением суда (какого суда, каким решением, по какому делу, от какого числа) вы не согласны; далее должно быть изложено, почему не согласны, и заканчиваться жалоба должна просьбой к суду (чего же вы от него хотите).

А чего вы от него можете хотеть? Ну, отмены предыдущего решения, это понятно, а дальше? Дальше вы можете просить суд либо сразу принять решение в вашу пользу (как вы просили в своей первой жалобе), либо просить отправить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Что лучше? Лучше, конечно, просить суд принять окончательное решение сразу: ну, разве вам хочется снова бодаться с ответчиками в том же суде у того же судьи? (А будет именно так.) Ведь вы же пошли в суд не для того, чтобы там выступать, отвечать на вопросы, вести дискуссии... Нет, вы пошли решить вопрос, защитить свои права. Потому, чем быстрее суд это сделает, тем раньше вы достигнете своей цели. Так что просите кассационный суд сразу принять окончательное решение в вашу пользу.

А окончательным оно считается не потому, что его больше нельзя обжаловать (можно), а потому, что вступает в законную силу, то есть начинает выполняться.

А обжаловать его можно и дальше – в надзорном порядке.

Надзор

Закон предоставляет вам возможность еще многократно обжаловать уже вступившее в законную силу решение суда – вы можете обжаловать его:

- в Президиум областного суда,
- Председателю областного суда,
- в Верховный Суд РФ,
- в Президиум ВС РФ,
- Председателю ВС РФ.

Каковы шансы? Чем выше вы забираетесь, тем меньше и меньше. Казалось бы, должно быть наоборот: чем выше инстанция, тем выше уровень квалификации судьи. Это так. Но разбор вашего дела (и результат этого разбора), чем выше инстанция, тем меньше зависит от квалификации судьи. Там он начинает зависеть не от квалификации, а от его желания исполнять свои обязанности. А вот это желание «с высотой» падает гораздо быстрее, чем поднимается квалификационный уровень, увы.

Что такое суд надзорной инстанции? Это совсем иное разбирательство, нежели при кассационном рассмотрении, не говоря уже о суде первой инстанции.

Написав жалобу в надзорном порядке (на решения судов первой и кассационной инстанций), вы сидите и ждете. Но не повестки для явки в суд, а решения судьи, к которому эта жалоба попадет. Этот судья не будет рассматривать дело по существу, он всего лишь определится, надо его рассматривать или нет вообще (то есть возбуждать надзорное производство или нет). Ему надо решить: есть ли основания сомневаться в правильности ранее принятых решений или нет таких оснований (как кажется единственно ему)? В подавляющем числе случаев судья решает, что оснований возбуждать надзорное производство (то есть подвергать ревизии ранее принятые решения) нет: суды правильно все рассмотрели, правильно применили нормы закона и вынесли обоснованные и законные решения. Поэтому в возбуждении надзорного производства он вам отказывает.

Однако не всегда так. Потому, если вы не согласны с решением первых двух (или трех – если все начиналось с мирового судьи) инстан-

ций, обязательно подавайте жалобу в надзорном порядке. Принципы ее написания такие же, как и кассационной жалобы.

И так – до Председателя Верховного Суда Российской Федерации. Кроме этого, однако, у вас есть еще один путь – уже вне России.

Европейский Суд по правам человека

Во-первых, надо уяснить себе, что этот суд не занимается рассмотрением любых судебных вопросов – это не высший гражданский или уголовный суд, это суд по правам человека. То есть он рассматривает только вопросы, которые связаны с нарушением прав человека и исключительно их.

Во-вторых, этот суд принимает жалобы только после того, как вы использовали все возможные способы судебной защиты нарушенного вашего права у себя в стране. Это требование многих вводит в заблуждение: под «всеми возможными методами судебной защиты» большинство понимает последнюю судебную инстанцию – Председателя Верховного Суда РФ, так как после него жаловаться в России уже некуда. А это принципиально не так: ***Европейский Суд последней судебной инстанцией России считает инстанцию кассационную, то есть тот момент, когда решение (или приговор) суда вступает в законную силу.***

Это обстоятельство (дата оглашения решения суда кассационной инстанции, после чего оно вступает в законную силу) важно чрезвычайно, потому что начиная именно с этой даты идет отсчет ***шести месяцев***, в течение которых вы можете подать жалобу в Европейский Суд по правам человека. Условие жесткое: хоть на час позже – и жалобу уже не возьмут.

Теперь еще один также чрезвычайно важный момент (Европа – это цивилизация, потому тут болтовни нашей российской нет, все моменты важны): на что можно жаловаться? Единственно только на нарушение ваших прав. И не всяких, а только тех, которые записаны в той самой ***Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод***. И в жалобе в Европейский Суд вы должны указать конкретную статью конвенции, где записано то право, нарушение которого государством Россия вы обжалуете.

Впрочем, все это вы увидите в форме жалобы, которую вам надо будет заполнить. Заполнять ее можно на русском языке, так что можно все сделать самостоятельно.

Что еще?

Что еще хорошо бы знать, берясь воевать с государством за свои права?

Наверное, неплохо бы представлять себе, что же вас ждет после того, как вы выиграете суд против ретивой власти. Если вы думаете, что вслед за этим случится немедленное и безусловное выполнение судебного решения, то можете и ошибиться, потому что хоть чаще всего именно так и бывает, но случаются и иные моменты: власть порой не выполняет решения суда, нагло и цинично издеваясь над правосудием.

Но эта ситуация для вас уже проще, так как с вами теперь огромная сила – вступившее в законную силу решение суда в вашу пользу, а власть понимает, что рано или поздно, но выполнить это решение ей придется, – она просто оттягивает момент. Наберитесь терпения. А чтобы терпеть вам было повеселее, пойдите в суд к судье, что судил, и попросите его возбудить исполнительное производство. А потом заставьте судебных приставов наложить штраф на чиновника лично.

А сейчас пришло время вернуться немного назад и поговорить об уголовном судопроизводстве, поскольку в нем есть достаточно важная специфика, а мы до сих пор говорили о делах гражданских.

Уголовное судопроизводство

Уголовные дела привлекают гораздо большее к себе внимание, нежели дела гражданские. И про нарушение прав человека чаще всего говорят именно применительно к уголовному преследованию, а не по поводу тех или иных споров граждан с государством. Оно и понятно: в уголовном деле практически всегда речь идет о наказании человека, причем наказании суровом – к этому обстоятельству и интерес.

Основное отличие уголовного судопроизводства от гражданского состоит в том, что здесь вы не вольны управлять процессом: это в гражданском споре вы сами решаете, связываться – не связываться; идти в суд – не идти, отказаться от своих претензий или бороться дальше. Здесь у вас ничего этого нет. Здесь вашего желания никто не спрашивает. Здесь вы только обороняетесь. И почти всегда – проигрываете. Почему? Ведь что в уголовном деле, что в гражданском противник у вас один и тот же – государство: те же судьи (буквально по фамилиям), те же прокуроры... В гражданском деле вы с ними боретесь успешно, а здесь, с ними же, все время в проигрыше.

И там, и там инструмент один – суд. Инструкции по его использованию, правда, разные – ГПК и УПК (Уголовно-процессуальный кодекс). И еще разница в том, что в гражданском процессе для защиты себя суд

используете вы, а в уголовном деле суд в руках у вашего противника – государства. Но неужели вот это различие так фатально для вас? Может быть, дело в чем-то другом?

Давайте попробуем разобраться.

Вдруг

Уголовное судопроизводство начинается внезапно: «взяли». Взяли (в смысле – задержала милиция), привезли в отделение, избили (еще при задержании начали бить, потом добавили в машине, а в отделении добавили от души). Задавили морально, запугали, дали что-то подписать. Подписал. Потом в ИВС очухался (чаще всего и протрезвел), начал приходить в себя, вспоминать – и ужасаться. Классика. Банальнейшая российская действительность.

Дальше все та же банальность: хныканье перед родственниками, дежурный адвокат, зона. Общение с такими же горемыками по отряду; адресок какой-нибудь общественной организации, благостно-душевное письмо туда: «Помогите побороть правовой беспредел, сам я не справлюсь, потому что юридически неграмотный». И ожидание чуда: сейчас его дело правозащитники возьмут, в Верховном Суде (или у президента) отменят, и его выпустят. Ну, на худой конец, пришлют ему махорки, носки и конверт («чтоб писать во все юридические инстанции»).

Так что дело в том, что «сами мы юридически неграмотные»? И потому судья, «пользуясь моей юридической неграмотностью», упек на 8 лет? «Защитите мои права!»

Хочется спросить: какие?

И еще: а вы сами вообще-то что делали, чтобы себя защитить? Вы сами-то знаете свои права: какие они у вас сейчас? Какие были, когда вас задерживали? Когда били? Когда говорили: «Подпиши вот тут и вот тут»?

Вы когда о правах задумались? Когда в камере проспались? Или когда от тюремной баланды стали изжогой мучиться? А может быть, когда срывали сотовый телефон с пятнадцатилетней девочки? Или когда по пьяни рубили топором такого же пьяного соседа? Когда?

Как вас защищать после этого?

Как защищать человека, когда он сам того не хочет делать, а только ждет, когда за него это сделает другой? И тем не менее...

И тем не менее

И тем не менее исходим мы не из того, что нечего с арестантом возиться, так как он того не достоин: натворил бед – вот пусть и отвечает. Отвечать – надо. И это справедливо – держать ответ. Но это не

повод, чтобы человека бить при аресте, допросе и в камере. Это не повод, чтобы на него навешивать то, к чему он не имеет никакого отношения. (Именно об этом и разговор: как цивилизованно защититься от милицейско-прокурорско-судебного произвола. А не о том, как извернуться от ответственности за содеянное: за содеянное надо отвечать. По закону.)

Как же это делать?

Единственным путем – используя этот самый закон. Плох он или хорош, но он – закон. И ваша задача, самая первая, донести до бьющих (допрашивающих, судящих), что вы этот закон знаете. Смее уверить любого: как только милиционер (мент), прокурор или судья понимают, что вы знаете процедуру задержания, допроса или суда, так сразу отношение к вам с их стороны меняется – они становятся предупредительными с вами. Потому что начинают вас побаиваться: нажалуется. И кто его знает, как эта жалоба повернется: а вдруг боком выйдет?

Но чтобы они поняли и убоялись вас, нужен всего лишь «пустячок» – ваши знания. То есть как раз то, чего у вас нет. Что делать?

Уголовное преследование, как было сказано, для вас началось внезапно: взяли вас. У вас с собой ничего нет и нет возможности с кем-нибудь связаться – все, в клетке вы.

Потому рекомендуем следующий порядок действий:

1. Молчите.
2. Молчите.
3. Молчите.

Болтун – находка не для шпиона, а для следователя. Драгоценнейшая находка. Вам же ваш же собственный язычок устроит лет пять-десять в колонии. Потому – молчите. **Право молчать у вас есть, и право это даровано Конституцией – статья 51: «Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников...» Молчите и требуйте адвоката (опять – это право, предусмотренное статьей 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ).** Вы можете потребовать и свидания с родственниками, но вам его вряд ли дадут, а вот адвоката дать – обязаны. Хотя могут и адвоката не дать – запросто. Что делать в этом случае? Снова молчать. Молчать, молчать и... терпеть.

Да-да – терпеть. Потому что бить будут, издеваться, кроме этого, по-всякому тоже будут. Все равно терпеть: другого в этой ситуации вам не дано.

Как вытерпеть? Не знаю. Но вытерпеть – надо. И добиться встречи с адвокатом. Но не с тем, которого предложат менты или следователь.

Упаси бог! А как узнать – с каким? Для этого вам нужно встретиться с кем-нибудь из родственников (женой, сестрой, матерью, братом...), чтобы посоветоваться с ними. Вот и добивайтесь своим молчанием и своим терпением встречи с ними.

А встреча эта нужна не столько для того, чтобы определиться с адвокатом, а чтобы передать семье, что вам срочно нужен Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы, а также Конституция РФ и Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод: вам нужно оружие для борьбы, вот это оружие вы у родственников и попросите.

Ведь схема все та же: государственные охранники всех мастей – от милиционера до судьи – работают не просто так, а по какому-то документу (закону). И задерживали вас, и упекали за решетку, и допрашивали не с панталыку, а руководствуясь определенными нормами, прописанными как раз в УПК и УК. И ваше место в процессе тоже уже определено – тем же УПК. А вы пока что ничего этого не знаете. Так что вам прежде всего нужно? Узнать правила игры. Вот пусть родственники вам эти правила и принесут. И вот только потом, после того, как вы не раз и не два всё, что названо, прочтете, тогда и решите – стоит вам со следователем разговаривать или нет. А до той поры – молчите. Терпите и – молчите.

Совет этот не праздный: выстрадан горячими слезами многих людей и сотнями лет, отсиженными по несправедным приговорам. Так что решайте – следовать ему или нет.

Дальше

А дальше все, как раньше сказано: отслеживаете нарушение ваших прав (то есть теперь, прочитав документы, вы знаете свои права) и немедленно пишете жалобу на каждое из нарушений.

Жалобу составляйте грамотно: никаких эмоций – только сухое изложение факта нарушения, точное указание пункта закона, где закреплено ваше право, которое было нарушено, и ваша просьба – чего вы «за это» хотите.

Кому жалобу писать? Так сразу и не скажешь, потому что надо знать: кто нарушил и что. В УПК вы найдете то, что надо: кому обжаловать, как и куда. Как ни крути, без изучения тех документов, что здесь названы, вам себя в уголовном процессе не защитить.

Сразу ответу на вопрос: а что делать нам, «неграмотным юридически»? То же самое – молчать, терпеть и учиться, чтобы потом себя защитить. Если вы не хотите этого делать, то и на этот вариант есть ответ. Что вам делать? Сидеть – 5, 8, 15 лет – сколько дадут. А кто вас

должен защищать, если сами вы этого не хотите? Вот и сидите. Никто вас защищать не обязан. И никто и не захочет вас защищать, когда вы сами за себя постоять не хотите. Стало быть, зона – это как раз то место, где вам и надлежит быть. <...>

Другая сторона медали

Есть еще одна сторона медали в уголовном процессе: когда вы – обвинитель. То есть не вас преследует государство, а вы – его. Потому что бороться за свои права можно, используя не только гражданское судопроизводство, но и уголовное: в уголовном порядке добиться восстановления своих прав и компенсаций за причиненный ущерб. Как это?

А вот так.

Чиновник (милиционер, прокурор...), нарушая ваше право, может ведь при этом совершать действия, которые квалифицируются как преступления. Вот, например, избиения при допросах – когда вас бьют, то нарушают сразу не одну и не две статьи Уголовного кодекса.

Во-первых, избивая вас, вам наносят те или иные телесные повреждения, причиняют вред здоровью. А это целый букет статей – от 111-й до 119-й.

Во-вторых, хоть и бьют вас поначалу для собственного удовольствия (ну такие у них удовольствия!), но сверхзадачу от битья все же имеют: получить от вас как минимум признательные показания, то есть вынудить вас такие показания дать. А это тоже статья – 302-я УК.

В-третьих, закладывая в обвинение полученные от вас таким образом показания, следователь фальсифицирует обвинение, чем совершает еще одно преступление, предусмотренное статьей 303 УК РФ.

Смотрите, сколько уголовно наказуемых деяний совершают бьющие вас милиционеры – их самих надо судить (и сажать!) за это. Вот и занимайтесь этим. Но только не после того, как сами сядете лет этак на 12, а сразу, как только получите первый удар от милиционера.

Попрошу внимания. То, что здесь написано, написано для тех, кто имеет чувство собственного достоинства и готов его отстаивать, не страшась ни побоев, ни гнева прокуроров. Тот же, кто верит, что со следователем можно договориться, дальше может не читать – это не для него. Вы же, желающие отстоять свое достоинство и честь, должны твердо уяснить себе: ни с ментом, ни со следователем, ни с прокурором договориться нельзя – никогда. Да и о чем договариваться? Если вы не совершали того, в чем вас уговаривают признаться, разве можно об этом договориться?! А если милиция вас бьет, а прокурор предлагает вам закрыть на это глаза, то как вообще можно о чем-то говорить

с этим прокурором? Потому общаться с ними можно только через Уголовно-процессуальный кодекс.

И первое правило тут мы уже назвали: молчать. Вас «взяли», вы подавлены, с вами обращаются мерзко – молчите. Молчите, ибо в таком душевном состоянии вы наговорите столько всего, что потом не выпутаться. А они ведь все аккуратно запишут. Мало того – от себя еще добавят то, чего вы не говорили. Потому вам еще один категорический совет: не подписывайте ничего! И пусть на вас не давит ваша совесть: как же так, ведь «положено» слушаться, ведь «таков порядок» и т. п., – не подписывайте! Вы же не знаете «порядка», вам ведь задержавшие не дали ни Уголовного кодекса, ни Уголовно-процессуального, ни даже Закона о милиции; не дали никакого времени очухаться; все время кричали на вас. Так почему вы должны испытывать какие-то моральные обязательства перед этими хамами? Перед хамами, которые, между прочим, существуют (и неплохо существуют) на ваши деньги, которые вы им перечисляете в виде налогов.

И уж тем более надо молчать и ничего не подписывать, если вас бьют. Достаточно всего одного удара, чтобы прекратить какое бы то ни было общение с бьющими, кроме единственного: потребовать адвоката и прокурора. Вот именно это: адвоката и прокурора. И пока не увидите с тем и другим – молчать. Терпеть и молчать.

Поймите, вы столкнулись с государством – оно у нас отнюдь не бархатное. И человек для него – плюнуть и растереть. Вот как раз эту стадию вы сейчас в дежурной части и проходите: в вас плюют и растирают вас в пыль. Когда-то же это должно было случиться – случилось вот. Вы постоянно проявляли неразборчивость: голосовали за кого придется или вообще не ходили на выборы, думали, что от вас ничего не зависит или что вам «вообще вся эта политика по барабану»... Все, время малодушия кончилось: вас пинают государственными сапогами – пора проявлять мужество.

Не сдавайтесь: время работает на вас. На воле вас хватились, начали искать, обивают пороги. Рано или поздно вас найдут. И увидят. И придет адвокат. И прокурор придет. И вот тут, сразу вы напишите заявление в прокуратуру с требованием возбудить уголовное дело по факту нанесения вам телесных повреждений; потребуете немедленного медицинского освидетельствования, чтобы запротokolировать все ушибы, синяки и, не дай бог, что-то более серьезное. И до тех пор, пока не будет возбуждено уголовное дело против бивших вас, пока им не будет предъявлено обвинение, – никаких показаний по поводу пре-

тензий и обвинений в вашу сторону – никаких. Именно по причине того, что вначале должны наказать выродков, которые вас били, а уж только потом решать все прочие дела. (Самое интересное, что, как только вы добьетесь уголовного преследования служителей правопорядка, так у них к вам могут исчезнуть все претензии, да-да...) <...>

Учиться

Вам нужно знать свои права. Это – главное. И вы можете требовать от любой ветви власти ваше право защитить. Лучше всего это делать, используя суд. Как это сделать, мы вкратце описали. Велики ли у вас шансы добиться справедливости в суде? По-разному. Все зависит от вашей готовности защищать свои права. Определенно можно сказать одно: сегодня у каждого из вас шанс защитить свое право в суде – есть. (Во времена СССР шанса не было принципиально.) Будете готовы к защите – шансы увеличатся.

Что значит быть готовым?

Это, во-первых, быть готовым морально к борьбе с государством. Понимать, что борьба будет долгой и упорной, потребует моральных и материальных сил, что вы не будете сдаваться и пойдете до конца.

И второе – хорошо знать нормативную базу, которая будет использоваться в суде.

Поддержкой вам в вашей борьбе – опыт других, в частности, наш опыт. Нам удалось выиграть несколько, казалось бы, совершенно безнадежных дел, пусть они послужат вам примером.

Помните – терпение и труд все перетрут.

Удачи вам и упорства.

Ирина Протасова**Опыт взаимодействия**

Утверждение, что система исполнения наказаний в России является до сих пор «закрытой» для общества, уже не совсем верно, по крайней мере, в Республике Марий Эл. Длительное взаимодействие УФСИН по Республике Марий Эл и правозащитной организации «Человек и Закон» приносит свои положительные результаты.

В 2002 году мы впервые обратились к руководству Новотроицкой воспитательной колонии с предложением вести с ребятами курс занятий по правам человека. Нам пошли навстречу. Была собрана группа из 30 человек, с которой юристы организации и студенты занимались каждую неделю в течение полугода. За это время мы начали понимать, что знаний по правам человека недостает в первую очередь сотрудникам. У ребят начались трудности во отношениях с персоналом. Тогда было предложено начать работу по просвещению сотрудников колонии. Зародился небольшой проект, в ходе которого мы стали проводить с сотрудниками мини-семинары по правам человека в сочетании с психологическими аспектами работы в колонии. Эти начинания были активно поддержаны руководством УФСИН РФ по Республике Марий Эл, особенно с приходом нового руководителя Манвела Араратовича Айряна, который предложил также обратить внимание на сотрудников взрослых колоний.

Рассказывая о нашей нынешней работе, следует отметить, что, во-первых, в 2004 году был сформирован Общественный совет при начальнике УФСИН РФ по Республике Марий Эл. До 2007 года совет состоял только из представителей общественности, председателем совета была избрана я, руководитель правозащитной организации «Человек и Закон». Активность совета вызывает положительные отклики и в

других регионах России, например, его членов приглашают в соседнюю Чувашию для обмена опытом. Основная цель работы совета – сделать открытой для общества обстановку в колониях республики и проводить постоянный общественный контроль мест лишения свободы. Каждые три месяца члены совета посещают колонии, общаются с осужденными и персоналом, высказывают рекомендации начальникам колонии, и большинство из них выполняется. С этого года, по инициативе членов совета, в его состав были приглашены представители министерств и ведомств республики, что дает возможность оперативнее решать возникающие проблемы. Например, было решено, что общественники и представители Министерства труда и социального развития объединят все колонии республики с тем, чтобы изучить условия труда осужденных и дать рекомендации по их улучшению, а также по поводу освещения проблемных вопросов в СМИ. Такая же поездка планируется совместно с представителем Минздрава, чтобы дать консультации осужденным по вопросам ВИЧ и другим заболеваниям и механизмам обращения за помощью. Начальник УФСИН по Республике Марий Эл включает членов совета в состав комиссий, которые проверяют условия содержания осужденных и их защиту. И если выявляются какие-то нарушения, совместными усилиями они устраняются. Мы в динамике видим, как с каждым годом улучшаются условия содержания.

Вне рамок работы совета общественная организация «Человек и Закон» совместно с УФСИН разработала график выезда юриста организации в колонии для консультирования осужденных и персонала. Согласно графику, юрист организации Игорь Воронов вот уже три года ежемесячно выезжает в каждую колонию республики. Осужденные приходят к нему даже после освобождения. Такая работа хоть отчасти обеспечивает осужденным право на защиту. Адвокаты едут в колонию только за деньги, а мы понимаем, что у осужденных, как правило, денег нет. Кроме того, эти визиты разряжают обстановку внутри колоний и облегчают работу сотрудников.

Несмотря на тесное взаимодействие с УФСИН, мы тем не менее в случае нарушений прав человека отдельными сотрудниками помогаем осужденным обратиться в суд, предоставляем юридическое сопровождение и даже выигрываем дела. Руководство УФСИН понимает, что, хотя у нас имеется договор о партнерском взаимодействии, мы являемся правозащитной организацией и в любом случае будем выполнять свою работу. Нам удалось даже провести общественное расследование факта жестокого обращения в одной из колоний республики.

Через наши семинары по правам человека прошло более 300 сотрудников УФСИН, мы выпустили правозащитную литературу, которая имеется в каждом отряде каждой колонии.

С 2007 года в рамках проекта «Гражданское общество на защите прав осужденных» организация с привлечением других общественников совместно с отделом воспитательной работы УФСИН РФ по Республике Марий Эл стала выезжать во все колонии с лекциями, выставками и фильмами о правах человека. Был составлен график выездов, согласованный со всеми службами УФСИН, что позволяет беспрепятственно осуществлять проект.

Что касается Новотроицкой воспитательной колонии, то с 2002 года совместно с отделом воспитательной работы колонии организацией «Человек и Закон» там было реализовано более восьми проектов. Могу смело сказать, что те эксперименты, которые мы проводим совместно с УФСИН, очень положительно отражаются на ребятах, многие из которых продолжают общаться с нами после освобождения. Там проводятся «круглые столы», карнавалы на Новый год, вечера бардовской песни, встречи с интересными людьми, костры с картошкой, выездные лагеря, рождественские гадания, организуется кукольный театр, с которым ребята будут выезжать в детские дома, конкурсы на самых успешных воспитанников и воспитателей и многое другое.

Пожалуй, больше всего нашей работе препятствует режим, особенно в детской колонии. Не всегда удается проводить запланированную реабилитационную работу, а также заинтересовывать сотрудников во внедрении новых форм работы с ребятами, не всех отпускают за пределы колонии. Некоторые воспитатели пассивны, у них нет ни времени, ни желания заниматься с ребятами.

Отдельные сотрудники до сих пор не видят смысла в нашей работе, наше присутствие в колониях для них – лишняя нагрузка. Но самое ужасное – вся наша работа может в любой момент прекратиться по воле руководителя УФСИН. Хорошо, что нынешний осознает ее важность, однако законом присутствие и формы присутствия общественников внутри системы не урегулированы.

К тому же желающих работать в колониях немного, даже из числа членов общественных организаций, и поэтому инициативы, появляющиеся на местах, нуждаются в законодательной поддержке.

Региональная общественная организация «Человек и Закон»
424039, Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Анцифорова, 4 РОО «Человек и Закон»

Региональная общественная организация «Человек и Закон» была создана в 1999 году и действует на территории Республики Марий Эл уже восьмой год.

Основными направлениями деятельности организации являются:

- содействие соблюдению прав человека в местах лишения свободы;
- предотвращение нарушений прав человека сотрудниками правоохранительных органов;
- защита прав ребенка;
- оказание помощи лицам, которые пострадали от представителей государства.

Основными формами работы организации являются: проведение общественных расследований нарушений прав человека и предоставление юридического сопровождения жертвам нарушений прав человека; просвещение в области прав человека сотрудников государственных структур; общественный контроль закрытых учреждений и деятельности государственных структур; проведение различных акций и мероприятий, в том числе реабилитационных, с целью побудить государство к внедрению в работу государственных структур новых форм и методов работы с различными категориями людей для улучшения ситуации с соблюдением их прав; издание просветительской литературы по правам человека как для представителей государства, так и для жертв нарушений прав человека и осужденных.

В организации работает общественная приемная по обращениям граждан, сотрудники организации посещают все колонии республики, изоляторы временного содержания. В 2007 году организация начала работу во всех регионах Республики Марий Эл. Сотрудники организации выезжают с выездными консультациями по правам человека в регионы республики.

В организации работают юристы, психологи, социальные работники. Студенты всех вузов проходят в организации практику и активно участвуют в ее деятельности.

Александр Муленко

Вампиры

Вместо эпиграфа:
Москва, МВД,
Нурғалиеву
Автор

1. Спасибо

Дядьку я не видел двадцать лет. Выработав льготный стаж сталевара, он сменил профессию и перебрался на постоянное местожительство в село, «землю» – откуда корни. Старик приехал встречать меня в Бузулук, на вокзал, на поношенном автомобиле. Автобусы еще только готовились к выходу в рейс, и я слонялся без дела по привокзальной площади, изучая расписание их движения в сторону Бугуруслана, когда заметил, что еще один человек беспокойно гуляет рядом. Мы остановились в поиске темы для разговора и узнали друг друга.

Целую неделю я жил в гостях у пенсионера, приглядываясь, как бывший металлург охорашивает хозяйство – разводит кроликов и чинит потертые сети для рыбной ловли. Был месяц март. Мы говорили о ценах на продукты и бензин, о будущей посевной кампании, сетовали на то, что жизнь нелегка, осуждая нынешнюю власть и поминая добром бывшее.

На обратном пути ночью около Бузулука, за мостом, нас остановил милицейский патруль. Сотрудники скрыто стояли на обочине дороги. Поеживаясь от холода, они ожидали жертву.

– Вы грубо нарушили Правила дорожного движения, – начал воспитательную беседу инспектор. – Мост в аварийном состоянии. Проезд по нему с вашей стороны запрещен с целью разгрузки половины моста от лишнего веса. Вы видели знак?

Ехать мы должны были около моста по льду реки. Я до сих пор не знаю, проигнорировал ли мой дядька этот знак – дорога была пустынная, а лед уже тонок – или просто его не заметил.

Юный инспектор метал молнии, угрожая штрафом. Он обошел машину, осматривая колеса, потребовал открыть багажник – борьба с терроризмом и поныне самый популярный предлог для досмотра потенциальной жертвы милицейского произвола. Дядька оправдывался, его старческий голос дрожал. Он спрашивал, сколько должен за нарушение правил, но названная милиционером сумма была велика, и человек попросил, извиняясь, у постового не забирать всех денег, оставить чуть-чуть на бензин – на обратный путь. Они нашли консенсус – квитанцию инспектор выписывать не стал, забрал у деда половину запрошенной суммы и услышал: «Спасибо!» Дядька не плакал. В салоне он вытер пот со лба и взял себя в руки.

Чаще автолюбители – состоятельные люди и знают аппетиты и расценки милиции. Давно стала привычной картина побора на дорогах в час пик. Торопыги-водители спешат на работу, сигналив, и вдруг на пути вырастает инспектор, гвоздящий машину к обочине ленивыми движениями жезла. Человек притормаживает, открывая окошко, и протягивает денежную купюру – остановка дорожке выйдет. Жезл в руке у сотрудника милиции оживает и начинает весело кружить в воздухе новый танец – проезжайте мимо. Забирая на ходу предложенные деньги, инспектор стыдливо оглядывается по сторонам, как человек, которому было невмоготу найти туалет в центре города.

2. Цель приезда

Деньги в дороге держать открыто опасно. Они могут стать легкой добычей карманника. Как-то в Новосибирске я взял билет на проходящий поезд и в спешке положил сдачу в рубашку. При посадке была толчея, которой воспользовался вор. Он засунул мне руку в карман и был таков. Но случается, когда нужная купюра должна быть рядом. Даже самые обеспеченные люди скарены, встречая давление со стороны представителя власти. Однажды, пересекая границу Украины, я неправильно заполнил регистрационную карту.

– Что мне надо написать в графе «Цель приезда»? – поинтересовался я у украинского пограничника, проверяющего в поезде документы.

– Куда вы едете? – спросил он.

– В Судак на соревнования.

– Пишите – служебная...

«И в самом деле!... – подумал я. – В гости меня туда никто не звал».

Спустя минуту пограничник потребовал меня показать командировочное удостоверение, и недоразумение состоялось. Я мотаюсь на шахматные турниры за свой счет, имея с собой только положение об их проведении. Но его оказалось мало, чтобы безболезненно пересечь границу дружественных государств.

– Вам надо было писать: «Гостевая цель визита», – заметил пограничник.

– Хорошо, – согласился я. – Дайте мне, пожалуйста, новый бланк, и я напишу, как надо.

Но выяснилось, что второго бланка у него нет, и мне предложили альтернативу: выйти из поезда и катиться обратно в Россию в Белгород, где купить билет на другой поезд и не оплошать вторично при заполнении карты. Чего только ни придумывают находчивые сотрудники, чтобы выставить человека нарушителем законности и приступить ко второй части спектакля – вымогательству денег. Перепуганные соседи смотрели в окно, не замечая происходящего.

– Что тебе от меня надо? – спросил я пограничника.

Тот предложил мне зайти в купе проводников, где достал из кармана второй регистрационный бланк и разрешил указать любую другую цель посещения Украины.

– Я без очков...

Он с готовностью согласился помочь и заполнил «...как надо» все графы этого документа.

– Сколько я должен?

– Сколько не жалко, – продался военный.

Сунув руку во внутренний карман пиджака, я растерялся. Размеченных для этой цели денег у меня не было, а требовать у грабителя сдачу было неловко. Купюры я перебирал на ощупь в поиске самой потрепанной от человеческих рук и сделал вывод, что какая-то сумма денег для этой цели всегда должна быть в наружном кармане. Не заглядывая в лицо нарисованному на гербовой бумаге человеку, украинский пограничник быстро скомкал предложенный ему денежный знак и спрятал его в бумажник.

– Я все понимаю, – сказал он мне, прощаясь. – Я тоже шахматист.

Две перепуганные насмерть проводницы смиренно стояли около своего жилища и ждали очереди. Кто-то из пассажиров сошел на перрон вокзала, где был задержан майором таможенной службы. Растерянные женщины заплатили чиновнику в десять раз больше, чем я, в том же самом купе, которое является территорией России. Механизма защиты российских граждан от грабежа в пути следования в Украину нет.

3. Тюменский треугольник

Но самые страшные милицейские поборы происходили на дорогах, ведущих из Тюмени в Россию. Брошенные во время приватизации страны на произвол судьбы граждане потянулись в Сибирь на заработки. Нефтяная отрасль работала более-менее благополучно, и сметливые рабочие за месяц-другой загорбачивали копейки для поддержания семейного счастья, если можно назвать им разлуку. Жили бродяги в палатках, вагончиках, на строительных объектах, в бойлерных станциях теплотрасс. Главное испытание ждало их на обратном пути в Европу: в Челябинске или в Екатеринбурге. С востока Тюменский треугольник замыкали Омск и Новосибирск. Чтобы доехать до дома и не растерять своих денег, нужно было безукоризненно соблюдать ряд правил: отмыться перед дорогой, побриться и подстричься, не пить спиртных напитков, не вступать в серьезные разговоры с незнакомыми людьми и знать, что от служебного произвола легче уберечься в толпе бедняков. Среди богатых мы выглядим слабо.

Более года я мотался вахтовым методом в Тобольск на заработки и неоднократно был свидетелем ограбления моих товарищей сотрудниками милиции. Это случалось в купе проводников на участке пути от Тюмени до Екатеринбурга, но более на челябинском вокзале, где у нас была пересадка. Неухоженного ремесленника видно издалека, и по блеску его усталых глаз заметно, при деньгах он или без денег. Милицейские клещи сжимались, едва только жертва выходила из поезда. Сотрудники выбирали себе человека, стоя в переходе, когда тот еще поднимался с вещами по лестнице. Они вырастали у него за спиной и ждали, когда он споткнется – правила приличия не позволяли хватать человека всенародно и потрошить его на глазах у населения. Нежелательная встреча случалась при спуске в камеру хранения или в туалет. На выходе из вокзала стояли иные сотрудники, пропуская людей на улицу через единственный проход, миновать который было нельзя, и если «пастухи» не находили причины для грабежа, то постовые ищейки принимались лучше и не выпускали бродягу в город, если от него разило водкой или давно не стиранным бельем. Очень часто рабочие пахли лошадью. Такому человеку предлагали пройти в отделение милиции для проверки на трезвость, где у него из карманов вытягивали все. И смех и слезы, но многие работяги, зная это, прятали заработанные деньги в носки или зашивали в ботинки, чтобы довести их целыми за три границы. Я знаю человека, который успешно привез в Ташкент восемь тысяч долларов, заработанных на покраске металлоконструкций. Четыре укомплектованные жлобами границы и десятки милицей-

ских постов остались с носом. Он строго соблюдал правила дорожно-го этикета, изложенные мною выше как постулаты.

Я был самым трезвым человеком в нашем безалаберном коллективе и, пока пылал здоровьем, тоже успешно проходил все кордоны. Однажды, почуяв за собой безжалостный хвост, Витька-бродяга – мой брат по несчастью – отдал свои деньги Тахиру, вчерашнему зэку, и кивнул головой в мою сторону. Двое никогда не пьющих в дороге людей – я и Юрка – шли впереди ватаги, не привлекая к себе внимания сотрудников милиции. Тахир почти бегом догнал нас на повороте из перехода в зал отдыха проезжающих (это была короткая мертвая зона, не просматриваемая насквозь дежурными) и в спешке передал, как эстафету, свои и Витькины деньги на сохранение. Мы исчезли в городе, минуя лапы милиции. Остальные рабочие были задержаны, и шестеро из них вечером возвращались домой пустыми. Многочисленные слуги правопорядка пустили их по кругу от патруля к патрулю, по очереди принимаясь к запаху изо рта. В профессионализме отъема денег у транзитных пассажиров челябинским милиционерам нет равных в России...

4. Один патрон

Что-то в стране наладилось. Долги по зарплате стали постепенно выплачивать, и, кто знает, может быть, позорное время обмана людей магнатами, пустившими по миру бесталанных сограждан, не сегодня-завтра закончится, и блудные дети вернутся на земли отцов? Но тяга к богатству и власти стала патологической болезнью общества, и с ней надо жить и считаться.

Не только пьяные путешественники попадают на крючок сотруднику милиции. В 2002 году летом я возвращался домой из туристического похода и был остановлен на челябинском вокзале для досмотра вещей нарядом патрульной службы. Новая государственная доктрина борьбы с терроризмом и наркоманией еще более развязала руки силовикам. Спекулируя взорванными домами в столице, уральские следопыты с остервенением начали выворачивать наизнанку каждого встречного и поперечного. Я выкладывал из рюкзака на стол вещи, показывал документы – паспорт, спортивную книжку, путевку в альплагерь. Задержавшие меня люди были сильно разочарованы моей законопослушностью и хотели уже отпустить меня с миром, когда к ним подошли еще двое сотрудников милиции.

– Что, ничего не нашли? – спросил один из них, более наглый, у офицера, производившего опрос. – Следующего нарушителя мы до-сматривать будем. Не скулите потом, что вам не дают заработать...

Я догадался, что в милиции существуют и какая-то очередь на побо-ры с проезжих граждан, и критерии, по которым отбираются жертвы.

– Учить вас надо! – добавил этот сотрудник, ударив ладонью по карману рюкзака, где лежал «УДАР». Во избежание лишних вопросов я не хотел открывать этот карман на обозрение, чтобы не искать доку-мент, разрешающий ношение и применение оружия в защитных це-лях. Перекрестный допрос вспыхнул с новой силой. Старший по ра-ции с кем-то связался, спрашивая, что делать, но ему подтвердили мое право на ношение оружия.

– Приди-ка сам, – попросил сотрудник.

Скоро подошел еще один человек в гражданском, осмотрел наход-ку и сказал мне, что я свободен.

– Может быть, он кого-нибудь ограбит? – настаивал в оправдание ини-циатор конфликта, нашедший оружие, но игра уже не стоила свеч, две конкурирующие между собой бригады милиционеров старались блюсти приличие перед начальством. «УДАР» мне отдали в последнюю очередь. Изъявший его у меня милиционер игрался с ним, как малыш, передерги-вая предохранитель вверх и вниз, навскидку прицеливаясь в прохожих. Он его несколько раз заряжал и разряжал, пружина работала четко.

– На! – сожалея, вернул он мне мою игрушку и попросил голосом, не допускающим отказа: – Дай-ка мне один патрон для коллекции.

С паршивой овцы хоть шерсти клок. Я оказался не тем клиентом, которого ждали охотники. Милицейская сущность хотела подарка, и я оставил ему в утешение патрон.

5. Право на проезд

Спустя год моя дорога лежала через Челябинск в Екатеринбург – в центр профпатологии. От тяжелого физического труда мои ноги ослабли, деформирующий артроз обложил болью суставы от позвоноч-ника и до голени. Я долго ругался с врачами и руководством цеха ре-монта металлургических печей, доказывая, что болен, прежде чем мне швырнули в лицо путевку и вывели за забор «...в гор-топ» – «по доб-ру, по здорову», предложив преждевременно два копеечных места: сторожа в карьере и резчика бумаги в типографии, соблюдая прили-чия трудового законодательства.

– Ноги твоей здесь больше не будет! – напутствовали «прорабы».

Я оказался врагом корпоративной политики «Металлургического дивизиона» группы управляющих компаний «Русский Алюминий». В отделе кадров меня занесли в центральный компьютер и разослали по соседним предприятиям факсы о том, что я уволен с работы: «как прав-

доискатель». И поныне есть негласный договор между руководителями крупных заводов города, где я живу, об информировании соседей о «настоящих причинах увольнения человека с работы».

Полный расчет мне не дали. Я получил его только месяц спустя, направив по электронной почте письмо директору комбината Сергею Филиппову, в котором написал ему о горе – умерла моя мать. Дыхание смерти отогрело ледяную душу этого человека, и долги по зарплате вернули на следующий день. Но во время моего отъезда в Екатеринбург матушка была еще жива и, пообещав ей на прощание «не связываться ни с кем и быть послушным», я тронулся в путь.

– Всего три дня!

Попутчиком у меня был татарин Рашид из Медногорска. Худой и морщинистый на лицо человек, как и все его земляки, выдавшие жизнь, годов сорока пяти от роду, он тоже ехал в центр профпатологии на лечение пылевого бронхита. Медносерный комбинат, где этот человек оставил свое здоровье, – одно из самых ядовитых предприятий России.

В Челябинске рано утром мы прошли две милицейские проверки – на вокзале и на автовокзале – и успешно покинули этот город. Спустя четыре часа за окнами автобуса появились первые признаки Екатеринбурга: рекламные щиты-банеры и дорожные знаки, указывающие на наличие объездной дороги, автозаправки, точек медицинского и пищевого обслуживания.

Скоро нас остановили сотрудники милиции особого назначения. Молодой человек – лейтенант с автоматом наперевес – зашел в автобус и внимательно осмотрел лица пассажиров. В салоне было немало мигрантов. Выброшенные эпохой на рынок дешевой рабочей силы, бродяги-таджики искали счастья в России.

– С вещами на выход, – распорядился сотрудник и ткнул стволом автомата в сторону каждого из них. – Проверка документов.

Мой добрый сосед-татарин тоже попал в список подозреваемых лиц, не имеющих регистрации в паспорте.

– Я сейчас приду, – объяснил он мне. – Посмотри за вещами. Они россиян отпускают сразу.

Раболепно толкаясь мешками и авоськами, люди вывалились на обочину дороги и, приседая под тяжестью скарба, двинулись на проверку.

– Езжай, – распорядился лейтенант, закрывая автобус, и водитель послушно начал выруливать на трассу. Я растерялся. Рядом лежала сумка соседа, ответственность за которую лежала на мне. Взяв ее в руки, я, спотыкаясь, двинулся в выходу, чтобы остановить автобус и

передать хозяину его вещи, но звонкий голос, привставшего с переднего места мужчины, опередил меня:

– Водитель!.. Остановитесь!.. Вы связаны договорными обязательствами с пассажирами, купившими билет. Вы обязаны довести их до места следования. Стойте здесь и ждите меня!

Седой человек в военной форме – майор (или выше?) – покинул автобус и двинулся к месту досмотра странников, высаженных на дорогу бесцеремонным образом. Я вышел на улицу вслед за ним с вещами моего попутчика и окликнул того: «Рашид!..» Человек поспешил мне навстречу, протягивая руки к своему добру, но был грубо остановлен центральной частью автомата сотрудника, осматривавшего автобус.

– Не смейте его толкать, лейтенант! – стреножил майор служаку. – Он ничего не нарушил!

Я хотел заглянуть в лицо заступнику, чтобы его запомнить, но тот уже что-то объяснял военным, стоя ко мне спиной, доказывая право пассажиров на дальнейший проезд. Документы у всех оказались в порядке, недоразумение было исчерпано. Мы вернулись в автобус и успешно доехали в город.

На оживленном автовокзале майора ждали люди нерусской национальности. Кто он был – узбек или таджик, – я не знаю и поныне. Пассажиры прощались с ним, кланяясь, а встречавшие – обнимали и хлопали по плечам, как дорогого гостя.

– «ТуркВО»!.. – заметил Рашид. – Афганец. Два ранения. Я видел нашивки...

Солдаты дорожат ими более, чем наградами. Друзья посадили героя в автомобиль, и больше я его не видел.

Милицейский произвол на дорогах России стал общенациональной бедой. Чтобы ему успешно противостоять, мало чувствовать правду в душе и шептать о ней своим близким, надо знать право и иметь гражданское мужество остановить руку бьющего... Может быть, и ко мне, поверженному на землю невзгодами, придет на помощь без предплаты человек, не боящийся силы. Хотелось бы в это поверить...

6. Метро «Девятьсот пятого года»

Медицинский осмотр в центре профпатологии я прошел быстро и в одиннадцать часов явился в гостиницу, где остановился на сутки. Мне сказали, что я уже выселен, потому что приехали футболисты, забронировавшие мой номер вчера. До поезда еще оставалось немало времени, и я решил посетить компьютерные салоны Екатеринбурга. Почему-то мне казалось, что цены на товары в большом городе меньше,

чем у нас, тайная надежда приобрести хороший цифровой фотоаппарат толкала меня на безрассудство, ноги изнашивались, а выбор так и не был сделан. Десять тысяч рублей пятисотками мирно лежали у меня в сумке среди белья, завернутые в целлофановый пакетик, без дела.

За два часа до поезда я спустился в метро и встал в очередь к окошку, купить жетоны на проезд. Трех сотрудников милиции я увидел издали и понял, что они направляются ко мне.

– Ваша сумка? – спросил у меня старший лейтенант. – Проверка документов. Прошу за мной!

Люди смотрели мимо. Меня завели в служебную дверь и закрыли ее на ключ. Пройдя по коридору шагов пятнадцать, направляющий конвоир открыл другую дверь в глухую камеру, где стояли стол, два стула и топчан. Он достал из кармана блокнот и ручку и принялся переписывать мои данные, другой сопровождавший меня человек начал крутить диск телефона, чтобы проверили в базе данных, не нахожусь ли я в розыске. Старший лейтенант стоял напротив меня и руководил проверкой. Они по очереди вертели пластиковую карточку «Альфа-банка», изучая последние квитанции прихода и снятия денег. Следуя рекомендациям банкиров, я держал их при себе.

– Что у него? – спросил офицер.

– Пусто... Последние операции были... – и он назвал число, предшествующее моей поездке, и сумму денег. Рядом лежали проездные документы туда и обратно. Офицер глядел на меня в упор, догадываясь, сколько осталось в заглазнике.

– Что купил?

– Не успел, у меня скоро поезд.

– Я вижу... Открой свою сумку...

Отчетливо было слышно стук стремительно пролетающих рядом составов и совсем не было слышно людей. Понятых не позвали.

– Ты понимаешь, что повсюду взрывают дома, и у тебя в сумке может быть взрывчатка... Имеем право!..

Я по очереди доставал вещи наружу и, разворачивая их, складывал на топчан. Он угадал пакет с деньгами наметанным глазом и взял его в руки. Дальнейшее содержимое сумки уже не интересовало сотрудника, и, будь на ее дне автомат Калашникова или граната-лимонка, они бы остались там лежать до гражданской войны.

– Сколько денег? – спросил офицер, доставая на свет мое богатство.

– Десять тысяч, – ответил я.

– Ты ошибся, – сказал он, не пересчитывая купюры, и протянул всю пачку мне. Я был испуган. – Возьми и пересчитай!

У меня на руках осталось девять тысяч. Я заглянул в глаза офицеру – он был красив и невозмутим; оглянулся по сторонам – его подельники смотрели в пол.

– Складывай вещи! – распорядился дежурный. – И быстро на поезд. Если тебя остановит на вокзале милиция, скажи, что прошел досмотр на метро «Девятьсот пятого года» – не тронут! Я позвоню...

Спустя неделю дома я рассказал эту историю человеку, осужденному за кражу, и он показал мне обратную сторону этого фокуса...

Я человек наивный. В жизни меня неоднократно учили разуму: раздевали и грабили, били, брали в долг деньги и не возвращали их, но я по сей день не верю в жестокую силу зла, являясь потенциальной жертвой обмана. Я по-прежнему подсознательно надеюсь на помощь правоохранительных органов и готов кричать: «Милиция!». Неужели я ничему не научился после такого фокуса? Куда мне идти, если завтра я окажусь на улице избитый до полусмерти, без денег и без жилья. Без веры в людей. Сильные пожирают слабых во всем животном мире, но только человек придумал основы добродетели, продлевающие жизнь, что сегодня стараются вычеркнуть из культуры люди, желающие разбогатеть любым путем. Я хочу жить долго, даже с болью в теле, мечтая о невозможном. Право – гуманитарная наука, но где же добро и справедливость?.. Где человеколюбие?

7. Ваше слово

Мой поезд стоял на самой дальней платформе вокзала. Посадка была в разгаре, когда я, хромая, подошел к вагону и встал в конце очереди. Люди галдели, толкаясь, строгая проводница внимательно осматривала каждый билет. Она заглянула в мой паспорт и сообщила:

– Это не ваш билет.

– Почему? – удивился я.

– Вы читаете что берете?

Я сегодня не помню, когда и где купил этот билет. Женщина-оператор, набирая его на компьютере, пропустила одну букву моей фамилии.

– Я вас не возьму на поезд... – отрезала проводница мои попытки объяснить ошибку печати. – Билеты нужно было проверять, не отходя от кассы. Ищите старшего.

Хромая, я поковылял вдоль всего состава, спрашивая, где находится бригадир поезда, и все до единой проводницы шарахались от меня защищать вагоны, словно я пытался проехать зайцем помимо их воли. Время шло, перрон уже почти опустел, провожающих было мало. Нужного мне человека я нашел за пять минут до отправления поезда. Вы-

сокий молодой мужчина глядел на меня, как богатый барин на горбуна, просящего милостыню.

– Идите в кассу и сдайте билет, – заметил он. – Возьмете новый.

– Я не успею, я болен!

– Ничем не могу помочь... Я не врач...

В отчаянье я повернул голову в сторону подземного перехода, ведущего на вокзал, и с ужасом увидел, как на другом конце перрона двое сотрудников милиции, прогуливаясь, щипали хохочущих женщин. Вечер был душный. Стояла жара. Горячий пот катился по моему изношенному телу рекой, насквозь пропитывая рубашку и брюки. Все ближе и ближе, не торопясь, подбирались вампиры.словно вши по месту резинки нижнего белья, они надвигались на меня в перспективе сходящихся линий железнодорожных путей и платформ, предчувствуя соленую слабость недомогания. Кусок живого и липкого мяса – я дрожал перед ними в страхе, вспоминая, как в Челябинске по очереди мародеры в милицейской одежде обирали до нитки моих друзей. «Они не могли не заметить ошибку в билете и сообщили соседям», – буравила голову предвзятая мысль.

Быстро, скороговоркой, в отчаянье я начал рассказывать бригадиру поезда про боли в спине, показывая исписанные врачами,бумажки; про безногую мать, ждущую сына дома; про метро «Девятьсот пятого года». Я лез ему под шкуру, объясняя, что до следующего поезда ждать двое суток, что я останусь без денег один в страшном городе, где царит произвол. Кто-то из куривших в тамбуре пассажиров, выглядывая наружу, угрюмо заметил мне:

– Москва слезам не верит.

Я ответил ему:

– Согласен!.. Бог высоко, а царь далеко... Москва не верит!.. – и, обращаясь к бригадиру, спросил: – Ваше слово?..

Он понял.

1–3 марта 2006 года

Опиум для уродов, или Правдивая история о том, как на зоне строгого режима проповедовали Слово Божие

Сидельцы колонии строго режима № 9 называли себя экзотично – «жертвы холокоста». А свою колючую обитель просто и неприязнательно – «наше маленькое гетто». Правда, гордых представителей еврейского народа на зоне насчитывалось не так много. Главным был Миша Ашкенази – благообразный мужчик с лысиной, искрящейся оптимизмом. К нему примыкали человек семь-восемь, в основном люди благородных профессий – аферисты, мошенники, фармазонщики и Аркаша Симкин, которого все ласково называли Блудный Сукин Сын. Аркаша, с отличием окончивший МГИМО, пару раз успешно выдавал себя за продюсера Уитни Хьюстон, получая приличные авансы под ее будущие выступления в Нижнем Новгороде и Сыктывкаре.

Но что же связывало «девятку» с гнусными преступлениями бесноватого Адика? Нет-нет, здесь никого не травили газом, не сжигали в печах и даже не сдирали татуированные шкуры с расписных эзков, чтобы использовать на абажуры и дамские сумочки. Секрет же странного названия крылся вот в чем.

Несколько лет назад в колонию был назначен очередной начальник взамен прежнего, вечно дремавшего в кабинете и прославшего даже свою отставку. Новый хозяин, подполковник Илья Ильич Загайло, служил досель в Саратовской области и привез оттуда признаки легкого дегенеративного расстройства, которые он упорно называл «передовым опытом». Сразу по приезде Загайло обратился к руководству с просьбой разрешить ему внедрение этого опыта в отдельно взятом исправительном учреждении № 9. Сверху махнули рукой: валяй, Кутузов...

И Кутузов навалил. Он приказал пометить всех арестантов, исходя из степени их морального паскудства. Активистам, помогавшим администрации, нашивались на левую сторону эзковской робы бирки красного цвета. «Мужики», тоскливо мотающие срок, пытаясь не связаться

ни с «козлами», ни с «блатными», получили коричневые нашивки – по аналогии с говном, которое болтается в проруби. Нарушители режима были раскрашены зеленым цветом – цветом надежды на то, что когда-нибудь на просторах зоны № 9 не останется ни одной этой сучьей морды. Черной отметкой заклеили «братву» – бродяг, босяков, правильных парней и прочих лютых врагов администрации. Далее шли «белые бирки» – хронические алкоголики. И наконец, желтые метки предназначались наркоманам. После долгих воспитательных бесед резиновыми дубинками система, что называется, «пошла».

Поначалу преобладал коричневый цвет. Затем в результате закручивания гаек его потеснил зеленый. На зону обрушился тяжелый пресс лагерного режима. Народ стали «гасить» в «шизняке» за нежелание махать руками на физзарядке, за прогулку в локалке отряда без головного убора, за игру в «балду» во время политической информации и за прочие чудовищные преступления. Однако в преддверии золотой осени «девятка» начала из зеленой медленно перекрашиваться в желтую.

– Ч-черт знает что! – ругался Загайло. – Что ни этап – сплошные наркомы! Простому подполковнику остается перед ними во фронт вытягиваться...

А тут еще один сюрпрайз: какая-то арестантская гнида изловчилась загнать «маляву» трижды долбанным правозащитникам, представителям передовой либерастии. Мол, так и так, недобитки совдеповской коммуначьей сволочи попирают нашу честь и достоинство, метят нас, как фашисты – узников концлагерей. Причем – что характерно! – многие осужденные носят на груди желтые бирки наподобие звезд в еврейских гетто. Это, несомненно, свидетельствует о дремучем антисемитизме начальника колонии подполковника Загайло.

В «девятку» срочно прикатила комиссия во главе с грозной мадамой необъятных размеров – что-то среднее между нильской лошадкой и Валерией Новодворской. Мадама сверкала глазами, как прожектор перестройки, брызгала слюной и ругалась латинскими выражениями. Долговязый подполковник бегал за ней вприпрыжку, вытянув руки по швам, а шею вперед, отчего дико походил на страуса нанду. Завершала этот африканский натюрморт стая бабуинов при погонах, которая немолчно трещала, приплясывала и размахивала руками, как будто выпрашивала у непрошенных гостей горсть бананов.

Но коварные гости бананов бабуинам не дали, равно как не сообщили цель визита, ограничившись туманными фразами о гуманизации и правах человека.

– Совсем озверели! – возмущался Загайло, проводив либерастов за ворота и вытирая крупный пот. – Какие права человека? Где они, бляди, здесь человекa нашли?

– А мы разве не люди? – робко возразил инструктор по воспитательной работе капитан Синелоб.

– Ты когда себя последний раз в зеркале видел? Сколько лет на зоне?

– Четыре с половиной.

– Да после трех лет в этом заповеднике человек превращается в ишака! Так что мы с тобой – два ишака. И другие работнички тоже. Только привыкли друг к другу и этого не замечаем. А ты выйди за КПП и спроси у первого встречного: «Скажите, правда, что я – ишак?» Он тебе честно ответит.

– А ээки тогда кто?

– А ээки – насекомые! Которых надо травить дустом, поскольку они размножаются со скоростью бешеных тараканов! Но приезжают всякие скребучие полузащитники и норовят их занести в Красную книгу...

Выплеснув на замполита глубокие познания в области энтомологии, начальник колонии затушил тлевшую сигарету о башку арестанта в драной тельняшке. Арестант достался Илье Ильичу от его предшественника и представлял собой пухленького болванчика, вылепленного из хлебного мякиша, а затем умело раскрашенного. На таких фигурках набил руку чернушник Фарид Хусаинов, который откинулся год назад и уже успел побывать с выставкой своих многоликих кукольных «сидельцев» в Финляндии. Теперь такой же хлебный человечек украшал письменный стол мэра города Нахтияллокикку как посланец мира и символ дружбы между двумя народами.

Между тем история с пестрыми нашлепками приобрела масштабы международного скандала. Во время представительного слета передовиков иудейской культуры какой-то известный раввин ввернул пару крепких выражений на иврите про зловещий русский Майданец, что не преминула тиснуть пара-тройка таймсов и обсерверов. Весь этот импортный обсер докатился до Москвы, а оттуда – с соответствующими комментариями и примечаниями – до областного управления исполнения наказаний. Вскоре Илья Ильич предстал пред ясны очи начальника управления – генерала Бурдюкова. С первых же минут разговора ясны очи стали наливаться кровью и вскоре напоминали две большие помидорины.

– Ты что творишь, сучья морда?! – ненавязчиво поинтересовался генерал. – Ты что за карнавал мне устроил, пламенный фашист?! Всю управу чуть под Нюрнбергский процесс не подвел!

– Да они же все извратили... – начал оправдываться начальник «девятки».

Инквизитор подобен покупателю: и тот, и другой всегда правы. Увы, подполковник Загайло, в отличие от Галилео Галилея, был не в курсе этой прописной истины. В кабинете Бурдюкова повеяло дымком костра и паленой человечиною.

– Они извратили? Да они не извратили, а отымели тебя в извращенной форме! Что же ты за падла такая... С доктором Геббельсом не в родственных отношениях?

– Степан Алексеевич, у нас в Саратове эта система действует уже лет пятнадцать...

– Забудь про свой раздолбайский Саратов! Нет никакого Саратова! В природе не существует! Сравнили его с землей израильские стервятники. К гребням, на радость всему прогрессивному человечеству.

Это трагическое известие застало подполковника Загайло врасплох. Челюсть у него отвисла, как ковш экскаватора – с печальным металлическим лязгом.

– Захлопни мусоропровод, – отечески приказал генерал. – И пряги вареники.

– Чего напрячь? – не понял начальник «девятки».

– Уши раззявь! Запоминай все, что я тебе скажу. А если дурак, то записуй! Я же записую... Клейма свои собачьи чтобы сегодня же с зыков посрывал! Лично проверю.

– Так точно, будет исполнено.

– Да куда ты денешься! Не выполнишь – получишь такого пинка под седалище, что долетишь в три секунды до Воркуты с погонами младшего прапорщика. Сейчас речь не о том, как разгрести твой бухенвальдский навоз. Надо срочно отмываться. В смысле – грехи замаливать. Ты в курсе, что среди гуманоидной сволочи, которая тебя проверяла, священник затесался?

– Конечно, я же их сам по зоне водил. Отец Макарий...

– Так вот этот отец Макакий клеил в ихний донос особое мнение на предмет твоей воспитательной работы. Эти уроды, пишет, не используют великую силу слова Господня в просветлении заблудших душ. Ну какая-то такая ахунья. Арестанты ему пожаловались, что ты к ним священников не пускаешь. Недавно вот непонятка вышла с православным батюшкой...

– Какая непонятка? Он же приперся с двумя бутылками «Кагора» – паству причащать. И сам был уже вусмерть причащенный. Старший лейтенант Винякин стал ему объяснять: мол, алкоголь нельзя в зону

проносить. Так этот поп обозвал его опричником и чуть бутылку в лоб не заехал! Вот мы его от зоны и того... отлучили.

– Вы б его еще анафеме предали. Ну добро, а адвентистов с концертом зачем не пустил?

– Степан Алексеевич, этих – только через мой труп! Я же помню, как нас в училище заставляли всяких баптистов венником гонять! Они у нас из молельного дома на карачках ползли... Мормоны долбаные!

– Насчет трупов. Если потребуется, твой труп будет болтаться над зоной, как червонный прапор победившего социализма. Слушай сюда. Теперь твоя колония должна стать передовым оплотом религиозного воспитания.

– Степан Алексеевич...

– Цыц, мормышка! Иди, изучай матчасть. Потому как придется иметь дело не только с попами и баптистами, но еще с разными раввинами, муфтиями и прочими басурманами. А как ты думал? Тут, едрит его, никого нельзя ущемить.

– Так мы до жертвоприношений докатимся...

– Надо будет – докатимся! Делов-то – скормим пастве на Масленицу пару-тройку арестантов. А на Покрова можно и офицера какого захудалого.

Тут Бурдюков поглядел на Илью Ильича с недобрый оскалом. Нутряным инстинктом, чудом сохранившимся из глубин мезозойской эры, Загайло почувствовал: генерал не шутит...

С той поры в «девятке» замутилась немыслимая фантазмагория. Для начала закипело строительство православного храма. Кое-что выделила управа, часть – православная епархия, в остальном помогли сердобольные родственники осужденных. Особо старались родичи тех, кому корячилось условно-досрочное освобождение или перевод на «поселок» (то есть в колонию-поселение). Тут начали твориться настоящие чудеса. Чем больше вносили в церковную копилку папы, мамы, жены и дети несчастных арестантиков, тем быстрее молитва непутевых эзков доходила до Господа, и обретали они желанную свободу. В связи с этим массы потянулись к православию.

Вначале, правда, со строительством вышла маленькая заминка. Места в зоне было маловато, поэтому Загайло решил сэкономить и прилепить обитель Господню задней частью к стене столовой. И стройматериалов меньше уйдет, и место сэкономят. Новый батюшка, присланный взамен того, который обмишурился с «Кагором», воспротивился:

– Позвольте! А как же крестный ход вокруг церкви? Это насмешка натуральная!

– Вы, отец, не горячитесь, – успокоил священника Илья Ильич. – В конце концов, во время крестного хода можно все здание целиком прихватить. С заднего двора всякую хрень уберем – и водите хоровод вокруг обжорки, с песнями и плясками.

Батюшка для виду поворчал, но согласился.

Первое время православие лидировало в соревновании по сбору заблудших душ. Обрадованный неожиданным приращением паствы, местный протоиерей зачистил в «девятку» с благими наставлениями. Службы завершались щедрыми дарами: каждый православный арестант получал по куску мяса, сала, освященного хлеба. К протоиерею повернули даже мусульмане...

Что до проповедников ислама, они проиграли православной соборной подчистую. Ради объективности надо учесть, что братьям магометанам пришлось бороться на два фронта. Как раз в это время они получили разрешение от мэрии на строительство городской мечети и засучили было рукава. Но тут в дело вмешалось местное казачество. Перманентно пьяный всевеликий атаман Козопупенко неожиданно отравился паленой горилкой и несколько дней провел в состоянии невменяемой трезвости. После обильных промываний желудка атаман случайно наткнулся на газетную заметку с поэтическим названием «Минарет вознесется в небо». Опуевшие глазищи Козопупенко вознеслись на лоб.

– Шашки под высь! – заорал атаман, героически колыхнув задом клизму размером с ядерный столб, накрывший Хиросиму.

Как раз в тот самый день «девятку» посетил тихий мулла, собравший внушительную публику, среди которой преобладали в основном грабители и бандиты – дагестанцы, кабардинцы, ингуши, а также примкнувшие к ним несколько татар из числа вагонных «катал». Последние чинно-благородно обыгрывали лопоухих отпускников, оставляя на них только плавки и панамы. А что еще нужно для отдыха на морях? Мулла прочел что-то поучительное из жизни пророка и раздал правоверным томики Корана на арабском языке.

– Хоть бы халву, падла, притаранил, – возмутился Шамиль Гилоев. Шамиль был единственным киллером на всю колонию. Он пытался доказать, что сидит несправедливо. Отчаянный горец получил заказ от супруги известного бизнесмена, которая страстно желала оплакать мужа. «Мерседес» честно взлетел на воздух, однако оказалось, что за время подготовки к операции проклятый буржуин успел свою машину

продать, и участь счастливой вдовицы выпала на долю совершенно посторонней гражданки. Что, по мнению Шамиля, каналу уже не под убийство, а под несчастный случай.

Впрочем, ни с халвой, ни без халвы слуга Аллаха больше в колонии не появился. Дело в том, что к тому времени место строительства мечети окружили казачьи пикеты, к которым присоединились нечесанные народные массы. Над толпой витали гневные речи атамана Козопупенко, окруженного лихими хлопцами с красными кроличьими глазками, с нагайками наперевес и в китайских кедах. Посещение муллой зоны № 9 стало страшным козырем в устах атамана.

– Станишники, что ж это дееся? – вопил Козопупенко, бряцая многочисленными крестами и прочими геройскими значками производства местного художественного цеха, который творчески перешел с изображений кудрявого Вовочки на грозный лик Егория-Победоносца. – Пока вы тут сопли жуете, басурманы тихой сапой засылают своих лазутчиков в тюрьмы и баламутят своих башибузуков! Есть верные сведения – за колючкой готовится ваххабитское восстание! В «девятку» уже завезли листовки от Усамы Бен Ладена и кинжалы из Туретчины. Как только достроят треклятую мечеть, дадут этим муджахерам сигнал к резне! Что прикажете делать, народ православный?

– Да как же это власть проглядела?! – возмутился народ православный. – У них там что, начальства нету?

– Есть у них начальство! Какой-то подполковник Рыгайло!

– Так вытягнуть этого Рыгайлу перед обществом, и пусть он разъяснит!

– Чего там разъяснять? – грозно рыкнул Козопупенко. – Выдрать сукина сына нагайкой, как сидорову козу! Шоб жопа алым пламенем пылала!

– Выдрать, выдрать! – восторженно подхватила ликующая толпа.

Как только это предложение достигло слуха начальника девятой колонии, вход проповедникам ислама на территорию зоны был категорически перекрыт – на веки вечные. Да они и сами уже не стремились, занятые борьбой вокруг недостроенной мечети.

Не смог составить конкуренцию православной вере и иудейский пастырь. Приходящий раввин окучивал исключительно арестантов еврейской национальности, в первых рядах которых выделялся неугомонный Миша Ашкенази. Он тут же наладил свой маленький бизнес. Подключив нескольких «чернушников», Миша организовал производство брелоков-могендовидов из проволоки, которые затем сплавлялись раввину в обмен на сигареты. Толкователь Торы и Талмуда, види-

мо, тоже не оставался внакладе, всячески поощряя сие богоугодное дело и требуя пересмотра плана по выпуску «звезд Давида» в сторону увеличения.

Основной контингент, чье сознание пока не было окутано религиозным дурманом, относился к иудаизму с подозрением.

– Не хватало еще, чтобы мне мой болт драгоценный обрезали, – недовольно бурчал старичок Никита Всеволожский.

– Вот же старый ты пентюх, – раздосадованно отзывался Аркаша Симкин. – Обрезание – это ж не отрезание. Там всего-то один разок чикнуть.

– Я те чикну! – возмущался дед Никита. – Тебе уже, небось, отчикали полпочатка, так ты по злобе своей и других хочешь оставить половыми инвалидами...

Короче, иудейской вере в «девятке» доверия не было.

В недолгой греко-римской религиозной борьбе православие опять-таки оказалось сверху, припечатав католицизм лопатками к заплеванному зоновскому плацу, истоптанному за долгие годы тысячами арестантских ботинок-«говнодавов». Из католиков на зоне оказался лишь львовский «захидник» Мыкола Закошук, но тот дюже погано разумел москальску мову (за что не раз был бит по простодушной морде местными патриотами – как правило, из числа бомжей). А прибудившийся до зоны не то пастор, не то ксендз ни ухом, ни рылом не смыслил по-хохлячи.

Мнение остальных «пассажиров» коротко выразил Саня Жук:

– У благородного жулика уже есть Ростов-папа – на хера ему еще Папа Римский?!

Оставался лишь один мощный конкурент – адвентисты, евангельские христиане и прочие церкви баптистского толка, коих, по выражению подполковника Загайло, набралась кукуева туча. Их летучие десанты сменяли друг друга и бомбили бронированные лбы уголовного контингента, пытаясь достучаться до внутренней требухи. Конечно, если бы эти братья во Христе несли на зону только Слово Божие, фиг бы что у них выгорело. Значительная часть «сидельцев» были из числа воинствующих атеистов. Их идейным вдохновителем являлся Шурик Макеев из седьмого отряда, который (с тайного разрешения Загайло) в разгар церковной заварухи затеял выпуск зоновской газеты «Безбожник». В передовой статье Шурик писал:

«Тoшно смотреть на весь этот сброд. Пятая судимость, особо опасный рецидивист – и лоб крестит. Была бы моя воля, я бы их гнал дры-

ном до самого Иерусалима. Подойдешь, спросишь закурить, а они жизни начинают учить. Ничего не выпросишь – ни чая, ни конфет...»

Коварные проповедники, видимо, тоже изучили статью Шурика. Во всяком случае, евангельские христиане, появляясь в колонии, привозили с собой чай, конфеты, шоколад, печенье и другой хавчик. Все это вручалось новокрещеным «братьям». Арестанты тут же ломанулись в баптисты. Причем каждый крестился по всем направлениям: сегодня лютеранин, завтра – свидетель Иеговы... Вскоре секты кончились, и паства решила записываться по второму кругу. Но, оказалось, хитрые баптисты отметили своих крестников в тетрадочках, и номер не прошел.

Тогда наиболее изобретательные сидельцы стали выпрашивать у пастырей Библии с цветными картинками – чтобы легче было нести Слово Божие поотрядно. Красочные книжки затем «толкали» вольняшкам в обмен на водку или за наличные по бросовой цене. Но и эта халява в конце концов накрылась медным тазом. Интерес к баптизму теперь поддерживали редкие подачки и частые концерты евангелистов, которые под гитару исполняли веселые песенки про Христа, нередко сочиняя тексты на известные мелодии. Особой популярностью пользовался хит со словами:

*А ты такой холодный, как Лазарь воскресенный,
И все твои печали остались позади.*

Или из Ромы Зверя:

*В церковь иду сквозь жилые массивы –
Если молюсь, то молюсь красиво!*

Между тем православный протоиерей к тому времени охладел к блатной пастве: и сам не приезжал, и сала не привозил. Православие дрогнуло...

А вскоре приключилась новая напасть: православные арестанты дружно решили бойкотировать возведение храма. Суровый Загайло вызвал на ковер бригадира строителей – домушника Федю Гвоздодера.

– В чем дело, Лупаткин? – обратился он к Феде. – Какие проблемы?

– Гражданин начальник, так дело не пойдет! Я у вас просил народ взамен тех, кто на поселок выломился?

– Просил. Я тебе и дал.

– Кого? Бригаду пинчей с третьего отряда! Вы меня что, за пидора держите?!

– Лупаткин, кончай эти разговоры! У нас на зоне нет ни обиженных, ни опущенных, ни зашкваренных.

– Да? А куда ж они делись? Сдернули на Луну вместо американских астронавтов? Оно, конечно, у нас большей частью неткнутые, а так, опомоились по непонятке, однако же петух – он и есть петух.

– Ты, блядь, мне тут демагогию не разводи! Крест носишь? Носишь. А перед Христом вы все равны, как оловянные солдатики. Эти, которых я тебе в подмогу прислал, тоже православные. Построите храм, небось, вместе к иконе прикладываться будете. Как по понятиям положено.

– Вот уж хрена лысого! Чтоб я после пидараса икону вылизывал?! И кто это позволит ему Христов лик своим чмоканьем поганить? Да мы всю зону подыдем!

– Лупаткин!

– Что «Лупаткин»? Нет такой веры, чтобы опускали ниже плинтуса! Ну, евреи ермолку носят – нема базара. А чтоб гребень на башку – да стреляйте меня, как маршала Блюхера!

Такой поворот темы крепко проредил ряды православной паствы. Батюшка Феодосий вынужден был провести разъяснительную беседу. Начав для затравки с интимной байки про Христа и блудницу, он коснулся трагической истории про Содом и Гоморру, где праведного Лота чуть было не лишили его праведности. Затем батюшка попенял заблудшим овцам на их гордыню, ненароком напомнив, что здание столовой, между прочим, строили и обитатели «курятника», сиречь «петухи». А едят в «обжорке» обычные сидельцы вместе с «обиженниками».

– И ничего, никто из вас до сих пор куском не подавился!

– Так мы ж за разными столами! – возразил Жора Лещ.

– А я вас что, призываю с ними в уста лобзаться?

– А икона?

– Икон у Церкви Христовой, слава Богу, достаточно! Две поставим. По отдельности.

Таким образом, сложные религиозные вопросы были решены.

Однако по количеству подарков и культурной программе баптисты по-прежнему опережали православных – примерно на полкорпуса. Оставалось ждать чуда...

И чудо грянуло! Причем с неожиданной стороны. В один из морозных январских дней на «девятку» прибыл конвой и загреб Федю Гвоздодера. Его тусанули в СИЗО. Назад осужденный Лупаткин уже не вернулся. Появился он на зоне пару месяцев спустя – при любопытных обстоятельствах.

Где-то так в конце марта, когда подтаял снежок и прилетевшие грачи принялись гадить на головы юным последышам художника Саврасова, арестантский народ был согнан в клуб колонии – большой сарай, продуваемый всеми ветрами. Народ надеялся, что ему изобразят какую-нибудь самодеятельность или, на крайняк, покажут народного артиста Никоненко, какой приезжал года три назад и потешил сидельцев байками из жизни богемы. Однако вместо артиста Никоненко на сцену вылез Федя Лупаткин в сугубо гражданском прикиде.

– Гвоздодер! – ахнула публика. – Эй, Гвоздодер, ты где пропадал?

– Федька! – завопил кто-то из «братвы». – Ты же должен был червонец трубить! А теперь, стало быть, на воле гуляешь? Ссучился, калоша треугольная?

– Я тебе ссучусь! – возмутился Гвоздодер. – А ну дайте мне этого клиента, я ему кендюхи на лопату намотаю! Слушайте сюда, пацаны, что со мной приключилось!

И Лупарев поведал залу историю совсем уж невероятную. Оказалось, выдернули Федю на СИЗО по интересной причине. Мотал свой срок Лупаткин за убийство какого-то типа. Типа этого Федя вовсе не знал, а просто оказались они в одной компании, где обмывали успешно выполненную «работу». То есть не ударную вахту на комбайновом заводе, а скромную кражу из ларька. Федя много пил и мало закусывал и потому скоро вырубился. А наутро нагрянули менты и скрутили сонному Гвоздодеру ласты. Когда Лупаткин усилием воли раззявил зенки пошире, то увидел рядом с собой теплый трупик малоизвестного гражданина, о котором смутно мог вспомнить лишь то, что гражданин до отруба наливал ему коньяк в граненый стакан.

Остальное, как в кино про сыщиков: отпечатки пальцев на ноже оказались Федины, более никого в квартире не было, сам Лупаткин ни хрена не помнил. И даже нутром признавал, что такую байдую запросто мог с дурной головы замастырить. Так и отправился на зону с честно заработанным «червонцем».

А аккурат через три годочка настырные менты захомотали совершенно по другому делу еще одного участника знаменитой попойки. Под тяжестью улик и милицейских ботинок тот вспомнил заодно и про давнюю кражу. И к слову поведал о том, что стал свидетелем убийства, за которое пыхтел Федя. Оказалось, невезучего незнакомца посадил на «перо» вовсе не Гвоздодер, а его лепший кореш. Который затем, протрезвев, решил, что Феде будет удобнее идти за паровоза и по сухому делу, и по мокрому.

В общем, состоялся пересуд, который снял с Лупаткина обвинение в убийстве, а оставил только кражу, за которую назначил Гвоздодеру три года срока. А их наш Федя к тому моменту уже благополучно отсидел.

– Мораль сей басни такова, – в завершение заявил пацанам Гвоздодер. – За два месяца до этого пересуда батюшка Феодосий окрестил меня в православную веру. И стал я молиться Господу, чтобы он, значит, вытащил меня из зоны. Молюсь, а сам себе думаю: ну чего ты, дурень, к Христу дободался? Нереальные задачи ставишь... Как он тебя освободит, когда дэшку тебе впаяли за всю мазуту? Ни УДО, ни поселок не светит, трубить тебе, пока уши не опухнут. А сам все ж таки молюсь!

– И чего? – пренебрежительно бросил из зала атеист Шурик Макеев.

– Как это «чего», дятел? Я по ту сторону шлюза, а ты – по эту!

– Совпадение... – неуверенно венькнул Шурик.

– Ага! Только я с этим совпадением по воле гуляю, а ты зону топчешь!

После этого диспута православная вера победила на «девятке» окончательно и бесповоротно. А Шурик Макеев пошел вместо Гвоздодера бригадиром – храм достраивать.

Мы продвигаем стратегию снижения вреда для противодействия эпидемии ВИЧ/СПИДа, сохранения общественного здоровья и реализации гражданских прав потребителей наркотиков и всех жителей России.

НАША МИССИЯ

115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58, стр.3, офис 228

Тел.: +7(495) 785-04-27, +7(495) 363-34-96, +7(495) 363-21-09

Факс: +7(495) 785-04-28

info@harmreduction.ruinfo©harmreduction¸ru,

info@vssv.ruinfo®vssv&midotru

www.harmreduction.ru, www.vssv.ru

10 июня скончалась Люба Небренина, член Всероссийской сети снижения вреда.

Она была активным сотрудником альянса «Новая наркополитика» и БФ «Колодец», долгое время сотрудничала с известной правозащитной организацией «Центр содействия реформе уголовного правосудия». Люба была талантливым автором книги о женщинах в местах лишения свободы. Сама получив трагический опыт тюрьмы, она подготовила к выпуску книгу, в которой описывались нелегкие женские судьбы. Люба была замечательным фотографом. Многие помнят ее фотографии с выставки, посвященной цыганам-люди «Странники и пришельцы».

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 28.05.2007 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная